

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС ЕКАТЕРИНБУРГ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Укрепление режима нераспространения ядерного оружия: создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

Инновационный потенциал Армении как фактор обеспечения устойчивого экономического роста в долгосрочной перспективе

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Методика ранжирования стейкхолдеров образовательной организации

Т. 18, № 2
2024

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

2024

Т. 18, № 2

MANAGEMENT ISSUES

2024, vol. 18, no. 2

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Чевтаева Наталия Геннадьевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Балынская Наталья Ринатовна – Южно-Уральский институт искусств имени П.И. Чайковского (Челябинск, Россия)

Керимов Александр Алиевич – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Литвиненко Александр Николаевич – Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ростовская Тамара Керимовна – Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия);

Руденкин Василий Николаевич – Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Скоробацкий Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Атанесян Артур – Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)

Кумар Правин – Индийский институт высшего образования и исследований (Ченнаи, Индия)

Сюлейманлы Эбульфез – Университет Ускюдар (Стамбул, Турция)

Тце Серене – Университет Нинбо – Объединенный институт Университета Анже (Нинбо, Китай)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Трушков Дмитрий Игоревич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.4. Финансы (экономические науки)

5.2.6. Менеджмент (экономические науки)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

В соответствии с письмом Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации от 21.12.2023 № 3-ПА/1, журналу «Вопросы управления» присвоена категория К1.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛА РАЗМЕЩАЮТСЯ:

- на официальном сайте;
- в научной электронной библиотеке eLibrary.ru;
- в открытой библиотеке CyberLeninka.ru;
- в ЭБС Лань;
- в библиотеке ЛитРес.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Natalia G. Chevtaeva – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Anna P. Bagirova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Natalia R. Balynskaya – South Ural Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky (Chelyabinsk, Russia)

Aleksandr A. Kerimov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Aleksandr N. Litvinenko – Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Igor N. Molchanov – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Vasily N. Rudenkin – Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – Ural Institute of Management – branch of RANEPА (Ekaterinburg, Russia)

Artur Atanesyan – Erevan State University (Erevan, Armenia)

Praveen Kumar – Bharath Institute of Higher Education and Research (Chennai, India)

Ebulfez Süleymanlı – Uskudar University (Istanbul, Turkey)

Serene Tze – Ningbo University – University of Angers Joint Institute (Ningbo, China)

EXECUTIVE SECRETARY

Dmitry I. Trushkov – Ural Institute of Management – branch of RANEPА

The journal is included in the list of leading peer-reviewed academic journals, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science: Economic theory, Regional and sectoral economy, Finance, Management (Economic Sciences); Social structure, social institutions and processes, Sociology of management (Sociological Sciences); Political institutions, processes, technologies (Political Sciences).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-85748 от 25.08.2023.

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-85748 dated August 25, 2023.

Журнал входит в перечень журналов, утвержденный ученым советом РАНХиГС, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по экономическим, социологическим и политическим наукам.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Вербицкая Т. В.

Укрепление режима нераспространения ядерного оружия: создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке

Томильцев А. В., Мальцев А. В.

Мигранты как потенциальный источник этно-конфессиональных конфликтов в России

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

Восканян М. А.

Инновационный потенциал Армении как фактор обеспечения устойчивого экономического роста в долгосрочной перспективе

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Натсак О. Д.

Социальный оптимизм населения Республики Тыва: гендерные и возрастные аспекты

Назаров А. В.

Методика ранжирования стейкхолдеров образовательной организации

Власова О. В.

Инновационный потенциал научно-педагогических работников: методологические подходы к исследованию

CONTENTS

POWER and PUBLIC ADMINISTRATION

Verbitskaya T. V.

5 Strengthening the nuclear non-proliferation regime: achieving nuclear-free zone in the Middle East

Tomiltsev A. V., Maltsev A. V.

18 Migrants as a potential source of ethno-confessional conflicts in Russia

ECONOMICS and MANAGEMENT

Voskanyan M. A.

33 The innovative potential of Armenia as a factor of the long-term sustainable economic growth

SOCIAL MANAGEMENT

Natsak O. D.

49 Social optimism of the population of the Republic of Tuva: gender and age aspects

Nazarov A. V.

65 The methodology of ranking stakeholders of an educational organization

Vlasova O. V.

81 Innovation potential of academic teaching staff: methodological approaches to research

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER
and PUBLIC ADMINISTRATION

УКРЕПЛЕНИЕ РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ: СОЗДАНИЕ БЕЗЪЯДЕРНОЙ ЗОНЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Т. В. Вербицкая^а

^а Государственный архив Свердловской области
(Екатеринбург, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Статья посвящена проблеме выстраивания диалога ядерных и неядерных государств Ближнего Востока с целью достижения соглашения о функционировании безъядерной зоны в регионе в качестве меры по сохранению режима нераспространения ядерного оружия. Цель работы – определить пути создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке в контексте геополитических реалий региона. Актуальность исследования обусловлена тем, что в связи с принятием текста Договора о запрещении ядерного оружия в 2017 г., предполагающего кардинальное изменение положения акторов в ядерной сфере, возникла необходимость определить перспективы режима нераспространения ядерного оружия. Установлено, что для сохранения указанного режима необходима его адаптация к современным реалиям международных отношений, что предполагает более активную роль, чем в биполярную эпоху, неядерных государств и решение не утрачивающей свое значение проблемы государств, фактически обладающих ядерным оружием, к числу которых на Ближнем Востоке относится Израиль.

Материалы и методы. Исследование осуществляется с применением таких методов, как структурно-функциональный (в рамках определения роли проблемы ближневосточного ядерного урегулирования в политических процессах, происходящих в рамках трансформации режима нераспространения ядерного оружия) и метод case-study (необходимый для изучения особенностей процесса создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия в контексте геополитических противоречий ядерных держав в регионе).

Результаты исследования заключаются в определении путей укрепления режима нераспространения ядерного оружия посредством создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, что предполагает решение вопроса о предоставлении гарантий государствам, фактически обладающим ядерным оружием. Установлено, что Россия как ведущая ядерная держава сможет добиться инициирования и реализации данных мер.

Обсуждение. Режим нераспространения ядерного оружия может быть укреплен благодаря налаживанию политического процесса достижения соглашения ядерных и неядерных держав на региональном уровне – при принятии плана действий по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, что послужит основой для выстраивания подобного диалога для принятия и других мер по укреплению режима нераспространения ядерного оружия на универсальном уровне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: статус государств, политико-правовой режим, ядерное сдерживание, стратегический баланс, предотвращение гонки вооружений, международная безопасность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вербицкая Т. В. Укрепление режима нераспространения ядерного оружия: создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 2. С. 5-17. EDN OHQYUO. DOI 10.22394/2304-3369-2024-2-5-17.

© Т. В. Вербицкая, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Вербицкая Татьяна Владимировна – кандидат политических наук; Государственный архив Свердловской области (620000, Россия, Екатеринбург, ул. Вайнера, 17) — *научный сотрудник*; aquitania-17@yandex.com. SPIN-код: 5780-6273, ORCID: 0000-0002-0405-2735, ResearcherID: E-2083-2019.

Статья поступила 22.11.2023; рецензия получена 27.12.2023; принята к публикации 23.03.2024.

STRENGTHENING THE NUCLEAR NON-PROLIFERATION REGIME: ACHIEVING NUCLEAR-FREE ZONE IN THE MIDDLE EAST

T. V. Verbitskaya^a

^a State Archive of the Sverdlovsk Region
(Ekaterinburg, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. The article is devoted to the problem of building a dialogue between nuclear and non-nuclear states of the Middle East with the aim to reach an agreement on a nuclear-free zone in the region as a measure to preserve the nuclear non-proliferation regime. The research purpose is to identify ways of creating a nuclear-free zone in the Middle East in the context of the geopolitical realities of the region. The research relevance is due to the fact, that the adoption of the Treaty on Prohibition of Nuclear Weapons in 2017, which implies a fundamental change in the position of actors in the nuclear field, gave rise to the need to determine prospects for the nuclear non-proliferation regime. The research revealed that in order to preserve the regime, it is necessary to adapt it to the modern realities of international relations, meaning a more active role than in the bipolar era of non-nuclear states and a solution to the ongoing problem of states actually possessing nuclear weapons, including Israel in the Middle East.

Materials and methods. The research used structural-functional method (to identify the role of the Middle East nuclear settlement problem in political processes in the framework of the nuclear non-proliferation regime transformation), and case-study method (to study the specifics of creating a nuclear-weapon-free zone in the Middle East, in the context of geopolitical contradictions between nuclear powers in the region).

The results of the research are the identified ways to strengthen the nuclear non-proliferation regime through the creation of a nuclear-weapon-free zone in the Middle East, which implies solution to the issue of providing guarantees to states, actually possessing nuclear weapons. The work found that Russia, as a leading nuclear power, will be able to initiate and implement these measures.

Discussion. The nuclear non-proliferation regime can be strengthened through establishing a political process towards reaching agreement between nuclear and non-nuclear powers at regional level when adopting an action plan to create a nuclear-weapon-free zone in the Middle East, which will serve as the basis for building a similar dialogue for adopting other measures towards nuclear non-proliferation regime at universal level.

KEYWORDS: status of states, political and legal regime, nuclear deterrence, strategic balance, arms race prevention, international security

FOR CITATION: Verbitskaya, T. V. (2024). Strengthening the nuclear non-proliferation regime: achieving nuclear-free zone in the Middle East. *Management Issues*, 18(2), 5–17. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-2-5-17>

AUTHORS' INFORMATION:

Tatiana V. Verbitskaya – Ph.D. of Political Sciences; State Archive of the Sverdlovsk Region (17, Weiner St., Ekaterinburg, 620000, Russia) — *researcher*; aquitania-17@yandex.com. RSCI SPIN: 5780-6273, ORCID: 0000-0002-0405-2735, ResearcherID: E-2083-2019.

The article was submitted 11/22/2023; reviewed 12/27/2023; accepted for publication 03/23/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

События пяти лет, произошедшие после того, как состоялась Обзорная конференция по Договору о нераспространении ядерного оружия (далее – ДНЯО)¹ в 2015 г.², такие как трудности в исполнении иранской ядерной сделки, выход США из ДРСМД, принятие текста Договора о запрещении ядерного оружия в 2017 г.³, наглядно демонстрируют, что режим нераспространения ядерного оружия (далее – РНЯО) необходимо укреплять, чтобы он соответствовал современным постбиполярным реалиям международных отношений, обеспечить устойчивость режима. При этом к числу самых острых геополитических вызовов, с которыми сталкивается режим нераспространения ядерного оружия, можно отнести кризис ближневосточного ядерного урегулирования, сложности в снижении, острота которого обусловлена двумя факторами, внутренним и внешним. Внутренний фактор заключается в имеющих глубокие исторические корни политико-территориальных претензиях сторон друг к другу. Внешний фактор – стремление к доминированию в стратегически важном политическом регионе влиятельных на мировой арене акторов [1, с. 47; 2, с. 98]. Именно совокупность указанных внутренних и внешних факторов и обуславливает отказ сторон к внедрению на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, как это было закреплено в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению 1987 г. Между тем, именно политический процесс ближневосточного ядерного урегулирования послужил бы важной мерой укрепления режима нераспространения ядерного оружия, в силу того, что обеспечение функционирования безъядерной зоны на Ближнем Востоке завершило бы процесс создания подобных зон по всем континентам. Однако безрезультатное завершение уже четвертой конференции ООН 13–17 ноября 2023 г. по вопросу создания на Ближнем Востоке зоны, свободной

от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, свидетельствует о том, что создание подобной зоны на Ближнем Востоке невозможно без предоставления особого статуса государствам, фактически обладающим ядерным оружием (в том числе Израилю и Ирану), включая официальное признание их статуса и наделение гарантиями защиты со стороны ядерных держав при принятии ими решения о сокращении у них ядерного потенциала. Именно поэтому принятие международного соглашения по вопросу о статусе государств, фактически обладающих ядерным оружием, свидетельствовало бы о налаживании политического процесса выстраивания ядерных и неядерных держав и государств, фактически обладающих ядерным оружием, по вопросам предотвращения распространения ядерного оружия на региональном уровне функционирования РНЯО.

При этом политический процесс создания на Ближнем Востоке безъядерной зоны представляет собой совокупность действий, принимаемых ядерными державами и государствами региона по поэтапному сокращению имеющегося на территории региона ядерного оружия с применением инструментов режима нераспространения ядерного оружия, включая создание специальной миссии МАГАТЭ по мониторингу имеющегося в регионе ядерного потенциала.

Хронологические рамки исследования можно определить как 2021–2023 гг., поскольку 22 января 2021 г. вступил в силу Договор о запрещении ядерного оружия, который можно охарактеризовать в качестве правовой базы для отказа от ядерного оружия на универсальном уровне и, соответственно, создания на Ближнем Востоке безъядерной зоны, в 2023 г. произошло обострение арабо-израильского противостояния, что обусловило то, что конференция ООН 13–17 ноября 2023 г. по вопросу создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, завершилась без принятия плана по отказу от ядерного оружия на Ближнем Востоке, что свидетельствует о том, что инструменты РНЯО не соответствуют текущим геополитическим реалиям и необходимо принять меры по укреплению режима.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Международный режим нераспространения ядерного оружия может быть охарактеризован

¹ Договор о нераспространении ядерного оружия, одобренный резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 22.02.2023).

² Заключительный документ Конференции 2010 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://digital.library.un.org/record/698847> (дата обращения: 15.12.2023).

³ Договор о запрещении ядерного оружия от 7 июня 2017 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/2017/07/20170707%2003-42%20PM/Ch_XXVI_9.pdf (дата обращения: 14.03.2023).

в рамках теории систем в качестве целостной совокупности элементов (универсальный и региональный уровни), функционирующих для обеспечения ядерной безопасности. При этом создание зон, свободных от ядерного оружия, в отдельных локациях, административно-территориальных образованиях, можно отнести к региональному уровню РНЯО; политические процессы выстраивания диалога ядерных и неядерных государств по проблемам обеспечения ответственности данного режима в общемировом пространстве можно отнести к универсальному уровню РНЯО. Для определения путей создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, в рамках регионального уровня режима нераспространения ядерного оружия применены аналитические методы исследования, в том числе контент-анализ документов внутренней и внешней политики России в качестве ключевого актора, заинтересованного в сохранении и укреплении РНЯО, по вопросам создания безъядерных зон; компаративный метод, который позволил выявить отличительные особенности Ближнего Востока в качестве региона, для решения вопроса о путях создания зоны, свободной от ядерного оружия; метод системного анализа позволил определить структуру политического процесса выстраивания диалога ядерных и неядерных держав в рамках решения проблем функционирования режима нераспространения ядерного оружия; геополитический анализ позволил изучить региональный контекст создания зоны, свободной от ядерного оружия.

Отметим, что решение проблем создания зон, свободных от ядерного оружия, было предложено в рамках концепции региональной денуклеаризации, которая разрабатывалась с 50-х годов XX в. Основной идеей данной концепции является объединение усилий стран и регионов по внедрению безъядерных зон. Как только безъядерные зоны будут созданы во всех регионах мира, будет сформирована глобальная безъядерная зона и, соответственно, обеспечено успешное функционирование универсального уровня режима нераспространения ядерного оружия. Пока не будет налажен политический процесс поэтапного отказа от имеющегося на Ближнем Востоке ядерного оружия на основе соглашения ядерных и неядерных держав и государств, фактически обладающих ядерным оружием – акторов ближневосточного региона, – достижение гло-

бальной безъядерной зоны станет сильно отсроченным по времени политическим процессом.

Проблема создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, являлась предметом изучения как зарубежных [3, с. 451; 4, с. 10; 5, с. 38; 6, с. 106; 7, с. 57; 8, с. 55], так и российских [9, с. 235; 12, с. 106; 13, с. 123] ученых.

Зарубежными учеными обоснованно отмечается, что проблема создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, не может быть решена без прекращения прямого давления США на политические процессы в регионе, а также отказа Израиля от развития его ядерной программы. Как справедливо указал Ф. Безуклади, «чтобы решить проблему распространения оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке, нужно, чтобы Израиль отказался от своей ядерной программы и Америка прекратила реализацию политики господства. Так все остальные страны этого региона перестанут чувствовать для себя угрозу» [8, с. 56]. Позицию исследователя разделяет В. Хоссейнзаде, подчеркивая, что «еще одной большой проблемой для безопасности Ирана, которая препятствует прекращению ядерной программы государства, является непосредственное присутствие США в регионе и их многочисленные военные базы на Ближнем Востоке» [11, с. 33].

Российские исследователи разделяют точку зрения зарубежных коллег о том, что для создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, необходим отказ от иранской ядерной программы и достижение соглашения ведущих внешних акторов региона – ядерных держав – о приоритете создания такой зоны над их геополитическими и экономическими интересами в регионе, в том числе в вопросе поставок ядерных технологий. Справедлива в указанном контексте позиция В. П. Козина, «в интересах создания подобной широкой по охвату зоны в ближневосточном регионе должны быть сделаны новые шаги после того, как Иран официально отказался от идеи создания собственного ядерного оружия» [12, с. 105]. Исследователь точно характеризует разногласия в позициях арабских стран и Израиля как фактор, препятствующий созданию на Ближнем Востоке безъядерной зоны: «Если арабские страны рассматривают подготовку и принятие международного договора о такой зоне как прелюдию к улучшению взаимных отношений и повышению

уровня региональной безопасности, то Тель-Авив на первое место ставит вопрос об улучшении взаимных отношений и укрепление безопасности в регионе в качестве первого шага» [12, с. 107]. Следует согласиться с А. В. Фроловым в том, что акторы региона, безусловно, осознают значимость создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия для обеспечения их безопасности, однако «внешнеполитические приоритеты и экономические интересы ведущих гарантов (включая Россию, США и Китай) подчас разнятся настолько, что последние не могут принять согласованного решения по рассматриваемой проблеме» [13, с. 125]. Российские ученые также справедливо указывают, что, пока не будут решены проблемы на универсальном уровне РНЯО, будут возникать сложности и на региональном уровне, и поэтому решение проблемы создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, представляется затрудненным [14, с. 7; 15, с. 116]. В качестве средства решения данной проблемы исследователями обоснованно предлагается использование опыта создания других зон, свободных от ядерного оружия. Так, И. А. Ахматзян предлагает использовать опыт создания зоны, свободной от ядерного оружия, в Латинской Америке [7, с. 58]. Позиция автора представляется убедительной в силу схожести данных регионов: у обоих высокий конфликтогенный потенциал и конфликты имеют глубокие исторические корни; велика роль внешних акторов – ядерных держав.

Тем не менее, не было осуществлено комплексное исследование проблемы создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, в контексте системы геополитических вызовов, инструменты для преодоления которых необходимо сформировать в рамках режима нераспространения ядерного оружия для обеспечения его устойчивости и сохранности. Соответственно, новизна исследования заключается в определении перспектив ближневосточного ядерного урегулирования в контексте изменившихся после принятия текста Договора о запрещении ядерного оружия в 2017 г. геополитических реалий в виде столкновения интересов ядерных и неядерных держав, обуславливающих трансформацию режима нераспространения ядерного оружия.

Отметим, что для создания зоны, свободной от ядерного оружия, необходим политический

процесс, при котором ядерные и неядерные державы региона, а также государства, фактически обладающие ядерным оружием, достигнут соглашения о применении в регионе специальных инструментов РНЯО, с помощью которых можно устранять препятствующие устойчивому функционированию режима вызовы с учетом их характера и степени опасности, в том числе:

- учет геополитического контекста зоны, свободной от ядерного оружия (при требовании от государств отказаться от ядерного оружия нельзя не учитывать факт неурегулированности отношений сторон, грозящей привести к вспышке нового витка вооруженного противостояния акторов, подобно арабо-израильскому противостоянию, а также ситуации вокруг иранской ядерной сделки);
- инструменты режима должны быть специальными, формируемыми именно для нужд территории, в которых планируется их применение (так, на Ближнем Востоке не менее значимо и функционирование механизма, препятствующего попаданию ядерных технологий в руки негосударственных акторов, а также формирование специальной мониторинговой миссии МАГАТЭ);
- для государства региона, фактически обладающего ядерным оружием, должен быть разработан план по достижению выполнения государством обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 г., сопровождающийся необходимым для этого финансовым обеспечением.

Особенности геополитических реалий ближневосточного региона состоят в триаде факторов: 1) высокий конфликтогенный потенциал региона – множество имеющих глубокие исторические корни клубков противоречий, квинт-эссенцией которых можно назвать арабо-израильское противостояние; 2) в регионе наибольший риск гонки вооружений, в том числе в ядерной сфере (в силу того, что все акторы, играющие значимую роль на международной арене, имеют в регионе свои интересы, реализуемые в том числе с учетом такого фактора, как ядерные вооружения); 3) сильное влияние внешнего фактора, когда играющие весомую роль на мировой арене акторы стремятся упрочить свои позиции и на Ближнем Востоке; при этом все указанные факторы накладываются друг на друга, создавая, с одной стороны, непреодолимый ком-

плекс противоречий, и с другой – плацдарм для заинтересованных государств в возможности влиять с помощью геополитического инструментария на соотношение сил в регионе (чем регулярно пользуются США, попеременно «поддерживающие баланс» на Ближнем Востоке, отдавая приоритет одной или другой стороне арабо-израильского конфликта). Кроме того, фактически обладающий ядерным оружием Израиль с учетом противостояния с арабскими державами не имеет возможности отказаться от имеющегося у него потенциала в указанной сфере и с учетом текущего обострения противостояния на Ближнем Востоке будет готов к наращиванию потенциала в данной сфере. Изложенные факторы обуславливают то, что режим нераспространения ядерного оружия не может действовать на Ближнем Востоке так, чтобы стать эффективным инструментом, препятствующим гонке вооружений в регионе, в том числе и особенно в ядерной сфере.

Указанные геополитические реалии обуславливают трудность внедрения на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, что является вызовом, с которым сталкивается режим нераспространения ядерного оружия на региональном уровне своего функционирования. Соответственно, для укрепления РНЯО в виде создания указанной безъядерной зоны необходимо налаживание политического процесса выстраивания диалога ядерных и неядерных держав и государств, фактически обладающих ядерным оружием в регионе. Однако данный политический процесс столкнется с существенными трудностями, связанными с геополитическими противоречиями не только между ядерными и неядерными державами и государствами, фактически обладающими ядерным оружием, но и между ядерными державами.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Несмотря на то, что в рамках режима нераспространения ядерного оружия ядерным государствам предоставляется особый статус и гарантии его сохранности, нельзя сказать, что поведение всех ядерных государств обеспечивает устойчивость режима, и инициативы по укреплению РНЯО как на универсальном, так и на региональном уровнях будут ими поддержаны исключительно из-за геополитических противоречий.

Так, демарш США в отношении ДРСМД, расширение санкций против России не способствуют налаживанию диалога государств, обладающих самым мощным ядерным потенциалом – России и США [23, с. 22]. Периодически обостряющиеся торговые войны США и Китая также не содействуют выстраиванию результативного механизма взаимодействия этих государств [24, с. 36]. Brexit препятствует осуществлению диалога Франции и Великобритании и не способствует достижению общности позиций Великобритании и США, дающих понять своему традиционному союзнику в Европе свое несогласие с политикой Туманного Альбиона в связи с инициированием указанного политического процесса Brexit. В контексте указанных противоречий ядерных держав и для поддержки стратегического баланса в рамках режима нераспространения ядерного оружия и его сохранения целесообразно принятие мер, уравнивающих действия США в отношении ДРСМД – на Обзорной конференции 2020 г. Тем более, что действия США на Ближнем Востоке в настоящее время не получают поддержку ядерных держав, в т.ч. признание Иерусалима столицей Израиля. Так, Президент России В. В. Путин в телефонном разговоре с главой Турции Р. Эрдоганом выразил серьезную обеспокоенность в связи с признанием США Иерусалима в качестве столицы Израиля⁴. Франция была среди восьми стран, которые настаивали на проведении экстренного заседания Совета Безопасности ООН в связи с указанными действиями США, которые «ставят под угрозу перспективу мирного урегулирования». Как следствие, указанные меры, принимаемые США, не способствуют разрешению арабо-израильских противоречий и переговорному процессу по созданию зоны, свободной от ядерного оружия на Ближнем Востоке. Но раскол ядерных держав, прямо выраженное несогласие Франции с действиями США и успехи России на Ближнем Востоке будут способствовать тому, что предлагаемый Россией план модернизации режима нераспространения ядерного оружия обретет сторонников в лице Франции и Китая.

Именно поэтому ключевая роль по инициированию политического процесса согласования

⁴ Путин и Эрдоган выразили обеспокоенность решением США признать Иерусалим столицей Израиля // ТАСС. 07.12.2017. URL: <http://tass.ru/politika/4794386> (дата обращения: 15.03.2022).

воль ядерных и неядерных держав, государств, фактически обладающих ядерным оружием, принадлежит России как государству, способному оказывать существенное влияние на международные процессы, в том числе в области нераспространения ядерного оружия, всемерно доказавшему приверженность обеспечению сохранности и укрепления РНЯО, а также восстановлению мира на Ближнем Востоке. Такая инициатива предполагает внесение предложения по разработке плана действий по совершенствованию режима нераспространения ядерного оружия [16, с. 7], включая поэтапное создание зоны, свободной от ядерного оружия, на Ближнем Востоке для работы в рамках вышеуказанной конференции ООН.

По вопросу разработки плана отказа от ядерного оружия на Ближнем Востоке и формирования безъядерной зоны в данном регионе Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что «Россия является сторонницей усилий, направленных на скорейшее внедрение на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного и всех других видов оружия массового уничтожения, посредством разработки соглашений, заключаемых добровольно между государствами региона»⁵. Тем не менее, возникает вопрос о том, как достичь такого соглашения, при условии, что некоторые арабские страны отказываются признать Израиль в качестве стороны переговоров? Россия считает, что для решения данного вопроса важно провести конференцию, участниками которой стали бы все государства региона. Именно поэтому важно, чтобы «ближневосточные государства проявили политическую волю и прагматичный подход и заняли конструктивную позицию в интересах достижения благородной цели – создания Ближнего Востока, свободного от ядерного и всех других видов оружия массового уничтожения»⁶. Бывший Президент России, Председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев в 2009 г. подчеркнул, что одной из самых опасных угроз является «появление ядерных компонен-

тов в руках террористов. Необходимо модернизировать систему предотвращения попадания ядерного оружия в руки террористов, сделать ее эффективной и современной»⁷. С. В. Лавров указал, что «Россия сыграла важную роль в достижении всеобъемлющих договоренностей по иранской ядерной программе, которые вносят значительный вклад в укрепление безопасности – как в мире в целом, так и на Ближнем Востоке»⁸.

Соответственно, со стороны России представляется целесообразным выдвинуть предложение о закреплении в протоколе к Договору о нераспространении ядерного оружия положений об участии представителей неядерных государств в механизме верификации МАГАТЭ, а также о создании специального верификационного механизма МАГАТЭ по Ближнему Востоку с привлечением к участию в нем представителей неядерных держав, а также государств региона, фактически обладающих ядерным оружием. В этом связи, кроме укрепления статуса неядерных государств, их участие в верификационном механизме МАГАТЭ позволит не допустить повторения в дальнейшем споров, которые возникли вокруг исполнения Ираном ядерной сделки, когда в результате сомнений США в том, насколько Иран выполняет свои обязательства, и, несмотря на положительное решение МАГАТЭ [22, с. 90], государство было подвергнуто санкциям без доказательств обоснованности такой позиции США.

В подобной модернизации верификационных механизмов заинтересованы все государства, фактически обладающие ядерным оружием, включая Израиль, ведь, несмотря на выгодный Израилу односторонний отказ США от участия в Совместном всеобъемлющем плане действий по иранской ядерной программе, аналогичная ситуация может произойти и применительно к самому Израилу в случае ухудшения отношений с США, в т.ч. решения США о том, что «стратегический баланс» на Ближнем Востоке больше достигается при налаживании диалога и поддержки Палестины.

⁵ Заявление Президента России по случаю двадцатилетия открытия для подписания Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/51695> (дата обращения: 14.09.2023).

⁶ Интервью заместителя министра иностранных дел Российской Федерации С. А. Рябкова газете «Известия», опубликованное 3 июля 2017 г. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/us/-/asset_publisher/unVXBbj4Z6e8/content/id/2805925 (дата обращения: 18.08.2023).

⁷ Выступление на саммите государств-членов СБ ООН по ядерному разоружению и нераспространению. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5566> (дата обращения: 24.09.2023).

⁸ Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе лекции для высшего офицерского состава Академии Генштаба. Москва, 23 марта 2017 г. URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2702537 (дата обращения: 16.07.2023).

В рамках Обзорной конференции по Договору о нераспространении ядерного оружия России необходимо инициировать создание мониторинговой комиссии по ядерному разоружению на Ближнем Востоке для анализа ситуации в области создания в регионе зоны, свободной от ядерного оружия, выдвигать предложения по корректировке плана действий по постепенному отказу от ядерного оружия в регионе.

При этом важно согласовать со всеми державами такие меры, чтобы односторонние действия ни одной из держав не приводили бы к обострению ситуации на Ближнем Востоке.

В свою очередь, для обеспечения сохранности РНЯО как на универсальном, так и региональном уровнях важно, чтобы ядерные и неядерные державы и государства, фактически обладающие ядерным оружием, были удовлетворены своим положением в РНЯО, признали функционирование режима соответствующим их национальным интересам, что сложно, поскольку неядерные державы – совокупность государств, имеющих разное положение на международной арене и возможность влиять на функционирование РНЯО, а государства, фактически обладающие ядерным оружием, не считают, что в рамках РНЯО им будут предоставлены достаточные гарантии, чтобы отказаться от имеющегося у них ядерного оружия.

Так, можно выделить несколько групп таких держав, с учетом их позиций по отношению к РНЯО на универсальном и региональном уровнях его существования:

- неядерные активисты (Австралия, Австрия, Германия, Швеция, Япония) – государства, продвигающие идею отказа от ядерного оружия на всех форумах, конференциях, посвященных проблемам безопасности мира, предотвращению гонки вооружений, функционирования на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия. В качестве основного аргумента в подкрепление своей позиции эти государства делают упор на гуманитарные последствия применения оружия массового уничтожения, включая ядерное оружие. Также они акцентируют внимание на проблеме фактического обладания ядерным оружием Израилем и угрозу попадания такого оружия и ядерных технологий в руки негосударственных акторов в качестве обстоятельств, препятствующих созданию на Ближнем Востоке безъядерной зоны и затрудняющих процесс

отказа от ядерного оружия [17, с. 47]. В соответствии с их мнением, если будет принято решение о постепенном сокращении ядерных потенциалов, вплоть до их полной ликвидации, то указанные проблемы будут поэтапно устраняться [17, с. 80; 18, с. 772; 19, с. 95]. Соответственно, неядерные активисты будут призывать государства, фактически обладающие ядерным оружием, к тому, чтобы стать участниками Договора о нераспространении ядерного оружия, и подчеркнут, что отказ Израиля от имеющегося у него ядерного арсенала будет способствовать сдвигу в процессе создания на Ближнем Востоке безъядерной зоны и предотвращения ядерного терроризма. Геополитические победы России на Ближнем Востоке и результаты политики США в регионе будут способствовать тому, что предложения России о поэтапном приведении Ближнего Востока к созданию зоны, свободной от ядерного оружия, в рамках применения верификационного механизма МАГАТЭ получат поддержку указанных государств;

- государства, входящие в НАТО, – они склонны выстраивать диалог с ядерными державами, в первую очередь с США и Францией, в силу своего участия в военном альянсе для поддержания системы коллективной безопасности [20, с. 3]. Тем не менее, Турция, важнейший игрок на Ближнем Востоке, демонстрирует готовность выстраивать свой внешнеполитический курс в регионе с учетом позиции России и будет поддерживать инициативу России относительно поэтапного создания в регионе зоны, свободной от ядерного оружия;

- государства постсоветского пространства, входящие в СНГ, будут готовы поддержать инициативы России, связанные с обеспечением сохранности режима нераспространения ядерного оружия на универсальном и региональном уровнях, включая создание на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, особенно если Россия предложит им дополнительные гарантии безопасности в ядерной сфере (распространить на них положения Будапештского меморандума 1994 г.) и предложит им более активную роль в части принятия решений по совершенствованию РНЯО [21, с. 17];

- государства, находящиеся в рамках зон, свободных от ядерного оружия, также будут склонны содействовать продвижению предложений России по модернизации режима, в силу активной роли и геополитических побед России на

мировой арене. По этой же причине сторонниками выстраивания диалога с Российской Федерацией будут и государства Ближнего Востока.

Основной интерес неядерных государств заключается в наделении их большим объемом возможностей по оказанию влияния на принятие решений в рамках РНЯО, и они будут воспринимать как свой успех процесс поэтапного создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, и поддержат инициативу России по созданию такой зоны на Ближнем Востоке.

В отношении государств, фактически обладающих ядерным оружием, следует отметить, что в рамках таких реалий, как принятие текста Договора о запрещении ядерного оружия 2017 г., указанные государства смогут предоставить дополнительную опору ядерным государствам, поддержав принятие мер по обеспечению сохранности и развитию режима нераспространения ядерного оружия, однако при положительном решении вопроса о легализации их статуса. Эти государства воспринимают ядерное оружие как средство защиты своего суверенитета от вмешательства влиятельных внешних акторов (в том числе и особенно США как ядерной державы) или иных государств, с которыми у держав, фактически обладающих ядерным оружием, имеются конфликты с глубокими историческими корнями, являющиеся трудноразрешимыми (как Израиля и Палестины). Именно в силу указанных обстоятельств государства, фактически обладающие ядерным оружием, никогда не были сторонниками введения в действие Договора о запрещении ядерного оружия и поддержат инициативы, выдвинутые Россией, по совершенствованию РНЯО в виде создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия. Кроме того, продолжение США политики расширения санкций против Ирана в связи с невыполнением им условий ядерной сделки без предоставления убедительных доказательств допущения Ираном нарушений сделки убеждает государства, фактически обладающие ядерным оружием, сохранить статус-кво. Ведь даже если они и приступят к процедуре сокращения имеющегося у них ядерного арсенала, отсутствуют гарантии того, что «отказ указанных акторов от имеющегося у них ядерного оружия будет признан другими державами, в том числе США. В этой связи для государств, фактически обладающих ядерным оружием, действенной мерой

представляется дополнение Протокола к ДНЯО переходными положениями, предусматривающими механизм верификации их ядерных арсеналов»⁹ со стороны МАГАТЭ, а также мониторинг, осуществляемый раз в 5 лет (по времени совпадающий с периодом проведения Обзорных конференций по ДНЯО), их достижений в области разоружения. Такие переходные положения смогут стать базой и для создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке, поскольку в этом процессе будут заинтересованы все акторы арабо-израильского противостояния. Кроме того, в рамках работы Обзорных конференций по ДНЯО необходимо создать отдельный комитет по государствам, фактически обладающим ядерным оружием, в котором эти государства могут формировать и представлять согласованную позицию по проблемам режима. В этом случае их позиция по обеспечению сохранности и развитию режима нераспространения ядерного оружия может быть учтена в полном объеме. Также целесообразно создание отдельного комитета и по ближневосточному урегулированию в ядерной сфере.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Тот факт, что Обзорная конференция по ДНЯО завершилась в 2015 г. без итогового документа, содержащего в себе конкретные меры по совершенствованию режима, свидетельствует о кризисе международной системы обеспечения ядерной безопасности. Следует отметить, что подобные итоги Обзорной конференции 2015 г. обусловлены кризисом переговорного процесса по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия. Изменение роли неядерных держав, которые настаивали на более активном участии в принятии решений по режиму, исходя из своего положения на мировой арене, в постбиполярную эпоху [14, с. 7] в сочетании с геополитическими противоречиями ядерных держав, в т.ч. на Ближнем Востоке, привело к сложностям в достижении договоренностей в ядерной сфере. Более того, в контексте ухудшения арабо-израильских отношений, *Brexit*, политики США на Ближнем Востоке высока вероятность, что не удастся прийти к существенным сдвигам в области совершенствования инструментов режима нераспространения ядерного оружия.

⁹ News, Notes, and Comments. *IEEE Technology and Society Magazine*, 3(2). 1984. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/5009858> (accessed: 25.01.2024).

Как показало предложение США «сделки века» для урегулирования отношений Израиля и Палестины, противоречия возникают не только между неядерными и ядерными державами – ядерные государства из-за геополитических разногласий не могут сформировать общую позицию по мерам совершенствования режима нераспространения ядерного оружия, особенно в отношении создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия [15, с. 103]. Более того, выражение Б. Нетаньяху заинтересованности в «сделке века» обострило внутривосточный кризис в Израиле, и, помимо коррупции, Верховный суд страны и Кнессет стали обвинять Б. Нетаньяху в действиях, которые могут привести к нарушению суверенитета страны.

Кроме того, как в 2015 г., так и ранее, не было предложено вариантов решения проблемы статуса государств, фактически обладающих ядерным оружием, позицию которых также нельзя не учитывать при определении направления развития режима. На Ближнем Востоке речь идет об Израиле, который в контексте ближневосточного кризиса не готов отказаться от имеющегося у него ядерного арсенала.

Не приводит к существенному улучшению ситуации в данной сфере и принятие 3 января 2022 г. Совместного заявления лидеров пяти государств, обладающих ядерным оружием, о предотвращении ядерной войны и недопущении гонки вооружений. Ключевое значение имеет такой пункт заявления, как «мы подтверждаем важность противодействия ядерным угрозам и подчеркиваем важность сохранения и соблюдения наших двусторонних и многосторонних соглашений и обязательств в сфере нераспространения, разоружения и контроля над вооружениями. Мы сохраняем приверженность нашим обязательствам по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), включая наше обязательство по статье VI «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о Договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем»¹⁰. Иными словами, в об-

ласти обеспечения ядерной безопасности Россия, Китай, США, Великобритания и Франция будут по-прежнему сохранять приверженность инструментам режима нераспространения ядерного оружия, с готовностью всемерного совершенствования механизма его реализации с тем, чтобы были приняты эффективные меры по устранению гонки вооружений и ядерному разоружению.

Принятие такого заявления может быть воспринято как ответ «ядерной пятерки» на вступление в силу Договора о запрещении ядерного оружия 22 января 2021 г., а также демонстрация намерений «ядерных держав» к выработке общих позиций по поводу укрепления режима нераспространения ядерного оружия и отражения содержания этой позиции для других держав (сверка часов). Однако кроме общего выражения о том, что конечной целью всех ядерных держав является построение мира, свободного от ядерного оружия, без ущерба для чьей-либо безопасности, не были отражены меры, которые позволят обеспечить ядерную безопасность в разных регионах, особенно таком сложном, как Ближний Восток.

Изложенное позволяет выделить следующие сценарии развития ситуации на Ближнем Востоке, в контексте которых можно определить алгоритм действий для создания в данном регионе безъядерной зоны.

Первый сценарий состоит в сохранении напряженности в арабо-израильских отношениях на том же уровне, который сложился к концу 2023 г. В этом случае Израиль не только не будет готов к диалогу по поводу создания безъядерной зоны в регионе, но и будет наращивать имеющийся у него ядерный потенциал. При таком развитии событий возобновление переговорного процесса возможно посредством создания при посредничестве России специальной комиссии с приглашением представителей обеих конфликтующих сторон для урегулирования текущего витка их противостояния.

В рамках второго сценария представляется, что текущий виток противостояния сторон исчерпает себя в течение текущего года, что представляется наиболее вероятным вариантом развития событий в силу глубоких исторических корней конфликта, ставшего практически неотъемлемой реалией Ближнего Востока. В этом случае Израиль не будет готов участвовать в конференциях ООН по вопросу создания на Ближ-

¹⁰ Совместное заявление лидеров пяти государств, обладающих ядерным оружием, о предотвращении ядерной войны и недопущении гонки вооружений. 3 января 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67551> (дата обращения: 16.07.2023).

нем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, если не будет принято международное соглашение, в котором были бы отражены гарантии для государств, фактически обладающих ядерным оружием, что подтверждает то, что Израиль не принял участия в работе IV Конференции ООН по вопросу создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, 13–17 ноября 2023 г. В рамках данного сценария алгоритм решения проблемы представляется следующим: 1) прекращение текущего витка арабо-израильского конфликта и создание постоянной мониторинговой миссии; 2) выдвижение Россией инициативы по принятию международного соглашения, в котором бы содержались положения, содержащие определение статуса государств, фактически обладающих ядерным оружием, гарантии защиты со стороны ядерных держав в случае принятия ими решений о сокращении своего потенциала в ядерной сфере; 3) проведение конференции по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и другого оружия массового уничтожения.

Россия, как ядерная держава, доказавшая своими действиями приверженность сохранности режима нераспространения ядерного оружия и всемерно содействующая его устойчивости, будет услышана при выдвижении инициатив по развитию режима, включая обеспечение

функционирования на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия. Этому способствуют как геополитические победы России на Ближнем Востоке, так и статус гаранта режима. Самым острым вопросом, который препятствует развитию режима, является эффективность механизма принятия решений по РНЯО, достижения согласия участников режима по ключевым проблемам, возникающим в РНЯО, что, в свою очередь, обусловлено тем, что неядерные государства, а также государства, фактически обладающие ядерным оружием, не считают свою роль в РНЯО соответствующей их положению на мировой арене. Именно поэтому до тех пор, пока не будет осуществлено регулирование статуса различных участников режима нераспространения ядерного оружия с учетом современных реалий международных отношений, не представляется возможным достижение значимого прогресса в области совершенствования РНЯО. И именно Россия обладает достаточным весом на мировой арене для того, чтобы выступить с предложением по совершенствованию положений ДНЯО в части решения вопроса о правовом положении неядерных держав и государств, фактически обладающих ядерным оружием, и ближневосточного урегулирования в отношении создания в регионе безъядерной зоны. Тогда работа Обзорной конференции 2020 г. по ДНЯО будет плодотворной. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. ПАРАМУЗОВА О. Г. Ядерная демилитаризация и нейтрализация, создание и поддержание статуса безъядерных зон (современные международно-правовые реалии) // *Polish Journal of Science*. 2021. № 42 (42). С. 45–52. EDN EBXTQA.
2. КАРАСОВА Т. А. Ядерная программа Израиля // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11, № 6. С. 96–108. DOI 10.23932/2542-0240-2018-11-6-96-108. EDN VRIFNA.
3. АДАМОВ Е. О., АСМОЛОВ В. Г., БОЛЬШОВ А. А., ИВАНОВ В. К. Двухкомпонентная ядерная энергетика // *Вестник Российской академии наук*. 2021. Т. 91, № 5. С. 450–458. DOI 10.31857/S0869587321050029. EDN OXNFZF.
4. ВЕСЕЛОВ В. А. Несостоявшаяся разрядка 1960-х гг.: уроки Карибского кризиса и логика «холодной войны» // *Преподавание истории и обществознания в школе*. 2022. № 2. С. 3–17. DOI 10.47639/20744935_2022_2_3. EDN OXNFZF.
5. Туровская А. Э. Роль Германии в трансформации параметров военной безопасности Евро-Атлантики // *Наукосфера*. 2022. № 5-1. С. 37–45. DOI 10.5281/zenodo.6497211. EDN OXNFZF.
6. МАНАСЕРЯН Т. Н. Новый мировой экономический порядок: вопросы региональной безопасности и экономической дипломатии // *Регион и мир*. 2020. Т. 11, № 6. С. 105–112. EDN QIUIQZ.
7. АХТАМЗЯН И. А. Договор Тлателолко: пример для подражания // *Латинская Америка*. 2021. № 3. С. 55–64. DOI 10.31857/S0044748X0013676-2. EDN BIFPFS.
8. Безкади Ф. Распространение оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке // *Международный научный журнал*. 2015. № 3. С. 54–56. EDN KTFDWN.

9. СЕРГЕЕВ В. М., КАЗАНЦЕВ А. А., МЕДВЕДЕВА С. М. Территориальная неоднородность глобализации и порождаемые ею типы конфликтов // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 1. С. 44–61. DOI [10.17976/jpps/2020.01.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.04). EDN ODHWTZ.
10. ХОССЕЙНЗАДЕХ В., ФОМЕНКОВ А. А. Цели Ирана при создании и развитии ядерной программы: анализ существующих теорий // *Право и политика*. 2015. № 9. С. 1281–1285. DOI [10.7256/1811-9018.2015.9.15420](https://doi.org/10.7256/1811-9018.2015.9.15420). EDN UKHIRH.
11. ХОССЕЙНЗАДЕХ В. Создание и развитие ядерной программы Ирана // *Reports Scientific Society*. 2014. № 4 (7). С. 32–36. EDN XWARUZ.
12. КОЗИН В. П. К проблеме создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения: анализ развития и перспективы решения // *Вестник Академии военных наук*. 2016. № 2 (55). С. 103–109. EDN UHSANB.
13. ФРОЛОВ А. В. Ядерные программы на Ближнем Востоке: развить нельзя свернуть. Часть 2. Пути решения проблемы // *Пути к миру и безопасности*. 2019. № 1 (56). С. 122–134. DOI [10.20542/2307-1494-2019-1-122-134](https://doi.org/10.20542/2307-1494-2019-1-122-134). EDN VFEIXX.
14. ГРОМЬКО А. А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // *Современная Европа*. 2016. № 6 (72). С. 5–12. DOI [10.15211/soveurope620160510](https://doi.org/10.15211/soveurope620160510). EDN ZMVTVV.
15. ВЕСЕЛОВ В. А. Смена «ядерных веков»: стратегическая стабильность и контуры нового мирового порядка // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2018. Т. 10, № 1. С. 102–141. EDN DVUWGI.
16. АЛЕКСАНДРОВ М. В., РОДИОНОВ О. Е. Нужны ли России соглашения по контролю над вооружениями? // *Обозреватель*. 2018. № 10 (345). С. 5–14. EDN XXPPMB.
17. СЕМЧЕНКОВ А. С., НЕСОЛЕНАЯ А. К. Российско-китайское всеобъемлющее партнерство: генезис, особенности и перспективы развития // *Вестник Российской нации*. 2022. № 6 (88). С. 79–95. EDN ХУТФВХ.
18. ИГНАТЬЕВА О. А. Европейский союз как новая «имперская» стратегия Германии // *Вопросы политологии*. 2019. Т. 9, № 4 (44). С. 771–779. EDN YPEKWL.
19. БАЖЕНОВА Ж. М., ПОЛУТОВ А. В. Окинава в начальный период американской оккупации (1945-1952 гг.) // *Россия и АТР*. 2015. № 3 (89). С. 94–110. EDN SCJIOC.
20. АНИЧКИНА Т. Б., ЕСИН В. И. Ядерные силы стран-участниц НАТО // *Россия и Америка в XXI веке*. 2016. № 3. С. 3 EDN ZHULRB.
21. САБИКЕНОВ С. Н. Международно-правовые и внутригосударственные аспекты проблем физической защиты ядерного материала // *Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая*. 2017. № 3-4 (50-51). С. 14–21. EDN UUYOWT.
22. ОРЛОВ В. А. Есть ли будущее у ДНЯО: заметки в преддверии Обзорной конференции 2015 г. // *Индекс безопасности*. 2014. Т. 20, № 4 (111). С. 27–48. EDN XISJHJ.
23. БУБНОВА Н. И. Страновые стратегии «индивидуального покрова» в новой ядерной доктрине США // *Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11, № 6. С. 21–39. DOI [10.23932/2542-0240-2018-11-6-21-39](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-6-21-39). EDN ZCPUTV.
24. КРАШЕНИННИКОВА А. С. История и перспективы развития американо-китайского диалога в сфере ядерных вооружений (1980-2017) // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2017. Т. 9, № 3. С. 35–66. EDN TICSXT.

REFERENCES

1. PARAMUZOVA, O. G. (2021). Nuclear demilitarization and neutralization, creating and maintaining of nuclear-free zones status (modern international-legal realities). *Polish Journal of Science*, (42), 45–52. <https://elibrary.ru/ebxtqqa>.
2. KARASOVA, T. A. (2018). Israel's nuclear programme. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 11(6), 96–108. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-6-96-108>.
3. ADAMOV, E. O., ASMOLOV, V. G., BOLSHOV, L. A., & IVANOV, V. K. (2021). Dual-Nuclear Power. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*, 91(5), 450–458. <https://doi.org/10.31857/S0869587321050029>.
4. VESELOV, V. A. (2022). The failed detente of the 1960s: The lessons of the caribbean crisis and the logic of the cold war. *Teaching of History and Social Science at School*, (2), 3–17. https://doi.org/10.47639/20744935_2022_2_3.
5. TUROVSKAYA, A. E. (2022). Germany's role in transformation of parameters of military security sys-

tem of Euro-Atlantic region. *Scienceosphere*, (5-1), 37–45. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6497211>.

6. MANASERYAN, T. N. (2020). New world economic order: Issues of regional security and economic diplomacy. *Region and the World*, 11(6), 105–112. <https://elibrary.ru/ktfdwn>.

7. АКХТАМЗЯН, И. А. (2021). Treaty of Tlatelolco: An example to follow. *Latinskaia Amerika*, (3), 55–64. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0013676-2>.

8. BEZKADI, F. (2015). Proliferation of weapons of mass destruction in the Middle East. *International Scientific Journal*, (3), 54–56. <https://elibrary.ru/ukhirh>.

9. SERGEEV, V. M., KAZANTSEV, A. A., & MEDVEDEVA, S. M. (2020). Territorial heterogeneity of globalization and the new types of conflicts. *Polis. Political Studies*, (1), 44–61. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.04>.

10. HOSSEINZADEH, V., & FOMENKOV, A. A. (2015). Iran's goals in creating and developing its nuclear program: Analysis of existing theories. *Law and Politics*, (9), 1281–1285. <https://doi.org/10.7256/1811-9018.2015.9.15420>.

11. HOSSEINZADEH, V. (2014). The creation and development of Iran's nuclear program. *Reports Scientific Society*, (4), 32–36. <https://elibrary.ru/vfeixx>.

12. KOZIN, V. P. (2016). The issue of creating of a zone-free from weapons of mass destruction in the Middle East: Analysis of development and perspectives for resolution. *Bulletin of the Academy of Military Sciences*, (2), 103–109. <https://elibrary.ru/zmvtvv>.

13. FROLOV, A. V. (2019). Nuclear programs in the Middle East: Development cannot be curtailed. Part 2. Ways to solve the problem. *Pathways to Peace and Security*, (1), 122–134. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2019-1-122-134>.

14. ГРОМЫКО, А. А. (2016). “New populism” and the emergence of a post-bipolar world order. *Contemporary Europe*, (6), 5–12. <https://doi.org/10.15211/soveurope620160510>.

15. VESELOV, V. A. (2018). The change of “nuclear ages”: Strategic stability and the contours of a new world order. *Lomonosov World Politics Journal*, 10(1), 102–141. <https://elibrary.ru/xytfwx>.

16. ALEXANDROV, M. V., & RODIONOV, O. E. (2018). Does Russia need arms control agreements?. *Observer*, (10), 5–14. <https://elibrary.ru/ypekwl>.

17. SEMCHENKOV, A. S., & UNSALTED, A. K. (2022). Russian-Chinese comprehensive partnership: Genesis, peculiarities and development prospects. *Bulletin of the Russian Nation*, (6), 79–95. <https://elibrary.ru/scjioc>.

18. IGNATIEVA, O. A. (2019). The European Union as a new “imperial” strategy for Germany. *Voprosy Politologii*, 9(4), 771–779. <https://elibrary.ru/zhulrb>.

19. BAZHENOVA, ZH. M., & POLUTOV, A. V. (2015). Okinawa during the initial period of American occupation (1945-1952). *Russia and the Pacific*, (3), 94–110. <https://elibrary.ru/uuyowt>.

20. ANICHKINA, T. B., & ESIN, V. I. (2016). Nuclear forces of NATO countries. *Russia and America in the 21st century*, (3), Article 3. <https://elibrary.ru/xisjhj>.

21. SABIKENOV, S. N. (2017). International-legal and interstate aspects of problems of the physical protection of nuclear material. *Bulletin of the Kazakh National Pedagogical University named after Abay*, (3-4), 14–21. <https://elibrary.ru/zcputb>.

22. ORLOV, V. A. (2014). Is there a future for the NPT: Notes ahead of the 2015 Review Conference. *Security Index*, 20(4), 27–48. <https://elibrary.ru/ticsxt>.

23. BUBNOVA, N. I. (2018). “Tailored” country strategies in the U.S. nuclear posture review. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 11(6), 21–39. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-6-21-39>.

24. KRASHENINNIKOVA, L. S. (2017). History and prospects for the development of the US-China dialogue in the field of nuclear weapons (1980-2017). *Lomonosov World Politics Journal*, 9(3), 35–66. <https://elibrary.ru/yqwlja>.

СТОЛКНОВЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И УСТАНОВОК МИГРАНТОВ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ

А. В. Томильцев^а, А. В. Мальцев^а

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. В статье рассматриваются вопросы этноконфессионального взаимодействия мигрантов и местного населения, когда столкновение традиций и конфессиональных установок становится источником конфликтов, создает угрозу сохранения этноконфессионального мира в России.

Материалы и методы. Использовались эмпирические методы сбора и анализа фактологического материала и социально-типологический подход. Многочисленные примеры рассмотрены методом кейс-анализа. Для анализа различных типов конфликтного взаимодействия мигрантов с местным населением был использован метод кейса.

Результаты. Разнообразие межэтнических и межконфессиональных отношений позволило выделить следующие типы конфликтного взаимодействия мигрантов и местного населения на территории России: межэтнические, межконфессиональные и внутриконтфессиональные конфликты. Особенно остро межэтнические конфликты мигрантов и местного населения развиваются в детско-юношеской среде. Приводятся примеры каждого типа конфликтов в разных регионах России.

Обсуждение. За многие века сосуществования народы России научились мирному сосуществованию, основанному на уважительном отношении к национальным и конфессиональным обычаям соседей. Вместе с тем, необходимо отметить явные противоречия между православным автохтонным населением и мигрантами различных вероисповеданий. В этом случае конфликт начинает приобретать черты межрелигиозного столкновения. Этому способствуют и члены этнических диаспор, превращающихся в отдельную влиятельную структуру. Особенно остро этноконфессиональный конфликт развивается не только среди представителей разных конфессий, но и в рамках одного вероисповедания, когда на одной территории сталкиваются мигранты и местное население с разными трактовками вероучения и разными национальными традициями.

Заключение. От органов государственного и муниципального управления требуется принятие серьезных превентивных мер, обеспечивающих бесконфликтное сосуществование народов на территории России. Для решения сложившегося социального конфликта между мигрантами и местным населением необходимо создание специального органа власти, который бы занимался решением проблемы в комплексе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мигранты, конфессия, этнос, конфликт, диаспора, этноконфессиональные отношения, мультикультурализм.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Томильцев А. В., Мальцев А. В. Столкновение традиций и установок мигрантов как потенциальный источник этноконфессиональных конфликтов в России // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 2. С. 18-31. EDN KZESIX. DOI 10.22394/2304-3369-2024-2-18-31.

© А. В. Томильцев, А. В. Мальцев, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Томильцев Алексей Витальевич – кандидат педагогических наук, доцент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19) — *доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления*; tomiltcev@yandex.ru. SPIN-код: 4212-4538.

Мальцев Алексей Владимирович – кандидат биологических наук, доцент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19) — *доцент кафедры общей и социальной психологии департамента психологии*; a.v.maltsev@urfu.ru. SPIN-код: 5425-0768, ORCID: 0000-0001-8097-7863.

Статья поступила 17.09.2023; рецензия получена 13.11.2023; принята к публикации 16.03.2024.

CLASH OF TRADITIONS AND ATTITUDES OF MIGRANTS AS A POTENTIAL SOURCE OF ETHNO-CONFESSIONAL CONFLICTS IN RUSSIA

A. V. Tomiltsev^a, A. V. Maltsev^a

^a Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. This article deals with the issues of ethno-confessional interaction between migrants and local citizens when clashes of traditions and confessional attitudes become a source of conflict and threaten the preservation of ethno-confessional peace in Russia.

Materials and methods. Empirical methods of collecting and analyzing factual data and a socio-typological approach were used. Numerous examples were considered using the case analysis method. To analyze various types of conflict interaction between migrants and locals, case method was used.

Results. Due to the diverse inter-ethnic and inter-confessional relations the following types of conflict interaction between migrants and the local population in the Russian territory can be identified: interethnic, inter- and intra-confessional. Interethnic conflicts between migrants and the local population are particularly acute among teenagers. Examples of each type of conflicts from different regions of the country are given.

Discussion. Over centuries, the RF nations got used to peaceful coexistence based on respect for the national and religious customs of their neighbours. At the same time, it is necessary to note obvious contradictions between the Orthodox autochthonous population and migrants of various confessions. In this case, the conflict is getting the features of an interreligious clash. This is also facilitated by members of ethnic diasporas, who are turning into a separate influential structure. Ethno-confessional conflicts are particularly acute when they are not only between representatives of different faiths but also of the same denomination when migrants and locals with different interpretations of religious doctrine and different national traditions clash in the same territory.

Conclusion. State and municipal government bodies are required to take serious preventive measures to ensure conflict-free coexistence of the peoples of Russia. To resolve the existing social conflict between migrants and the local population, it is necessary to set up a special government authority to deal with the problem comprehensively.

KEYWORDS: migrants, denomination, ethnicity, conflict, diaspora, ethno-confessional relations, multiculturalism.

FOR CITATION: Tomiltsev, A. V., & Maltsev, A. V. (2024). Clash of traditions and attitudes of migrants as a potential source of ethno-confessional conflicts in Russia. *Management Issues*, 18(2), 18–31. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-2-18-31>

AUTHORS' INFORMATION:

Aleksey V. Tomiltsev – Ph.D. of Pedagogic Sciences, Associate Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia) — *associate professor of the Department of Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Administration*; tomiltcev@yandex.ru. RSCI SPIN: 4212-4538.

Aleksey V. Maltsev – Ph.D. of Biological Sciences, Associate Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia) — *associate professor of the Department of General and Social Psychology*; a.v.maltsev@urfu.ru. RSCI SPIN: 5425-0768, ORCID: 0000-0001-8097-7863.

The article was submitted 09/17/2023; reviewed 11/13/2023; accepted for publication 03/16/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Проблемы взаимодействия с новым населением становятся в центр внимания правительств разных государств, прежде всего миграционно привлекательных. Не является исключением и наша страна. Отметим тот факт, что благодаря рациональной межэтнической политики государства удалось достичь межнационального мира и согласия народов России, где проживает свыше 140 различных народов и национальностей. Вопросы государственного регулирования и обеспечения мирного сосуществования народов были подробно рассмотрены А. В. Томильцевым в работе «Управление межэтническими отношениями в Российской Федерации»¹ и ряде других работ, поэтому мы детально не останавливаемся на проблемах межэтнического взаимодействия. В значительной степени проработанным в литературе является вопрос о межконфессиональном мире и согласии. Авторами, такими как В. С. Малахов, М. М. Мчедлова, М. П. Мчедлов, И. В. Понкин, Д. Узланер, М. О. Шахов, и другими исследователями рассмотрены вопросы конфессиональной картины современной России и описаны аспекты развития постсекулярного общества не только в РФ, но и в мире. Обстоятельно рассмотрен процесс трудовой миграции в Российскую Федерацию из стран Средней Азии [1].

Вопросы работы с мигрантами, их адаптация и интеграция рассмотрены в трудах исследователей таких стран, как США, Франция, Германия (Дж. Вильямсон, Г. Терборн, Дж. Сайдс, Дж. Ситрин и др.), интерес представляют и работы оте-

чественных авторов А. Л. Рыбаковского, В. А. Тишкова, Э. А. Паина, И. Варшава и др. Массовое переселение мигрантов и их семей на территорию РФ ставит вопрос о необходимости более внимательного изучения взаимосвязи переплетения этнического и конфессионального, поскольку конфликтные их проявления и последствия таких противоречий не исчезают сразу после изменения конфликтогенного фактора, ряд авторов показывают пролонгированность такого конфликта на длительный период [2, 3].

Этноконфессиональные отношения рассматриваются в качестве многоуровневой, многокомпонентной, динамично меняющейся системы, оказывающей воздействие (прямое или косвенное) на внутреннюю политику государства и регионального управления [4]. Этничность мы рассматриваем с точки зрения известного российского ученого, академика В. А. Тишкова: «...этничность – это одна из форм осуществления социального построения культурной дифференциации... Этническая общность или народность есть сообщество на базе культурного самоопределения по отношению к иным сообществам, с которыми данная сообщество находится в мощных взаимосвязях» [5, с. 32].

Между тем, специфика конфессиональной общности как устойчивого социального феномена описана отечественными учеными меньше, чем специфика этнического. Понятие конфессионального мы рассматриваем на основании трудов Е. Мчедловой («Конфессии в публично-правовой среде»), под конфессиональным (от лат. *confessio* – признание, исповедание) понимается религиозное объединение. Наша страна населена разными народами, у которых имеется своя конфессиональная специфика [6], что сильно отличает

¹ Томильцев А. В. Управление межэтническими отношениями в Российской Федерации : Учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. 172 с. EDN: YUOPTI.

РФ от многих стран мира, населенных моноэтническим и моноконфессиональным населением, что характерно для старой Европы или Ближнего Востока.

Наибольшее влияние на судьбы народов, населяющих РФ, оказывают история и современное состояние наиболее популярных религиозных конфессий – православия и ислама. Их последователи представляют абсолютное большинство населения, значительная его часть исповедует православие, мусульманство традиционно представлено в восьми этнических республиках Поволжья и Северного Кавказа [7].

Религиозная идентичность, наряду с этнической, образуют устойчивые связи, своего рода симбиоз, где эти формы самоидентификации дополняют друг друга, образуя форму целостности, единства. Отечественный исследователь этноконфессиональных проблем Л. Н. Митрохин считает, что религия глубоко проникает в национальную культуру и становится неотъемлемой ее частью [8, с. 21]. Именно религиозная общность позволяет выстраивать мирные межэтнические отношения. Исследования показывают, что в сложных жизненных ситуациях люди охотнее идут за помощью к единоверцам, рассчитывая на их помощь и поддержку [9].

В условиях быстрого религиозного ренессанса и перехода к постсекулярному обществу, что отмечают исследователи [10], влияние интегрированных этноконфессиональных установок в малообразованном обществе становится основной идеологической нормой. На масштаб этноконфессиональной интеграции влияют такие факторы, как численность этноса, роль и место в данной конфессии, специфика межконфессиональных связей, однородный или полиэтничный состав населения региона и другие факторы, включая межэтнические браки [11]. На границах расселения этноса или в социуме, отличающемся от привычного и родного, религия выступает в качестве инструмента педалирования этнической самобытности и самосохранения. Фактор религиозного самоопределения выполняет одновременно две функции: интегрирующую (для своих), формируя общность конфессионального мировоззрения, обрядовости и психологической общности и социального мировосприятия, и разъединяющую (для остальных), позволяющую дистанцироваться от местного населения. Россия на протяжении многих веков

формировалась как страна с полиэтничным и поликонфессиональным населением, которое училось мирно сосуществовать в рамках единого государства, формируя уникальный социум [12].

Появление значительного количества населения с иными этноконфессиональными и культурными установками и традициями с неизбежностью ставит вопрос о формах их взаимодействия с автохтонным населением принимающей страны. Эти формы могут носить органичный и спокойный характер, а могут носить и явно конфликтный. На протяжении многих лет конфликт носил латентный характер, но на сегодняшний день наблюдается его переход из скрытой фазы в открытую.

Целью нашего исследования является анализ социального конфликта между мигрантами и местным населением, который описывается с разных позиций, приобретая форму сложного этноконфессионального.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В работе использовались: эмпирические методы сбора и анализа фактологического материала и социально-типологический подход. Этот подход нужен для того, чтобы выделить четыре типа конфликтов. Использован метод кейс-анализа для приводимых конкретных примеров разных типов конфликтов. Сделан анализ нормативно-правовой базы.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Вопрос с мигрантами в России становится все более острым: в некоторых муниципалитетах количество коренного населения региона становится меньше, чем выходцев из Средней Азии. В таких условиях с неизбежностью складывается ситуация роста межэтнических противоречий, явных и латентных конфликтов [13]. Специфика сегодняшнего дня в РФ заключается в том, что эти конфликты из стадии латентной переходят в явную. Мы выделили следующие типы конфликтного взаимодействия на территории нашей страны:

- 1) межэтнические конфликты с мигрантами;
- 2) межконфессиональные конфликты с мигрантами;
- 3) внутриконфессиональные конфликты с мигрантами;
- 4) межэтнические конфликты мигрантов и местного населения в детско-юношеской среде.

1. Межэтнические конфликты с мигрантами

Наиболее ярко межэтнические конфликты проявляются в местах массового поселения и размещения мигрантов. Это печально известные районы Подмосковья (Котельники), Челябинская и Самарская области, перечислять можно долго. В этих территориях выходцы из бывших республик СССР предпочитают селиться компактно, образуя национальные анклав. Российские исследователи отмечают как проблему наличие компактного проживания мигрантов в городах страны, где они образуют своего рода кластеры, вступающие в противоречия с местным населением [14]. По данным МВД РФ: «За шесть месяцев 2022 года гражданство России приобрели 121 089 жителей постсоветских стран Центральной Азии. Лидерами в регионе по числу получивших гражданство России оказались таджики – 74 162 человека. Россиянами стали также 21 647 граждан Казахстана, 13 099 узбеков, 10 632 кыргыза, 1 549 туркмен. Всего за полгода гражданство России получили 287 503 человека, в том числе 104 168 граждан Украины»². Примеров столкновения на межэтнической почве чрезвычайно много. Достаточно познакомиться со сводками МВД по всей территории страны. Наглядным примером такого расселения является «киргизтаун», представляющий расселение мигрантов вокруг крупного оптового рынка в Екатеринбурге. Местные жители вытесняются с мест, приглянувшихся мигрантам. Многие это делают «добровольно», столкнувшись с тем, что значительная часть квартир в доме выкуплена мигрантами, а в школе по месту жительства классы формируются из детей с «мигрантским опытом».

Статистика прибывших и родившихся в РФ детей мигрантов и их соотношение с количеством посещающих школу и иные образовательные организации не собирается, поэтому о состоянии дел можно судить по данным прибытия на территорию страны детей, потенциальных учащихся в организациях основного общего образования. Только в Свердловскую область за один 2022 г. (за 2023 г. статистика отсутствует) прибыло около 1000 детей школьного возраста. Федеральная служба государственной статисти-

² Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-июнь 2022 года с распределением по странам и регионам. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/31387860>.

ки³. Нетрудно определить и количество классов-комплектов, необходимых для их обучения, при наполняемости класса в 25 человек. Заместитель руководителя администрации президента М. Магомедов по этому поводу сказал следующее: «Проблема существует, посмотрите на это в своих территориях»⁴. Проблемы миграционного опыта и видения ситуации глазами мигранта отмечает Г. И. Осадчая [15]. Все чаще в разрешение таких конфликтов вынуждены вмешиваться силовые структуры, самоорганизующееся коренное население.

2. Межконфессиональные конфликты с мигрантами

Межконфессиональный конфликт – это противостояние между индивидами, религиозными группами, общностями, принадлежащими к разным вероисповеданиям. Конфликтотенным фактором межконфессионального конфликта выступают различия в православных традициях значительного большинства населения страны и религиозными нормами, окрашенными в мусульманские цвета мигрантов. Показательным примером является организация шествия радикальных мусульман по улицам Москвы при бездействии полиции и городских властей 21.07.2023 г., где абсолютное большинство составляли мигранты. Звучали лозунги: «Ислам скоро придет в каждый дом», «Россия и Москва скоро будут наши», «Такбир – Аллаху Акбар». При этом звучали антирусские лозунги и требования к уничтожению местного населения⁵. Имамы в свою очередь пытались остановить агрессивную толпу, насыщенную проповедями из социальных сетей. Нельзя не отметить и попытку захвата территории православного храма в Котельниках для совершения намаза⁶. Фактически, мигранты, подстрекаемые через интернет зарубежными мессенджерами и радиостанциями, а также чле-

³ Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения. URL: https://showdata.gks.ru/report/278008/?filter_1_0=2022-01-01+00:00:00|-52&filter_2_0=108710&filter_3_0=127961&filter_4_0=131205&filter_5_0=130232,130189,130074,130197,130198,130076,130199,130077,130200,130078,130079,130202&filter_6_0=13297&rp_submit=t.

⁴ В администрации президента рассказали, сколько детей мигрантов обучаются в школах России. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11095469>.

⁵ Ну что, дождалась? Западные кураторы вывели на улицы Москвы толпы мигрантов. Власть опять молчит // Интересная жизнь с Vera Star. URL: <https://dzen.ru/a/ZLlTelh0En-klwWu> (дата обращения 03.09.2023).

⁶ Мигранты теперь в православном храме. Громкий скандал в Котельниках – приезжие устроили провокацию. URL: <https://dzen.ru/a/ZMY9XRuWgXJRhkl>.

нами радикальных исламских группировок типа международной религиозной экстремистской организации «Таблиги Джамаат»⁷, «Утро Дагестана» и др., начали религиозный конфликт в России. При этом в приоритете оказываются идеи шариата вопреки российским законам и порядку⁸. В ряде населенных пунктов начинают появляться так называемые шариатские патрули, диктующие внешний вид и правила поведения местным этноконфессиональным сообществам, вызывая явные конфликты⁹. Факты такого проявления фиксируются по всей стране.

Носителями конфликтного взаимодействия на территории РФ выступают не только приехавшие из ближнего зарубежья, из стран СНГ, но и переселенцы – сторонники радикал-исламизма, преимущественно с Северного Кавказа¹⁰, где в ряде республик, таких как Чечня, старательно внедряется шариат, активно распространяется ваххабизм и иные радикальные течения ислама. Многие мигранты не спешат отдавать детей в школы: «Пока Коран наизусть не выучит – в школу не пойдет». В Ульяновской области родители из Средней Азии бойкотировали проведение в школе Нового года, потому что «поклонение дереву – это харам»¹¹.

3. Внутриконфессиональные конфликты с мигрантами

Многие мигранты, приехав в Россию, становятся гораздо больше религиозными и агрессивными, чем у себя дома. Они требуют создания специальных и оборудованных всем необходимым молельных комнат для совершения намаза пять раз в день для работающих мусульман, самовольно организуют молельные дома в многоквартирных домах, где отправляют религиозные культы, вызывая протест как у православного населения, так и у мусульманского, стремящегося к большей светскости и лояльно-

сти государству. В селе Курманево, где основное население составляет исповедующие ислам татары, в 2023 году возник конфликт с мусульманами-таджиками. Начавшись как бытовой, он приобрел характер внутриконтрафессионального, где жителям не понравилась «неправильная» религиозная интерпретация культа¹².

Массовыми являются и противоречия на культурно-обрядовой почве, где местные мусульмане не одобряют способов проявления религиозности во время праздников. Наиболее ярко это проявилось в период подготовки к новогодним праздникам, когда некоторые радикальные мигранты потребовали отменить елку и все, что связано с Рождеством. Настроения по радикализации ислама звучат и на сайте издательства «Голос Ислама»¹³.

Противоречия возникают также и из-за того, что местных имамов-татар посещающие мечеть мигранты не воспринимают в качестве своих духовных и авторитетных лидеров, предпочитая национальных имамов. Этот конфликт отмечают и представители мусульманского духовенства, отмечая стремление мигрантов к отказу от ортодоксального и умеренного ислама к радикальному, часто в запрещенных в России и странах исхода формах. Достаточно вспомнить происходившее вокруг мечети в г. Сургут, а также и ряде северных городов, где оказались большие сообщества переселенцев. Противоречием становится и то, что по требованию приезжих служба в мечетях стала вестись на русском языке, поскольку ни татарского, ни арабского новые прихожане мечетей не знают. Этот факт вызывает недовольство у местного татаро-башкирского населения, требующего вернуться к традиции татарского богослужения. Нельзя не сослаться в данном вопросе на исследование А. Старостина и его статью¹⁴. В России, оказавшись без контроля и надзора, фундаменталисты, сторонники радикализма в таких молельных домах вербуют себе сторонников, начинают проводить пропагандистскую работу, вовлекая

⁷ В московском регионе пресекли деятельность ячейки «Таблиги Джамаат» // РИА Новости. 2023. 22 июля. URL: <https://ria.ru/20230722/ekstremisty-1885657244.html>.

⁸ Исламский фундаментализм и мигранты в России в постсоветский период: масштаб распространения, последствия, конфликтный потенциал // Казачий Информационно-Аналитический Центр. URL: <https://kazak-center.ru/publ/> (дата обращения: 13.06.2023).

⁹ Бирюков В. Исламизация России: шариатские «патрули нравов» не за горами. URL: <https://topwar.ru/229434-islamizacija-rossii-shariatskie-patruli-nravov-ne-za-gorami.html>.

¹⁰ Социологический словарь // Мир словарей. URL: <http://mirslouvrei.com> (дата обращения: 27.06.2023).

¹¹ Корк Б. Зачем России мигранты. URL: <https://expert.ru/expert/2023/20/zachem-rossii-migranty/> (дата обращения: 23.06.2023).

¹² Русские и татары объединяются против мигрантов // LiveJournal. URL: <https://maxfux.livejournal.com/90777.html> (дата обращения: 21.06.2023).

¹³ Мигранты и местные мусульмане России: нельзя навредить тому, чего нет в основе // Telegraph. URL: <https://telegra.ph/Migranty-i-mestnye-musulmane-Rossii-nelzya-navredit-tomu-chego-net-v-osnove-12-19>.

¹⁴ Старостин А. Влияние миграции из Центральной Азии и Кавказа на мусульманское сообщество Среднего Урала. URL: <http://www.islamsng.com/books/almanach/1/5-alexstarostin.htm>.

в нее не только мигрантов, но и российских граждан¹⁵. Глава Духовного собрания мусульман России муфтий Альбир Крганов, рассматривая конфликтную ситуацию с мигрантами, указал на необходимость выстраивать работу с мигрантами в странах исхода до их прибытия в РФ, привлекая для этого местных муфтиев¹⁶.

4. Межэтнические конфликты мигрантов и местного населения в детско-юношеской среде

В России, как и в других странах со значительным притоком мигрантов, возникает проблема взаимодействия сверстников из школ и иных государственных структур с детьми и подростками, выходцами из мигрантской среды. Ситуация в России, как и во Франции¹⁷ и Германии, показывает, что второе поколение мигрантов, т. е. детей мигрантов, родившихся в России, проживая в многодетной семье, общаясь с носителями родной для них культуры, где все общение происходит на родном языке, воспринимает российский социум как враждебный, который требуется преобразовать под обычаи страны исхода.

Отсутствие постоянного контакта с местным населением приводит к отсутствию опыта межнационального и межконфессионального общения как у родителей, так и у детей мигрантов, проживающих в замкнутых этнических сообществах – национальных диаспорах, где общение осуществляется на национальном языке и не вызывает необходимости осваивать государственный язык. Это приводит к нарушению российского законодательства, требующего от иностранных граждан владения русским языком¹⁸.

Всю эту работу с детьми мигрантами и их родителями осуществляют школы, которые по нашему законодательству должны организовывать образовательно-воспитательную работу с детьми мигрантов и их родителями.

¹⁵ В России мигрантов из Средней Азии все чаще вербуют радикальные исламисты // Сайт Центра Льва Гумилева. 2014. URL: <http://www.gumilev-center.ru/v-rossii-migrantov-iz-srednej-azii-vse-chashhe-verbuyut-radikalnye-islamisty/>.

¹⁶ Муфтий считает, что страны Средней Азии должны выстроить работу с мигрантами в России. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19623763>.

¹⁷ Le Figaro: беспризорники-мигранты стали головной болью для французского правосудия и социальных служб // ИноТВ. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2022-02-03/Le-Figaro-besprizorniki-migranti-stali-golovnoj> (дата обращения: 09.06.2023).

¹⁸ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868 (дата обращения: 03.07.2023).

Вопрос обучения детей мигрантов в наших школах – это очень болезненная тема, которая совершенно не прорабатывается на государственном уровне. Министерство просвещения РФ периодически издает методические материалы по адаптации детей мигрантов, но в них не содержится конкретики, объясняющей, кто, когда, за чей счет и как будет заниматься дополнительной работой с этим контингентом учащихся.

Свои отношения со сверстниками подростки мигрантов выстраивают с позиций радикального ислама в признаках соответствующего возрастного поведения¹⁹. Они искренне убеждены в своей безнаказанности, поскольку не достигли определенного возраста. В школах и детских садах, расположенных в местах компактного проживания мигрантов, наблюдается отток детей местного населения и резко увеличивается количество детей приезжих. Приведем такой яркий пример этого явления, когда в школу пришла основная масса детей, не говорящих по-русски: «На Урале нашли школу, в которой почти нет русских детей. В 2022 году сюда в первый класс пошли почти 120 ребят, и лишь чуть больше десятка из них – коренные уральцы. Подавляющее большинство учеников – киргизы и таджики. Как оказалось, так школа № 149 в Екатеринбурге живет еще с 90-х годов, и русские семьи стараются обходить ее стороной»²⁰. Ведь в этом районе г. Екатеринбурга приезжие вытеснили коренное население, получили гражданство и прописку по месту жительства.

Подводя некоторый итог изложенному, хочется отметить наличие серьезной проблемы возникновения этноконфессиональных конфликтов коренного населения и мигрантов на территории всей страны. Конфликт переходит из латентной фазы в открытую, может приобрести черты неуправляемого. Эта ситуация будет использована и в раскачивании внутрироссийских этноконфессиональных отношений и единства народов страны.

В конфликт начинают втягиваться различные субъекты: полиция, религиозные деятели, органы государственной власти и управления,

¹⁹ Аддиванкин И.А. О русских детях в окружении мигрантов ... Свои среди чужих // Казачий Информационно-Аналитический Центр. URL: <https://kazak-center.ru/publ/> (дата обращения: 13.06.2023).

²⁰ Уфимцев С. Из 120 первоклашек только 10 – русские. Мигранты захватили школу. URL: https://ekb.tsargrad.tv/articles/iz-120-pervoklashek-tolko-10-russkie-migranty-zahvatili-shkolu_618115.

самоорганизующиеся граждане. В последнее время в разрешение конфликтов вмешивается Государственная дума, администрация Президента РФ. Конфликт начинает приобретать черты не только внутригосударственного, но и международного.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

После распада СССР на его территории образовалось большое количество государственных образований, общим у всех явилось обоснование позитивных перемен после приобретения независимости и обоснование того, как плохо им жилось при «большом брате». Тщательно культивируемое, национальное самосознание позволяет успешно управлять массами людей. Необходимо отметить, что эта идеология указывает на национальное превосходство и потерянные в период колониализма возможности. Во всех этих странах пропаганда отражает те же идеи, что и пропаганда в Киеве, формируя в сознании народов идеологию «постколониализма», мало чем отличающуюся от африканской или иной. К сожалению, постколониальный дискурс у нас малоизучен, хотя ряд авторов и рассматривают эту проблему, приведем только один пример такого осмысления из ряда других, который показался нам интересным [16].

Воздействие религиозного фактора на национальную специфичность усиливает действие последней, и наоборот. В своей основе рассматриваемый феномен – этноконфессиональные отношения – выступает как неотъемлемый компонент этнополитической культуры населения России. И от уровня этой культуры зависит конкретная роль национального и религиозного факторов в общественной жизни – будут ли развиваться отношения между населяющими Россию народами. Наблюдается явное противоречие между теоретическим осуждением от идей мультикультурализма, проводимых в ряде стран мира, показавших свою несостоятельность и нежизнеспособность, в нашей стране на уровне регионального и муниципального управления эта политика осуществляется чаще всего неосознанно.

Подводя итоги собранной информации фактически, мы видим начало этноконфессионального конфликта, обладающего всеми признаками, описанными в различных словарях. Процитируем одно из таких определений: «Этноконфессиональный конфликт – это действия лиц – представителей одного или нескольких народов

или религиозной группы, направленные на возбуждение национальной или религиозной вражды, ... повлекшие причинение участникам конфликта физического, морального или (и) материального ущерба, в том числе массовые убийства, уничтожение имущества, религиозных святынь и т. д.»²¹. Такой конфликт оказывает воздействие на миллионы людей. Существует возможность даже классификации таких конфликтов [17]. Наиболее ярким проявлением подобных конфликтов является армяно-азербайджанский конфликт, рассмотренный с позиций конфликт-менеджмента [18].

Необходимо в этой связи вспомнить и геноцид русского населения в Таджикистане в 1997–1998 гг., что привело к практически полному исчезновению русского населения в этой республике. При отсутствии посредников и миротворцев в лице исчезнувшего населения, в этой стране начался открытый межклановый вооруженный конфликт. Можно отметить и периодически возникающие в Казахстане этноконфессиональные конфликты, часто носящие деструктивный характер и требующие выработки правительственных мер в регулировании таких отношений [19].

Размывание этноконфессионального единства сопровождается переходом членов диаспор от пассивного их поведения к агрессивному. Глава следственного комитета А. Бастрыкин озвучивает проблему с ростом количества преступлений, совершенных мигрантами, указывая, что их стало больше в 2022 году в пять раз. По сравнению с 2021 годом при этом мигранты в местах массового расселения пытаются устанавливать свои порядки, не считаясь с местным населением²². Проблема стала настолько острой, что в Государственной думе РФ было проведено специальное заседание. Безусловно, от действий органов власти и управления зависит степень выраженности конфликта и возможности его регулирования, наиболее наглядно это можно увидеть на примерах снижения этноконфессиональных противоречий в Нижегородской области [20].

²¹ Сулейманов Р. Р. Мигранты и их роль в распространении радикальных течений ислама в России: причины, проявления и последствия // АПН. URL: <https://www.apn.ru/publications/article32901.htm> (дата обращения 21.06.2023).

²² Председатель СК России выступил на сессии «Бесогон и право» в рамках XI Петербургского международного юридического форума // Следственный комитет РФ. URL: <https://sledcom.ru/blog/bastrikin/item/1792128/> (дата обращения 18.06.2023).

Решение проблемы этноконфессионального взаимодействия пытаются обсудить и на уровне Президента и правительства РФ, а также Госдумы. Указом Президента явилось создание 10 февраля 2022 года межведомственной комиссии Совета Безопасности РФ по вопросам совершенствования миграционной политики, она должна осуществлять анализ внешних и внутренних угроз нацбезопасности в миграционной сфере и осуществлять координацию работы госорганов²³. В 2023 г. Президент РФ утвердил изменения в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы²⁴, в документе указана необходимость организации работы по адаптации мигрантов и их детей к условиям жизни в РФ. По данным ВЦИОМ лета 2023 года: «Почти каждый второй россиянин убежден: трудовая миграция – это положительное явление для нашей страны (47%), показатель этого года в разы превышает предыдущие замеры (2006 г. – 21%, 2008 г. – 14%, 2013 г. – 14%). Обратного мнения сегодня придерживаются 40%, это почти в два раза меньше, чем десять лет назад (2013 г. – 74%)²⁵.

Вместе с тем, необходимо еще раз подчеркнуть то обстоятельство, что, находясь среди членов диаспоры, которая организует всю нетрудовую жизнь приезжих, у них не возникает ни малейшего желания и стремления к социокультурной их адаптации. Специалисты Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) летом 2023 года провели анонимный опрос. 43% мигрантов говорят, что предпочитают шариат вместо установленных на территории РФ светских законов. 43,5% хотят жить согласно порядкам, установленным у них на родине, игнорируя сложившиеся в России общественные устои. 24% готовы участвовать в протестах, чтобы отстаивать право жить в РФ по нормам шариата. 15,3% готовы принимать участие в не-

законных политических акциях мигрантов. Результаты его И. Баринов озвучил публично, информация была размещена в сентябре 2023 года на сайте ФАДН, правда, без подробностей²⁶.

Помимо населения, в конфликт вовлечены правоохранительные органы, начавшие по всей стране проводить рейды по проверке соблюдения миграционного законодательства и выдворению нелегалов за пределы страны, сталкиваясь с открытым сопротивлением и противодействием со стороны мигрантов, нередко вступающих в организованный конфликт с полицией. Крупнейшим таким рейдом по выявлению и выдворению нелегальных мигрантов стала операция «Нелегал 2023», проводимая совместно Минтруда и полицией. Были выявлены тысячи нарушителей российского миграционного законодательства.

Проблема стала настолько острой, что в Государственной думе РФ было проведено специальное заседание, где была сделана попытка диагностировать масштаб проблемы²⁷. Выступающие официальные лица выразили озабоченность ситуацией и указали на необходимость совершенствования миграционного законодательства нашей страны. Важно отметить, что такие конфликты в любом государстве появляются не за один день и не могут исчезнуть мгновенно, проходят стадию трансформаций, это приводит к изменениям в обществе, а также к необходимости принятия госорганами особых регуляторных шагов.

В конфликт начинают втягиваться и главы субъектов федерации. В РФ, в отличие от иных миграционно привлекательных стран, где пытаются предотвратить чрезмерную концентрацию мигрантов, нет программ расселения иностранцев из мест их компактного поселения и замкнутых национальных анклавов. Российские и зарубежные исследователи уделили достаточное внимание теме этноконфессиональных конфликтов, указывая на то, что конфликтные ситуации порождает не этнокультурная разнородность сама по себе, а определенные конфигурации власти [21].

²³ Положение о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам совершенствования государственной миграционной политики // Совет Безопасности Российской Федерации. URL: http://www.scrf.gov.ru/about/commission/MVK_SGMP/ (дата обращения 27.06.2023).

²⁴ О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 : Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 342 // Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406768770/> (дата обращения 17.06.2023).

²⁵ ВЦИОМ. Новости: Иммигранты в России: за и против. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv>.

²⁶ Эксперты разошлись в оценках нашумевшего опроса, согласно которому мигранты хотят жить по шариату, а не по законам России: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6251363>.

²⁷ В Государственной Думе прошли парламентские слушания о миграционной политике РФ на территории СНГ // Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/26631/> (дата обращения 19.06.2023).

Федеральным агентством по делам национальностей для органов исполнительной власти субъектов был выпущен документ для органов исполнительной власти субъектов РФ «Методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации»²⁸. На уже упомянутом нами заседании Совета федерации руководитель ФАДН И. Баринов, докладывая об особенностях реализации национальной политики в РФ, затронул и миграционный вопрос, отметив отсутствие видимых успехов в адаптации приезжих и необходимость дальнейшей работы по их адаптации через создание специальных адаптационных центров. Образцом для них должен стать опыт Краснодар. Он обратил внимание на сложность рассматриваемых вопросов: «На решение этой проблемы направлен законопроект, разработкой которого занимаются более 20 ведомств. В частности, в части наших компетенций мы подготовили раздел, посвященный содействию адаптации иностранных граждан. В нем получили развитие положения, уже закрепленные в новой редакции концепции государственной миграционной политики»²⁹.

Пока нет специальных органов, отвечающих за решение проблемы на всех уровнях государственного управления, трудовых мигрантов убеждают интегрироваться, а не заставляют. Материалы отчетов ведомств, так или иначе связанных с адаптацией, показывают, что инструментом адаптации гастарбайтеров становится печать буклетов, таких как «Мигрант – мигранту», «Ответственность за нарушение миграционного законодательства». Есть и настольные игры для подготовки мигрантов к работе в России, такие как настольная игра о сложностях трудовой миграции в России «Россия – страна возможностей», в ней игрокам в количестве четырех человек предлагается «побыть в роли Ка-

рена, Джамшида, Лейлы. Выиграет тот, кто вернется на родину с большей суммой денег, не нарушив законы РФ»³⁰. Проходят апробацию и такие игры, как «Будем знакомы?» – по истории России, Таджикистана и Узбекистана. Фактически, это перенос европейского опыта в наши условия.

Нельзя сказать о том, что государственные органы не предпринимают усилий по сглаживанию этноконфессиональных конфликтов мигрантов и автохтонного населения. За 2023 год предприняты серьезные шаги, нормализующие присутствие мигрантов на территории РФ. Это и новые правила миграционного учета, и ограничения выплат мигрантам материнского капитала: с 1 января 2024 года мигранты без гражданства России, родившие на территории РФ ребенка, не имеют права на материнский капитал. Это сильно уменьшило привлекательность «родового туризма», поскольку теперь пособие на детей, рожденных за пределами нашей страны, становится недоступным. Это ограничивает неконтролируемый приток мигрантов для воссоединения семей. Вступил в силу и ряд других актов, таких как Федеральный закон «О денонсации Российской Федерацией Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств», который запрещал меры по адаптации национальных меньшинств, требуя создавать им преференции и условия для жизни лучшие, чем у коренного населения. Нужно отметить, что ряд лидеров диаспор потребовали вернуть все обязательства страны по их обеспечению.

На региональном уровне все больше губернаторов (более 13 глав субъектов федерации) стараются принимать нормативные акты, ограничивающие применение труда мигрантов в ряде сфер трудовой деятельности. Их перечень разнообразен. Цель их деятельности одна – ограничивая количество мигрантов, обеспечить социальный мир, вернуть рабочие места населению. Некоторые из губернаторов, глав республик выносят эти вопросы на федеральный уровень.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный социально-типологический подход к анализу сложной социальной проблемы, связанной с притоком мигрантов в нашу страну,

²⁸ О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации : Методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации. URL: <https://fadn.gov.ru/documents/prochee/9087-metodicheskie-rekomendatsii-dlya-organov-gosudarstvennoy-vlasti-subektov-rossiyskoy-federatsii-o-sotsialnoy-i-kulturnoy-adaptatsii-i-integratsii-inostrannyh-grazhdan-v-rossiyskoy-federatsii>.

²⁹ Баринов И. В. Выступление на заседании Совета федерации. 2023. 7 декабря. URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/150654/transcript/>.

³⁰ Иванова А., Обыденнова А. Педагогико-правовые аспекты совершенствования повышения квалификации сотрудников федеральной миграционной службы. URL: <https://pandia.ru/text/78/576/84295.php>.

позволил выделить четыре типа конфликтного взаимодействия между мигрантами и местным населением: межэтнические конфликты; межконфессиональные конфликты; внутриконфессиональные конфликты; межэтнические конфликты мигрантов и местного населения в детско-юношеской среде.

Налицо имеется межэтнический конфликт, конфликтогенным фактором которого является нежелание мигрантов адаптироваться к нормам культуры и социального поведения принимающего социума. Как отмечают исследователи, местное население к трудовым мигрантам относится вполне лояльно, что серьезно отличает его от настроений релокантов. Слабый контроль со стороны правоохранительных органов в отношении правонарушений мигрантов и их бесконтрольный ввоз привели к появлению стихийных объединений граждан, самостоятельно наводящих порядок в местах массового пребывания выходцев из ближнего зарубежья.

Необходимо отметить наличие межконфессионального конфликта, который носит более латентный характер, поскольку захватывает меньшее количество людей. Но конфликтные устремления руководителей основных конфессий – православия и мусульманства – нельзя не отметить. Вместе с тем обращает на себя внимание наличие конфликта внутри мусульманского, порожденного нежеланием приезжих принимать специфику и традиции мусульман России. Что является примером еще одного типа социального конфликта – внутриконфессионального.

Еще один тип социального конфликта на этнической основе связан с детьми дошкольного и школьного возраста – это очень болезненная тема, которая недостаточно прорабатывается на государственном уровне. Наиболее ярко конфликт отражается в поведении детей и подростков, абсолютно уверовавших в собственную безнаказанность за совершение противоправных действий в отношении своих сверстников. Это поведение поддерживается этническими диаспорами и родителями. Министерство просвещения РФ периодически издает методические материалы по адаптации детей мигрантов, но в них не содержится конкретики, объясняющей, кто, когда, за чей счет и как будет заниматься дополнительной работой с этим контингентом учащихся. А посему эти рекомендации не носят управленческого характера.

Очевидно, требуется иначе организовать всю работу с мигрантами. Это позволит снизить уровень социальной напряженности в местах массового расселения прибывшей из-за рубежа рабочей силы, членов их семей и автохтонного населения. Для решения уровня конфликтности российского социума и мигрантов необходимо заняться конфликтогенным фактором бесконтрольного прибытия и проживания граждан бывших советских республик на территории РФ. Необходимо наладить строгий учет прибывших и придать борьбе с нелегальной миграцией системный характер, исключить вмешательство диаспор в решение социально-трудовых отношений приезжих с работодателями и органами власти территории прибывания новых работников.

Это станет возможным при безусловном соблюдении российского законодательства со стороны правоохранительных органов и создаст условия для исключения фактов коррупции среди лиц, осуществляющих миграционный учет и контроль; а также позволит наладить строгий контроль за сроками пребывания мигрантов в стране и ввести неотвратимое наказание за их нарушение, не допускать повторения массовой амнистии лиц, нарушающих российские законы.

Органам, отвечающим за трудовые отношения, необходимо сделать расчеты о необходимой численности прибывающих работников и их профессиональной компетенции, поскольку нужны работники определенных специальностей, а не абстрактная и неквалифицированная рабочая сила, которая должна находиться на территории страны только на время выполнения работы, а после завершения контракта покидать территорию РФ. Эти расчеты позволят прекратить дискуссии о количестве и качестве необходимой рабочей силы, прибывающей из-за рубежа.

Высылке подлежат также сторонники радикальных религиозных и явно националистических учений, занимающиеся противоправной деятельностью и разжигающие этноконфессиональные противоречия. Необходимо пересмотреть правила воссоединения семей в сторону их ужесточения, что сокращает нагрузку на социальную сферу принимающей стороны, а также радикально пересмотреть требования к владению государственным языком страны пребывания. В случае необходимости создавать языковые центры обучения русскому языку и законода-

тельству и основам традиций и правил поведения в РФ, такие центры должны осуществлять свою деятельность на деньги в них обучающихся.

На международном уровне требуется организация постоянной работы с потенциальными трудовыми мигрантами и членами их семей по разъяснению нашего законодательства и правилам и нормам пребывания на территории РФ. Такая работа должна проводиться с согласия и при поддержке властных структур стран исхода соискателей работы.

И, наверное, главное, нужен специальный орган, не только МВД, которое занимается только техническими правовыми вопросами. Кроме специализированного органа власти, этими вопросами занимаются еще около двадцати различных министерств и ведомств. Наверное, сложно представить саму возможность выработки единого подхода к проблеме и координации усилий по ее решению. Этот орган рассматривал бы эту проблему в комплексе и своевременно бы находил решение по каждому аспекту этой проблемы.

Необходимы и усилия законодательного органа по кодификации миграционного законодательства, выработке законодательной базы, адекватной современным реалиям. Практика деятельности отдельных глав субъектов федерации по вопросам миграции и ее многообразию показывают отсутствие дифференциации полномочий между региональными и муниципальными органами управления, с одной стороны, и федеральными органами государственной власти – с другой, что приводит к отсутствию понимания прав и обязанностей центра и регионов в сфере миграции. Эти противоречия и неразграниченность полномочий часто ведут к пассивности и нерешительности в решении проблем на местном уровне. Как сказал В. В. Путин: «... и я хочу обратить на это внимание представителей всех направлений и уровней власти, – прежде всего надо руководствоваться интересами местного населения – граждан Российской Федерации»³¹. ●

³¹ Итоги года с Владимиром Путиным. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Мукомель В. И.** Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда: до пандемии // *Социологические исследования*. 2022. № 1. С. 63–75. DOI 10.31857/S013216250017014-8. EDN HSESHF.
2. **Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д.** Этничность в конфликтах на Северном Кавказе: тенденции третьего десятилетия XXI века // *Конфликтология*. 2021. Т. 16, № 2. С. 81–93. DOI 10.31312/2310-6085-2021-16-2-81-93. EDN RLCXES.
3. **Труонг А. Т.** Конфликты между религиозными орденами христианства в Китае в XVII и XVIII веках // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2021. Т. 26, № 5. С. 57–71. DOI 10.15688/jvolsu4.2021.5.5. EDN EESXVF.
4. **Садовой А. Н., Овчинников В. А.** Этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации: к проблеме организации мониторинга // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23, № 1 (85). С. 80–94. DOI 10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94. EDN NXSMWW.
5. **Тишков, В. А.** Этнология и политика : Научная публицистика. Москва : Издательство «Наука», 2001. 240 с. ISBN 5-02-008799-8. EDN RZBNLH.
6. **Шелер М.** О национальных идеях больших наций // *Социологические исследования*. 2022. № 8. С. 7–15. DOI 10.31857/S013216250021395-7. EDN NICKVZV.
7. **Лебедев С. Д., Благоевич М., Шаповалова А. В.** Ревитализация религии: к пониманию перспектив современной религиозной ситуации // *Социологические исследования*. 2023. № 8. С. 60–75. DOI 10.31857/S013216250027367-6. EDN FDKHAO.
8. **Митрохин А. Н.** Философия религии: новые перспективы // *Вопросы философии*. 2003. № 8. С. 18–36. EDN OOAUYH.
9. **Ахметов Д. Т., Багаева К. А., Гадиева А. Н., Гольцова Е. В., Дибирова А. П., Игнатова Е. В., Ламажаа Ч. К. О., Лебедева Н. М., Лепшкокова З. Х., Максимова О. А., Максимова С. Г., Нагматулина А. К., Намруева А. В., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А., Пушкаревич О. А., Троцук И. В., Трошкина И. Н., Тутужекова В. Н., Тычинских З. А., Цогова Ф. Б., Ярков А. П., Левашов В. К., Хайруллина Н. Г., Шайхисламов Р. Б.** Межкультурный и межрелигиозный диалог в российских регионах : Коллективная монография. Тюмень : Тюменский индустриальный университет, 2022. 342 с. EDN LCBYCP.
10. **Руткевич Е. Д.** О современном мире, (не)

религиозном разнообразии и пост-секулярной перспективе // *Научный результат. Социология и управление*. 2023. Т. 9, № 2. С. 58–76. DOI 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-5. EDN PFIPEY.

11. Эндрюшко А. А. Представления россиян о влиянии этничности на социальное продвижение (на примере сферы труда) // *Вестник Института социологии*. 2022. Т. 13, № 3. С. 32–48. DOI 10.19181/vis.2022.13.3.829. EDN QUBFIL.

12. Мчедлова Е. М. Взаимосвязь политического, социокультурного и ценностного континуумов // *Наука. Культура. Общество*. 2023. Т. 29, № 2. С. 129–137. DOI 10.19181/nko.2023.29.2.11. EDN ZNDSAY.

13. Мукомель В. И., Денисенко М. Б. Иностранцы работники в России: мнения работодателей // *Социологические исследования*. 2023. № 1. С. 26–37. DOI 10.31857/S013216250021528-3. EDN RQYWEG.

14. Авдашкин А. А. Мигрантские кластеры в российском городе (на примере Челябинска) // *Социологические исследования*. 2022. № 1. С. 76–83. DOI 10.31857/S013216250012618-2. EDN THPHUJ.

15. Осадчая Г. И. Мигранты из Узбекистана в Московской агломерации: оценка миграционного опыта // *Социологические исследования*. 2023. № 4. С. 65–74. DOI 10.31857/S013216250019752-0. EDN YFPGYO.

16. Тлостанова М. В. Постколониальная теория, деколониальный выбор и освобождение

эстезиса // *Человек и культура*. 2012. № 1. С. 1–64. EDN PIQDVL.

17. Томильцев А. В., Мальцев А. В. Секулярность и постсекулярность в образовательной политике Российской Федерации // *Актуальные проблемы психологического знания*. 2022. № 3 (60). С. 102–112. DOI 10.51944/20738544_2022_3_102. EDN CFKIVW.

18. Евсеев В. О., Селезнев И. А. Конфликт-менеджмент и методы исследования региональных конфликтов // *ЦИТИСЭ*. 2021. № 3 (29). С. 79–95. DOI 10.15350/2409-7616.2021.3.07. EDN NWIWZB.

19. Туйганов М. С. Политика Казахстана в сфере противодействия этноконфессиональным угрозам // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022. № 10 (468). С. 98–102. DOI 10.47475/1994-2796-2022-11013. EDN CCCIXQ.

20. Устинкин С. В., Морозова Н. М. Оценка системы управления этноконфессиональными отношениями в Нижегородской области // *Власть*. 2021. Т. 29, № 1. С. 233–239. DOI 10.31171/vlast.v29i1.7948. EDN SPFFOV.

21. Кудряшова И. В., Козинцев А. С. Институциональные решения этноконфессиональных конфликтов на Ближнем Востоке в контексте имперского опыта // *Политическая наука*. 2021. № 2. С. 140–164. DOI 10.31249/poln/2021.02.05. EDN MNOLDO.

REFERENCES

1. MUKOMEL, V. I. (2022). Central Asian migrants at the Russian labor market: Before the pandemic. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (1), 63–75. <https://doi.org/10.31857/S013216250017014-8>.

2. AVKSENTYEV, V. A., AKSYUMOV, B. V., & GRITSENKO, G. D. (2021). Ethnicity in conflicts in the North Caucasus: Trends of the third decade of the 21st century. *Konfliktologia*, 16(2), 81–93. <https://doi.org/10.31312/2310-6085-2021-16-2-81-93>.

3. TRUONG, A. T. (2021). The conflicts among religious orders of Christianity in China during the 17th and 18th centuries. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 26(5), 57–71. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.5>.

4. SADOVA, A. N., & OVCHINNIKOV, V. A. (2021). Regional ethnic and confessional situation in the Russian Federation: Arrangements for monitoring.

Bulletin of Kemerovo State University, 23(1), 80–94. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-80-94>.

5. TISHKOV, V. A. (2001). *Ethnology and politics: Scientific journalism*. Publishing house “Nauka”. <https://elibrary.ru/rzbnlh>.

6. SCHELER, M. (2022). About national ideas of the great nations. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (8), 7–15. <https://doi.org/10.31857/S013216250021395-7>.

7. LEBEDEV, S. D., BLAGOJEVICH, M., & SHAPOVALOVA, L. V. (2023). Revitalization of religion: Toward an understanding of the perspectives of the modern religious situation. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (8), 60–75. <https://doi.org/10.31857/S013216250027367-6>.

8. МИТРОХИН, L. N. (2003). Religion philosophy – the new perspectives. *Voprosy Filosofii*, (8), 18–36. <https://elibrary.ru/ooauyh>.

9. АКХМЕТОВ, D. T., БАГАЕВА, K. A., ГАДИЕВА, A. N.,

- GOLTSOVA, E. V., **DIBIROVA, A. P.**, IGNATOVA, E. V., **ЛАМАЖА, С. К. О.**, LEBEDEVA, N. M., LEPSHOKOVA, Z. KH., **МАКСИМОВА, О. А.**, **МАКСИМОВА, С. Г.**, NAGMATULLINA, L. K., **НАМРУЕВА, Л. В.**, NOYANZINA, O. E., **ОМЕЛЧЕНКО, Д. А.**, PUSHKAREVICH, O. A., TROTSUK, I. V., **ТРОШКИНА, И. Н.**, TUGUZHEKOVA, V. N., **ТЫЧИНСКИХ, З. А.**, TSOGOEVA, F. B., YARKOV, A. P., **ЛЕВАШОВ, В. К.**, **ХАИРУЛЛИНА, Н. Г.**, & **ШАИХИСЛАМОВ, Р. Б.** (2022). *Intercultural and interreligious dialogue in Russian regions*. Tyumen Industrial University. <https://elibrary.ru/lcbycp>.
10. RUTKEVICH, E. D. (2023). On current world, (non)religious diversity and post-secular perspective. *Research Result. Sociology and Management*, 9(2), 58–76. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-5>.
11. ENDRYUSHKO, A. A. (2022). Perceptions of Russians of the impact of ethnicity on social advancement (on the example of the labour sphere). *Bulletin of the Institute of Sociology*, 13(3), 32–48. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.3.829>.
12. MCHEDLOVA, E. M. (2023). The relationship of political, socio-cultural and value continuums. *The Science. Culture. Society*, 29(2), 129–137. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.11>.
13. MUKOMEL, V. I., & **DENISENKO, M. B.** (2023). Foreign workers in Russia: Employers' opinions. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (1), 26–37. <https://doi.org/10.31857/S013216250021528-3>.
14. AVDASHKIN, A. A. (2022). Migrants' clusters in Russian city (the case of Chelyabinsk city). *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (1), 76–83. <https://doi.org/10.31857/S013216250012618-2>.
15. **OSADCHAYA, G. I.** (2023). Migrants from Uzbekistan in the Moscow agglomeration: Assessment of migration experience. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (4), 65–74. <https://doi.org/10.31857/S013216250019752-0>.
16. TLOSTANOVA, M. V. (2012). Postcolonial theory, decolonial choice and the liberation of aesthetics. *Man and Culture*, (1), 1–64. <https://elibrary.ru/piqdv1>.
17. TOMILTSEV, A. V., & **MALTSEV, A. V.** (2022). Secularity and post-secularity in the educational policy of the Russian Federation. *Actual Problems of Psychological Knowledge*, (3), 102–112. https://doi.org/10.51944/20738544_2022_3_102.
18. EVSEEV, V. O., & **SELEZNEV, I. A.** (2021). Conflict management and research methods regional conflicts. *CITISE*, (3), 79–95. <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2021.3.07>.
19. TUYGANOV, M. S. (2022). Kazakhstan's policy in countering ethno-confessional threats. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, (10), 98–102. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-11013>.
20. USTINKIN, S. V., & MOROZOVA, N. M. (2021). Evaluation of the ethno-confessional relations management system in the Nizhny Novgorod region. *Power*, 29(1), 233–239. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7948>.
21. KUDRYASHOVA, I. V., & **KOZINTSEV, A. S.** (2021). Institutional solutions for sectarian conflicts in the Middle East in the context of imperial legacy. *Political Science*, (2), 140–164. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.02.05>.

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS and MANAGEMENT

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА АРМЕНИИ В ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

М. А. Восканян^а

^а Российско-Армянский (Славянский) университет
(Ереван, Армения)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Проблема инновационного развития Армении последние годы стала одной из актуальных с точки зрения как теории, так и практики ее применения. Статья посвящена анализу и оценке инновационного потенциала страны с точки зрения обеспечения устойчивого экономического роста в долгосрочной перспективе. В условиях частичной блокады транспортных коммуникаций, заметного дефицита внутренних источников роста в виде природных ресурсов или накопленного капитала выводят акцент на развитии человеческого капитала в политике по достижению устойчивого экономического роста в Армении. Вместе с тем, в условиях высокой степени турбулентности глобальной экономики и с учетом геополитической нестабильности важным представляется акцент развития экономики Армении именно с точки зрения инновационного потенциала, что позволит стране, на наш взгляд, стать более устойчивой к внешним шокам и кризисам.

Ключевая цель исследования заключается в анализе и оценке инновационного потенциала Армении, в том числе с точки зрения перспектив для экономического роста в долгосрочной перспективе.

Материалы и методы. Методологической базой исследования послужила совокупность положений современной экономической теории касательно инновационного потенциала экономики и критериев ее оценки. В работе использованы методы качественного и статистического анализа показателей, с последующим выявлением причинно-следственных связей, методы наблюдения и синтеза.

Результаты и выводы. Проведенное исследование позволило выделить ключевые теоретические подходы к проблеме инновационного развития экономики, в том числе и с точки зрения положительных и негативных последствий для экономического роста. В исследовании были детально рассмотрены теоретические предпосылки формирования инновационного потенциала страны, а также был проведен анализ инновационного развития экономики Армении согласно выделенным в работе критериям. Анализ и оценка критериев инновационного развития экономики были проведены с точки зрения перспектив для обеспечения устойчивого экономического роста в Армении в долгосрочной перспективе.

Результатом исследования стал вывод о том, что экономика Армении нуждается в существенных вливаниях в сферу научно-технического развития, с целью усилить позиции инновационного потенциала страны в долгосрочной перспективе. Вместе с тем, среди ключевых выводов статьи можно выделить рекомендации по развитию человеческого капитала, с учетом существующего в Армении потенциала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инновационный потенциал, человеческий капитал, экономика Армении, экономический рост и развитие

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Восканян М. А. Инновационный потенциал как фактор обеспечения устойчивого экономического роста Армении в долгосрочной перспективе // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 2. С. 33-47. EDN WAIVPO. DOI 10.22394/2304-3369-2024-2-33-47.

© М. А. Восканян, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Восканян Мариам Амбарцумовна – доктор экономических наук, доцент; Российско-Армянский (Славянский) университет (0051, Армения, Ереван, ул. О. Эмина, 123) — *заведующий кафедрой экономики и финансов Института экономики и бизнеса*; mariam.voskanyan@rau.am. SPIN-код: 9605-8199, ORCID: 0000-0002-5417-6648.

Статья поступила 11.01.2024; рецензия получена 19.02.2024; принята к публикации 19.03.2024.

THE INNOVATIVE POTENTIAL OF ARMENIA AS A FACTOR OF THE LONG-TERM SUSTAINABLE ECONOMIC GROWTH

М. А. Voskanyan^a

^a Russian-Armenian (Slavic) University
(Erevan, Armenia)

ABSTRACT:

Introduction. In recent years the innovative development of Armenia has become one of the pressing issues in the context of both theory and application practice. This article is devoted to the analysis and assessment of the country's innovative potential from the perspective of ensuring sustainable economic growth in the long term. Under partial blockade of transport communications, noticeable shortage of internal growth sources in the form of natural resources or accumulated capital, the focus of the sustainable economic growth policy in Armenia is on the human capital development. At the same time, in conditions of the turbulent global economy and geopolitical instability it is important to prioritize the development of Armenian economy from the standpoint of innovative potential, which, in the author's opinion, will enable the country to become more resistant to external shocks and crises.

The key goal of the research is to analyze and assess the innovative potential of Armenia, also regarding prospects for economic growth in the long term.

Materials and methods. Methodologically the research is based on a set of provisions of modern economic theory relating to the innovative potential of the economy and criteria to assess it. The methods used in the research are those of qualitative and statistical analysis of indicators, followed by identification of cause-and-effect relationships, observation and synthesis.

Results and conclusions. The research made it possible to identify key theoretical approaches to the issue of innovative economic development, including against the background of positive and negative consequences for economic growth. The article thoroughly examined theoretical prerequisites for the country's innovative potential development and analyzed innovative development of the Armenian economy in relation to the criteria highlighted in the research. The criteria for innovative economic development were analyzed and assessed in terms of the long-term prospects for sustainable economic growth in Armenia.

The research result is the conclusion that the Armenian economy needs significant injections into the field of scientific and technological development to strengthen the country's innovative potential in the long term. In addition, the focus of the conclusions is also on recommendations for human capital development, in the context of the existing potential in Armenia.

KEYWORDS: innovative potential, human capital, Armenia's economy, economic growth and development

FOR CITATION: Voskanyan, M. A. (2024). The innovative potential of Armenia as a factor of the long-term sustainable economic growth. *Management Issues*, 18(2), 33–47. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-2-33-47>

AUTHORS' INFORMATION:

Mariam A. Voskanyan – Advanced Doctor in Economic Sciences, Associate Professor; Russian-Armenian (Slavic) University (123, O. Emin St., Erevan, 0051, Armenia) — *head of the Department of Economics and Finance, Institute of Economics and Business*; mariam.voskanyan@rau.am. RSCI SPIN: 9605-8199, ORCID: 0000-0002-5417-6648.

The article was submitted 01/11/2024; reviewed 02/19/2024; accepted for publication 03/19/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

В современном мире инновации и научно-технический прогресс национальной экономики становятся неотъемлемыми составляющими устойчивого экономического роста в долгосрочной перспективе. Инновации определяют развитие производительных сил, способствуют росту благосостояния населения, повышают качество жизни, уровень образования.

Важность инноваций как основной движущей силы экономического прогресса и развития широко признана в научном сообществе. Большинство современных экспертов придерживаются того мнения, что эффективность инноваций имеет решающее значение для конкурентоспособности и национального прогресса.

Согласно Повестке дня ООН¹ в области устойчивого развития на период до 2030 года, инвестиции частного бизнеса и инновации являются основными движущими силами производительности, целостного экономического роста и создания рабочих мест. Кроме того, Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию подчеркивает, что во всем мире появляются новые стратегии инноваций, и политики поддерживают такие подходы, чтобы расширить выгоды от инноваций для большинства людей. ЮНКТА² предлагает правительствам способствовать расширению масштабов и распространению успешных инноваций при активном участии гражданского общества, особенно в частном секторе, чтобы сделать инновационные результаты доступными для маргинализированных и уязвимых сообществ.

Достаточно давно уже определено, что современная успешная экономика в большей части должна основываться на знаниях и информации, как с точки зрения реального сектора, так и на уровне государственного регулирования экономики³.

Понятие «инновационный потенциал» экономического роста системы за счет инноваций было впервые введено К. Фрименом в 70-80-х годах, согласно которому инновации представляют собой систему мер по созданию, развитию и использованию экономического, социального и институционального потенциала лежащих в основе инноваций. К классикам, которые ставили инновации и технологии в основу экономического роста и развития в долгосрочной перспективе, можно отнести также и Йозефа А. Шумпетера⁴. На уровне национальной экономики инновационный потенциал экономической системы в целом представляет собой совокупность объективных предпосылок или возможностей реализации повышения эффективности функционирования национальной экономической системы на более качественной инновационной основе⁵.

Согласно работам П. Друкера⁶ инновационное развитие экономики начинается с анализа и оценки существующего потенциала с целью его эффективного использования. Многие авторы [1; 2; 3] также предполагают, что возможность инновационного развития обусловлена в первую очередь наличием инновационного потенциала экономики, который необходимо объективно оценить и затем эффективно использовать. В частности, интересную систематизацию показателей «оценки инновационного потенциала региона и результативности инновационной деятельности» представляет А. П. Соколов [4, с. 139].

¹ United Nations – Department of Economic and Social Affairs. 2022. Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. United Nations. Available online: <https://sdgs.un.org/2030agenda>.

² UNCTAD — United Nations Conference on Trade and Development. 2021. Technology and Innovation Report 2021. Catching Technological Waves. Innovation with Equity. United Nations. Available online: <https://unctad.org/webflyer/technology-and-innovation-report-2021>.

³ Knowledge Economy Modelling in Gulf Cooperation Council. *International Journal of Youth Economy*, 6(2).

⁴ Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития. 1934.

⁵ Holguin, M. V., & Bodnar, V. A. (2011). Innovative potential of an economic system and its assessment. *Modern technologies of management*, 1(1). Retrieved from: <http://sovman.ru/article/0101/>.

⁶ Drucker, P. F. (2009). *Business and Innovation*. Vilyams P.H.

В литературе подчеркивается особая актуальность развития инновационного потенциала в условиях глобальных вызовов и экономической нестабильности [5; 6]; отмечается проблема отсутствия «единого мнения относительно методики эффективного внедрения инноваций между представителями бизнеса и экспертами в области теории инноваций» [7, с. 203]. В связи с этим возникает необходимость дальнейших исследований и оценки инновационного потенциала на национальном и глобальном уровне⁷.

Швиндина Х. и др. определяют инновационный потенциал как разницу между текущим состоянием системы с точки зрения инновационной деятельности и ее потенциальными результатами, основанными на существующих инновационных возможностях [8]. Ю. В. Ерыгин рассматривает составляющие инновационного потенциала бизнес-процесса, проекта, предприятия [9]. Глазунова В. В. подчеркивает особенность анализа «инновационного потенциала» экономики на различных уровнях ее организации – фирмы, отрасли, макросистемы [10]. Исследуя международный опыт внедрения инноваций [11], И. Лифнер и Ю. Д. Вэй⁸ выделяют приоритетные стратегические направления развития инновационного потенциала, которые необходимы для инновационного развития экономики:

- поддержка и усиление фундаментальных исследований отечественной науки в области инноваций в целях развития научного потенциала;
- обеспечение воспроизводства человеческих ресурсов для науки, технологий и инноваций в экономике;
- развитие технической и технологической базы, определяющей масштаб и темпы инноваций;
- прямое или косвенное финансовое стимулирование инновационной деятельности с целью развития финансового потенциала;
- совершенствование нормативной базы инноваций в целях развития институционального потенциала;
- формирование информационной инфраструктуры поддержки инноваций и учета их результатов в целях развития информационного потенциала.

⁷ Mazzucato, M., & Perez, C. (2014). Innovation as Growth Policy: The Challenge for Europe. SPRU Working Paper Series SWPS, No. 13. Retrieved from: <https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=2014-13-swps-mazzucato-perez.pdf&site=25>.

⁸ Liefner, I., & Wei, Y. D. (Eds.). (2014). *Innovation and regional development in China*. London: Routledge.

На современном этапе развития экономической науки, подчеркивает Ф. Агион, модели роста, основанные на инновациях, делают акцент на влияние выхода на рынок новых технологий, на инновационный потенциал и производительность национальных компаний, а также воздействие на переустройство экономической системы [12]. Важное значение, отмечают Ю. Ю. Новоскольцева и Е. А. Качанова, имеет рассмотрение особенностей внедрения и оценки эффективности наукоемких инновационно-инвестиционных проектов [13].

Несмотря на то, что модели роста, основанные на знаниях, подразумевают большой скачок в определении экономического роста, точные микроэкономические механизмы достижения такого роста все еще находятся на стадии разработки и развития.

Интересным будет отметить, что ряд исследований указывают на неоднозначное воздействие инноваций на совокупный рост⁹. Важным с точки зрения авторов является не только создание знаний и инноваций, но также и вопрос внедрения и преобразования знаний в коммерческую ценность, то есть распространения и использования инноваций в реальном секторе экономики. А. Маалей [14] и М. Чехабеддин, С. Грабовска и А. Адекола [15] отмечают, что инновации необходимы с точки зрения экологических аспектов экономического роста.

Согласно этой логике, Портер и др. (2002)¹⁰ в цикл экономического роста включают три ключевых этапа: факторный, эффективный и инновационный. Таким образом, можно предположить, что страны, находящиеся на разном уровне развития, могут достигать разного уровня коэффициента полезности от полученных инноваций¹¹.

Таким образом, причины структурных изменений различаются в странах, находящихся на

⁹ Jones, C. (1995). R&D-Based Models of Economic Growth. *Journal of Political Economy*, 103, 759–784.; Jones, C. (1995). Time Series Test of Endogenous Growth Models. *Quarterly Journal of Economics*, 110, 495–525; Jones, C. (2005). Growth and Ideas. In P. Aghion, & S. Durlauf (Eds.) *Handbook of Economic Growth*. Amsterdam: Elsevier.

¹⁰ Porter, M., Sachs, J., & McArthur, J. (2002). Executive Summary: Competitiveness and Stages of Economic Development. In Porter, M., Sachs, J., Cornelius, P., McArthur, J. & Schwab, K. (Eds.) *The Global Competitiveness Report 2001-2002*. Oxford University Press, New York.

¹¹ Acs, Z., & Szerb, L. (2009). The Global Entrepreneurship Index. *Fopundations and Trends in Entrepreneurship*, 5, 341–435.

разных уровнях развития¹². В развивающихся странах с эффективной структурой реального сектора инновационное развитие несет за собой стимулирование темпов экономического роста¹³. Иными словами, без внешнего фактора положительного инновационного потенциала в развивающихся странах получить невозможно. Вместе с тем, в более развитых странах инновации и структурные изменения, скорее всего, будут происходить благодаря совместным усилиям малого и среднего бизнеса и крупных инновационных фирм, ориентированных на вложения в НИОКР¹⁴.

Исследования Всемирного банка показывают, что на современном этапе развития мировой экономики возникла острая необходимость изменения, оценки и принятия национальной инновационной политики¹⁵. Е. А. Васюта и Т. В. Подольская анализируют тренды и особенности внедрения инноваций в экономику различных стран [16]. Активно изучаются особенности внедрения инноваций в регионах различных стран мира. К. Н. Носова выявляет «текущий уровень развития инновационного процесса в регионе и рассмотрены перспективы развития инновационной сферы Владимирской области России» [17]. Н. А. Кабалинская на примере опыта лучших практик цифровизации транспортной инфраструктуры города Москвы предлагает алгоритм внедрения процессов инноваций, который может быть использован в других регионах России и за ее пределами [18]. Н. Лопатова проводит анализ мирового и белорусского опыта «инструментов инвестиционной политики для стимулирования развития инновационной экономики» [19]. Н. Н. Митина, Сун Янян анализируют процесс

внедрения инноваций в обрабатывающую промышленность Китая [20]; Ш. Ли проводит анализ различия в маркетинговых инновациях в разных регионах Китая [21]; М. Ц. Янь на опыте Китая выявляет основные факторы, сдерживающие формирование и эффективное использование инновационного потенциала региона [22].

Тем не менее, не все научные исследования доказывают положительную и значимую связь между инновациями и экономическим ростом. Например, Ариф Умайма и Ицаз Ахмад [23] на основе анализа взаимосвязи между финансовыми инновациями и экономическим ростом в 164 странах с 1990 по 2017 год пришли к выводу, что эти переменные не связаны друг с другом. М. Мохамад и др. [24] обнаружили значительную отрицательную связь между инновациями и долгосрочным экономическим ростом Египта. Интересным представляется вывод М. Фрила и Р. Робсона [25] о краткосрочной и отрицательной связи между инновациями продуктов и ростом продаж и производительности. А. Коал и др. [26] также в своем исследовании приходят к выводу инновации оказывают заметное отрицательное влияние на экономику, поскольку в большей части сосредоточены в руках крупных корпораций, что в свою очередь ставит их в монопольное положение и мешает развитию более мелких компаний, нанося тем самым ущерб экономическому прогрессу и благосостоянию потребителей за счет усиления социального неравенства.

■ АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА АРМЕНИИ

Армения, обладая достаточно хорошим уровнем развития человеческого капитала, тем не менее, не занимает каких-либо значимых позиций с точки зрения инновационного развития. Как мы можем видеть на рисунке 1, по состоянию на 2022 год Армения в Глобальном индексе инноваций занимает лишь 80-е место. При этом нельзя отметить также заметную положительную динамику с точки зрения места Армении в этом рейтинге. Несмотря на достаточную субъективность любых рейтингов или индексов, характеризующих развитие того или иного сектора страны или экономики, нельзя не признать, что такое положение дел с точки зрения инновационного развития в Армении отражает реальную картину.

¹² Nelson, R., & Pack, H. (1999). The Asian Miracle and Modern Growth Theory. *Economic Journal*, 109, 416–436; Gries, T., & Naudé, W. (2008). Entrepreneurship and Regional Economic Growth. *UNUWider Research Paper 2008/70*, UNU-Wider, Helsinki; Gries, T., & Naudé, W. (2010). Entrepreneurship and structural economic transformation. *Small Business Economics*, 34, 13–29.

¹³ Rodrik, D. (2007). *One Economics, Many Recipes: Globalisation, Institutions and Economic Growth*. Princeton University Press, Princeton, NJ.

¹⁴ Nooteboom, B. (1994). Innovation and Diffusion in Small Firms: Theory and Evidence. *Small Business Economics*, 6, 327–347. Retrieved from: <https://www.jstor.org/stable/40239907>; Baumol, W. (2002). *The Free-market Innovation Machine – Analysing the Growth Miracle of Capitalism*. Princeton University Press, Princeton.

¹⁵ Cirera, X., Jaime, F., Justin, H., & Yanchao, L. (2020). *A Practitioner's Guide to Innovation Policy. Instruments to Build Firm Capabilities and Accelerate Technological Catch-Up in Developing Countries*. World Bank Group. Available online: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/158861581492462334/pdf/A-Practitioner-s-Guide-to-Innovation-Policy-Instruments-to-Build-Firm-Capabilities-and-Accelerate-Technological-Catch-Up-in-Developing-Countries.pdf>.

Возникает вопрос, в чем заключаются ключевые проблемы, мешающие Армении эффективно использовать свой научный потенциал и уровень развития человеческого капитала? В этой связи в рамках нашего исследования осуществлена попытка проанализировать и оценить ключевые факторы, которые обуславливают эффективное развитие инновационного потенциала экономики.

Анализ и оценка инновационного потенциала экономики предполагают выделение ключевых критериев, которые в той или иной форме способствуют инновационному развитию страны. Обобщая результаты многих исследований, направленных на выявление инновационного потенциала различных экономик, можно выделить ключевые критерии, объединенные в четыре основные группы, которые, на наш взгляд, позволяют наиболее полноценно оценить условия, необходимые для инновационного развития экономики (см. рис. 2).

На первый план выходят критерии, связанные с макроэкономической средой в стране. И, хотя инновационный потенциал и степень развития экономики достаточно взаимосвязанные и дополняющие друг друга категории, важным является вопрос, что можно считать первостепенным условием: инновации, которые ведут к экономическому развитию, или экономическое развитие, дающее возможность стимулировать рост инноваций? В каком-то смысле ответ на этот вопрос зависит от стартовых условий данной экономики. Поэтому для развивающейся страны наиболее благоприятным условием для достижения высокого уровня благосостояния и экономического развития является инновационное развитие.

Армения с точки зрения уровня благосостояния не выделяется высокими показателями. Заметным препятствием для инновационного развития является как сам уровень средних заработных плат по секторам, которые в среднем составляют не больше 500 долларов ежемесячного дохода, так и большой разрыв между стоимостью труда в секторах экономики (см. рис. 3).

В Армении можно наблюдать положительную динамику уровня занятости последние несколько лет, однако общий тренд за весь рассматриваемый период указывает на необходимость существенных изменений в макроэкономической политике относительно эффективности рынка труда. Об этой необходимости также свидетельствует структура занятости населения по секторам экономики.

В положительной тенденции в динамике структуры занятости в Армении следует отнести заметное сокращение численности населения, занятого в сельском хозяйстве. В целом это свидетельствует о структурных изменениях экономики и об уходе от доминирования аграрного сектора в структуре ВВП. Следующий положи-

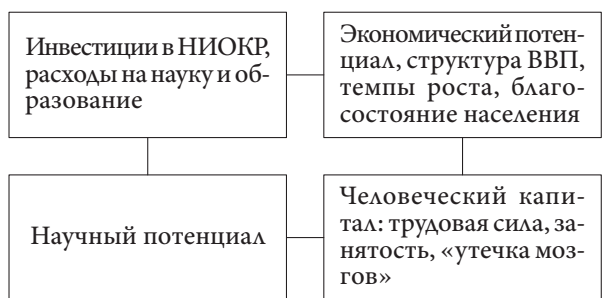
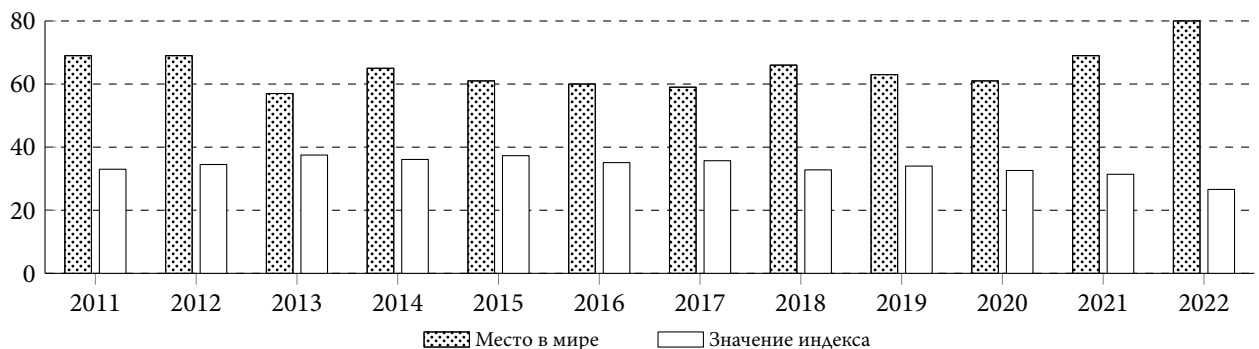

Рис. 2. Критерии оценки инновационного потенциала экономики

Fig. 2. Criteria for assessing the innovative potential of the economy

Источник: Международный экономический форум. URL: <https://www3.weforum.org>.

Рис. 1. Глобальный индекс инноваций Армении
Fig. 1. Indicators of Global Innovation index of Armenia

тельный фактор – это достаточно диверсифицированная структура занятости, в отличие от периода начала 2000-х. При этом такая диверсификация наиболее заметна последние 5-7 лет.

Вместе тем, перераспределение рабочей силы не произошло в пользу сегментов экономики (производство, промышленность, наука и образование, высокие технологии, финансовый сектор), которые могли бы обусловить устойчивый рост в долгосрочной перспективе. Например, в секторе «производство занятость сократилась почти вдвое, в промышленном секторе рост за 20 лет составляет лишь 30%, в секторе здравоохранения наблюдается сокращение занятости на 40%, в секторах науки и образования – рост 20-25%¹⁶. При этом заметный рост в секторе государственного управления и обороны, торговле, строительном секторе. Из положительных динамик можно отметить рост занятости в секторах, связанных с финансовой деятельно-

стью и информационными технологиями. Однако доля этих секторов как по линии занятости населения, так и по линии ВВП ничтожна на фоне остальных сегментов экономики. Таким образом, те сегменты, которые могут привлечь вложения на долгосрочной основе, а также обусловить устойчивый рост экономики по структуре занятости, мало эффективны и требуют перераспределения трудовой силы в пользу отмеченных сегментов.

Кроме того, следует отметить низкую вовлеченность занятого населения в инновационные сектора экономики. Так, в секторах наука, образование и всех других, которые имеют отношение к высоким технологиям, занято меньше 5% населения¹⁷. Важным также следует отметить, что если, скажем, в секторе информационных технологий достаточно высокие заработные платы (на фоне остальных секторов), то в секторах, которые, по сути, создают человеческий капи-

¹⁶ База данных Национальной статистической службы Республики Армения. URL: <http://www.armstat.am>.

¹⁷ Там же.

Источник: База данных Национальной статистической службы Республики Армения. URL: <http://www.armstat.am>.

Рис. 3. Средняя ежемесячная заработная плата по секторам экономики Армении
Fig. 3. Average monthly salary by economic sectors of Armenia

тал, а значит, профессиональные компетенции для высокотехнологичных отраслей, среднемесячный доход достаточно низкий.

В целом, показатели, характеризующие уровень жизни в Армении, находятся на низком уровне. Рисунок 4 демонстрирует динамику ВВП на душу населения, а также среднюю заработную плату и стоимость труда в экономике Армении за последние 18 лет. 2022 год резко выделяется заметным ростом ВВП на душу населения на фоне остальных периодов. Однако такой рост носит скорее экзогенный характер, нежели обусловлен внутренними факторами экономического развития. Этот тезис доказывает динамика среднемесячной заработной платы и стоимости труда в этот же период.

В основе формирования качественного человеческого капитала лежит население страны. Целесообразным представляется рассмотреть ключевые характеристики динамики населения Армении с точки зрения ее возрастной структуры, трудовой силы, уровня образования и т.д.

Численность населения в Армении на текущий момент составляет 2 976,8 тыс. человек, что в целом не говорит о многочисленности населения, даже с учетом территории страны. Следует отметить заметный рост численности населения по итогам 2022 года по сравнению с предыдущим

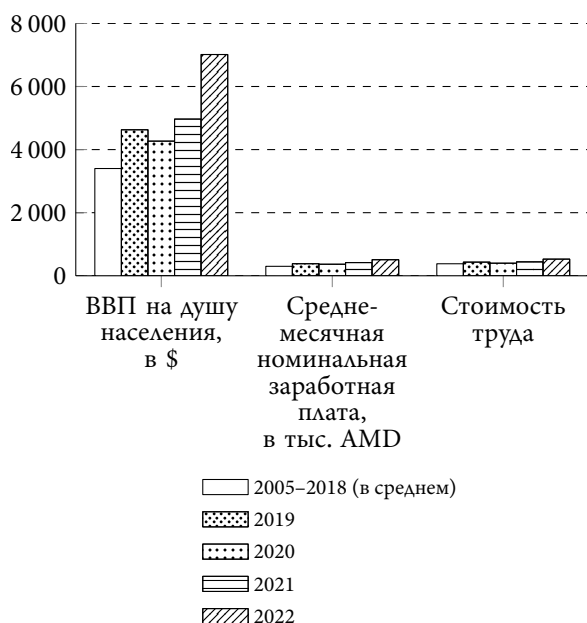
годом. Такой рост, очевидно, обусловлен экзогенными факторами, способствующими значительному притоку в Армению иммигрантов из России, Беларуси и Украины. При этом экзогенный характер роста численности населения страны говорит о неустойчивости такого роста, что содержит в себе значительные риски. Особенно с учетом заметного оттока населения предыдущие два года, в период 2020–2021 гг. При этом, в отличие от притока населения, отток был обусловлен эндогенными факторами (вторая Арцахская война, политическая и макроэкономическая нестабильность, низкий уровень жизни и т.д.), которые на текущий момент не претерпели заметных изменений.

Возрастная структура населения с точки зрения инновационного развития имеет также немаловажное значение, поскольку предполагает демографический потенциал в структуре населения страны. В Армении, как и во всем мире, наблюдается тенденция к старению населения. Трудоспособное население составляет 70% от общей численности населения. Однако следует отметить значительное сокращение численности населения в возрасте до 14 лет, что говорит о сокращении потенциала трудовой силы в обозримом будущем. Наряду с этим, доля населения в возрасте старше 65 лет растет, что означает увеличение нагрузки на бюджетные расходы по линии социального обеспечения, что даже при наличии накопительной системы существенно сократит потенциал расходов государственного бюджета на экономическое развитие страны.

Уровень индекса человеческого капитала представлен на рисунке 5. Во-первых, напрашивается вывод о сильном отставании Армении от высокотехнологичных экономик, лидеров в инновационных технологиях. Во-вторых, следует отметить определенную стагнацию в динамике индекса, что говорит об отсутствии роста уровня развития человеческого капитала.

Индекс человеческого развития, который не демонстрирует роста последние десять лет, также свидетельствует о потере качества человеческого капитала и необходимости срочных мер в образовании трудовых ресурсов страны с точки зрения повышения качества.

Очевидным представляется тезис о том, что качественный человеческий капитал является одним из важнейших индикаторов привлечения вложений, особенно в высокотехнологичные

Источник: База данных Национальной статистической службы Республики Армения. URL: <http://www.armstat.am>.

Рис. 4. Уровень жизни в Армении, в \$ США
Fig. 4. Standard of living in Armenia, in USD

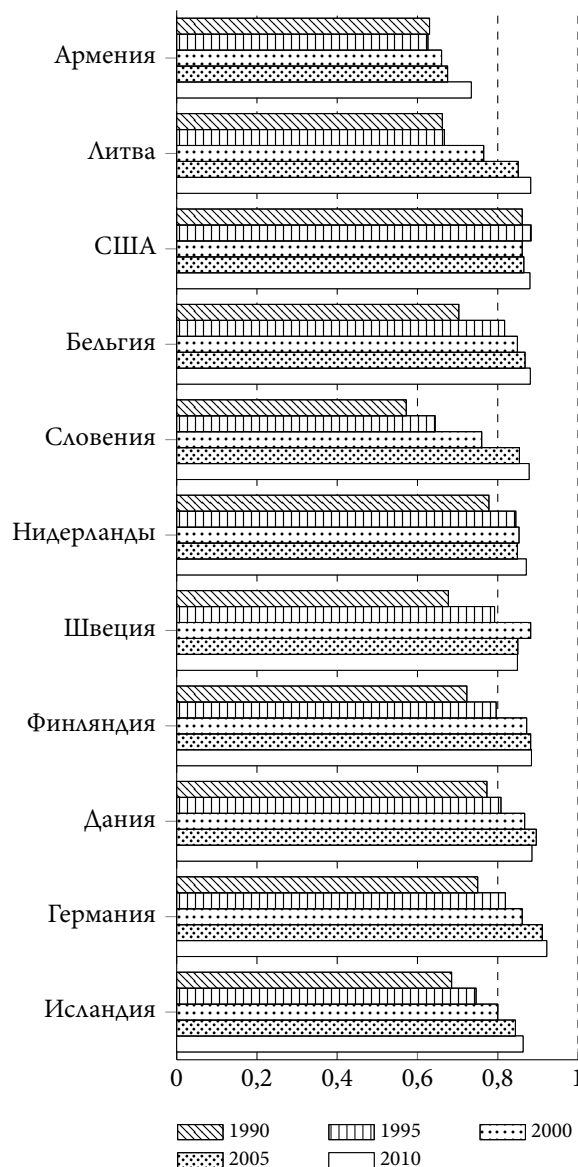
и наукоемкие отрасли, развитие которых в свою очередь обусловит устойчивые темпы экономического роста в долгосрочной перспективе. В этой связи необходимы коренные изменения в политике государства относительно сохранения, формирования и развития человеческого капитала в стране.

Причины такой ситуации во многом кроются в структуре трудовой силы экономики. Так, за последние 30 лет трудовые ресурсы Армении уменьшились с 1,6 млн человек до 1,4 млн¹⁸. Вместе с тем, сокращается потенциал трудовой силы, связанный как со старением населения, так и с сокращающейся долей молодого поколения (население в возрасте 15–24 лет): с 45% в 1990 году до 40% в 2022 году¹⁹.

Несмотря на то, что большая часть трудовой силы обладает высшим образованием (в среднем около 75%), наблюдается достаточно высокий уровень безработных с высшим образованием (по состоянию на 2022 год 12,3%).

Такая тенденция говорит о неэффективном рынке труда, а также неэффективных инвестициях в систему образования, которая на выходе предлагает спектр выпускников, либо не достаточный по качеству, либо не соответствующий требованиям рынка. В обоих случаях очевидной представляется необходимость большей кооперации между рынком труда и системой образования, с целью уравновесить взаимоотношения спроса и предложения на рынке образовательных услуг и на рынке труда.

По индексу образования Армения достаточно хорошо выделяется на фоне стран со средним доходом, но от десяти лидеров по этому индексу

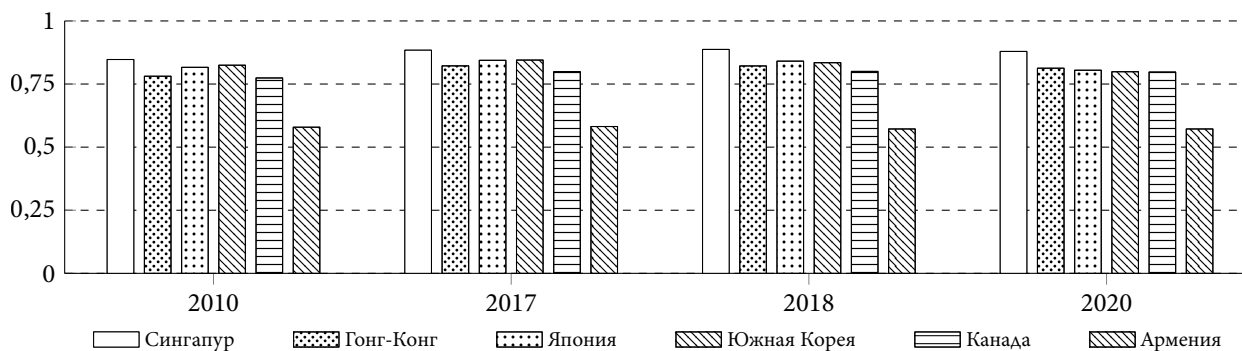

Источник: База данных Global Data Lab. URL: <https://globaldatalab.org/>.

Рис. 6. Индекс образования, Топ-10 стран и Армения
Fig. 6. Education Index, Top 10 Countries and Armenia

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Источник: База данных Всемирного Банка. URL: <http://data.worldbank.org/>.

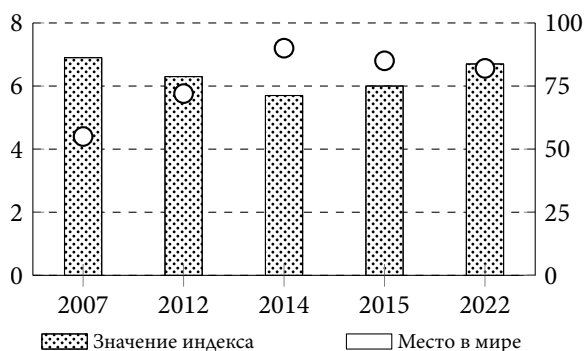
Рис. 4. Индекс человеческого капитала
Fig. 4. Human Capital Index

отставание также вполне заметно. Особенно важно, что среди лидеров по индексу образования есть страны постсоветского пространства и Восточной Европы, что позволяет предположить, что уровень и качество образования в стране не всегда должны коррелировать с очень высоким уровнем развития экономики, а значит, у Армении также имеется шанс попасть в десятку лидеров по качеству образования.

Важным фактором сокращения человеческого капитала, а значит, и инновационного потенциала является существенные эмиграционные потоки за последние 30 лет. Несмотря на значительный приток населения из России, Беларуси и других стран в 2022 году, чистая миграция в Армении остается отрицательной. Вместе с этим, последние годы наблюдается отток населения с высшим образованием, что обуславливает сокращение потенциала развития человеческого капитала в стране.

По индексу бегства людей и «утечки мозгов» Армения по состоянию на 2022 год занимает 82 место в мире, что не является хорошим индикатором с точки зрения человеческого капитала и инновационного потенциала страны (см. рис. 7).

Тем не менее, научный потенциал страны создает не только образованное и квалифицированное население, но также и существенные капитальные вложения в науку, образование и инновационные сегменты экономики. Во многом такие вложения даже обуславливают высокий уровень человеческого капитала и последующую отдачу с точки зрения обеспечения устойчивого экономического роста в долгосрочной перспективе.

Источник: <https://www.theglobaleconomy.com/>.

Рис. 7. Индекс бегства людей и утечки мозгов в Армении
Fig. 7. Index of flight and brain drain in Armenia

В этом смысле Армения находится на одном из последних мест в мире. Так, государственные расходы на образование в проценте от ВВП по состоянию на 2022 год составляют 1,9% против 3% в 2007 году, а доля в общих расходах государственного бюджета по состоянию на 2022 год – 7,4% против 15% в 2007 году²⁰. Таким образом, доля расходов в экономике permanently сокращается, что, несомненно, негативно отражается на потенциале человеческого капитала в долгосрочной перспективе.

С другой стороны, доля объема научно-технических работ и валовых затрат на исследования и разработки по отношению к ВВП составляет меньше 0,3% и имеет тенденцию к сокращению, тогда как в лидирующих странах по инновационному развитию эти показатели составляют от 2,5% до 5% от ВВП (см. рис. 8). При этом большая часть этих стран демонстрирует заметный рост расходов на исследования и разработки последние несколько лет. Расходы на науку в общей структуре государственных расходов составляют 1,1%²¹ и практически не претерпели каких-либо заметных изменений за последние 15 лет.

Очевидным следствием такого объема затрат на научно-исследовательскую и образовательную деятельность является низкий уровень научной активности в экономике. На фоне роста спроса на интеллектуальную собственность в мире в Армении число заявленных патентов на научно-исследовательские разработки сокращается. За последние 15 лет эта цифра сократилась в 6-7 раз в целом, а по линии патентов со стороны нерезидентов – в десятки раз²². По состоянию на конец 2020 года число патентных заявок со стороны резидентов в Армении составило 63, а со стороны нерезидентов – 7²³. Лишним будет говорить о совершенной неконкурентоспособности экономики Армении на мировой арене на рынке инновационных продуктов в современном глобальном мире.

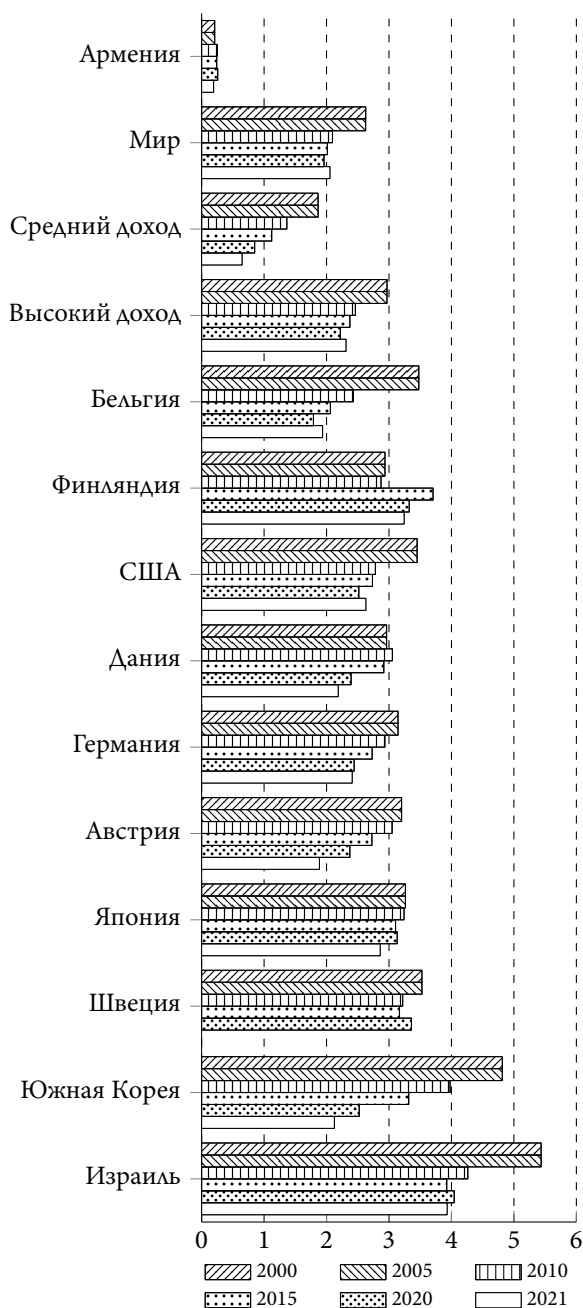
В свете сказанного, экспорт высоких технологий из Армении в общем экспорте от промышленной продукции составляет около 13% по состоянию на конец 2021 года, а экспорт средних и высоких технологий – лишь 6% (см. рис. 9).

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² База данных Всемирного Банка. URL: <http://data.worldbank.org/>.

²³ Там же.

Источник: База данных Всемирного Банка. URL: <http://data.worldbank.org/>.

Рис. 8. Расходы на исследования и разработки (% от ВВП)
 Fig. 8. Research and development expenditure (% of GDP)

При этом по итогам 2007 года экспорт средних и высоких технологий составлял 36% и permanently сокращался вплоть до 2015 года и составил 10,3%, а затем сохранил этот показатель с колебанием в один или два процента. Иными словами, за последние 10 лет экономика Армении сократила свой экспортный потенциал по линии высокотехнологичной продукции, тогда как многим странам, наоборот, удалось повысить свою конкурентоспособность на рынке высоких технологий в тот же период.

Наконец, с точки зрения возможностей и потенциала экономики по линии инновационного развития важным представляется рассмотреть структуру ВВП Армении (см. табл. 1). Даже динамика последних пяти лет позволяет сформировать общее понимание об инновационном потенциале структуры экономики Армении. Как мы можем видеть, сектор в сфере информационных технологий активно развивается и по итогам 2022 года увеличился почти в два раза. Наблюдается также рост в сферах энергетики, недвижимости, а также в некоторых секторах, связанных с инфраструктурой экономики. Важным в этой связи представляется верно выбранное направление макроэкономической политики, нацеленное на стимулирование инвестиций в инновационные сектора экономики.

■ **ВЫВОДЫ**

Обобщая все вышесказанное, следует отметить следующие рекомендации по развитию инновационного потенциала Армении. Прежде всего необходим пересмотр системы образования с точки зрения формирования качественного человеческого капитала. Важным представляется не только акцент на социально-экономические направления, а прежде всего на естественно-научную сферу, поскольку именно эти

Источник: База данных Всемирного Банка. URL: <http://data.worldbank.org/>.

Рис. 9. Экспорт высоких технологий в Армении
 Fig. 9. Export of high technologies in Armenia

Таблица 1 — Структура ВВП Армении по отраслям
Table 1 — Structure of Armenia's GDP by industry

	Год				
	2018	2019	2020	2021	2022
Сельское хозяйство	1 268 394,0	1 163 226,0	1 073 117,0	791 692,0	880 638,0
Промышленность	309 371,0	358 649,0	405 739,0	386 756,0	320 844,0
Производство	1 528 701,0	1 701 944,0	1 669 591,0	796 350,0	994 603,0
Обеспечение электрической энергией, газом и паром	338 573,5	328 049,8	341 925,0	194 687,0	244 363,0
Водоснабжение	47 443,5	41 088,8	34 926,0	27 744,0	33 713,0
Строительство	727 746,0	746 526,7	772 677,0	454 823,0	578 342,0
Торговля	917 868,2	999 045,0	887 084,0	785 205,0	1 004 547,0
Транспортировка и хранение	289 806,7	319 446,7	199 824,0	193 828,0	313 591,0
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	156 779,2	201 666,4	112 613,0	120 879,0	162 371,0
Деятельность в области информации и связи	265 203,7	291 732,2	315 428,0	266 544,0	386 435,0
Деятельность финансовая и страховая	418 652,2	477 582,4	500 237,0	416 003,0	680 902,0
Деятельность, связанная с недвижимостью	496 022,0	571 471,0	506 417,0	517 633,0	667 409,0
Профессиональная, научная и научно-техническая	97 918,0	107 894,0	98 982,0	76 280,0	96 319,0
Административная и вспомогательная деятельность	92 086,0	102 598,0	55 658,0	45 725,0	60 946,0
Государственное управление и оборона. Обязательное соцобеспечение	357 995,0	392 846,0	448 381,0	345 422,0	390 423,0
Образование	197 883,0	208 919,0	220 642,0	188 331,0	207 449,0
Здравоохранение и социальное обслуживание населения	367 918,0	430 197,0	484 479,0	470 476,0	446 585,0
Культура, развлечения и отдых	437 392,0	476 096,0	391 196,0	213 674,0	226 515,0
Другие услуги сервиса	72 661,0	66 590,0	60 187,0	43 963,0	49 951,0

Источник: База данных Национальной статистической службы Республики Армения. URL: <http://www.armstat.am>.

специальности позволят взрастить необходимые для научно-технического развития кадры.

Это в свою очередь, безусловно, требует увеличения государственных расходов на образование и науку, а также привлечение частного капитала в сферу образования, основанного в том числе на принципах государственно-частного партнерства. В то же время привлечение частных инвестиций в НИОКР позволит развивать и усилить инновационный потенциал Армении. Все эти шаги обуславливают необходимость разработки долгосрочной стратегии развития экономики Армении с акцентом на инновационный потенциал.

Анализ литературы на тему развития инновационного потенциала позволяет выделить некоторые ключевые рекомендации для реализации в Армении. Среди них можно выделить такие важные факторы, как повышение доступа компаний к капиталу посредством банковской

системы или фондового рынка, с целью дальнейших вложений в инновации и инновационное развитие как на уровне организации, так и на уровне страны в целом.

Хорошим примером развития инноваций в стране является внедрение институтов развития, которые в свою очередь посредством государственных и частных инвестиций вкладывают в научный и инновационных потенциал в экономике.

Важным с точки зрения развития инновационного потенциала представляется налаживание взаимосвязи университетов как научных центров и крупных компаний, которые заинтересованы в инновационном развитии страны. В передовых, развитых странах в области инноваций одним из ключевых источников привлечения инвестиций в науку является именно такое взаимодействие. В этом смысле также можно применить опыт институтов развития в Армении. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. LIEZINA, A. V., ANDRIUSHCHENKO, K. A., ROZHKO, O. D., DATSI, O. I., MISHCHENKO, L. O., & SHERNIAIEVA, O. O. (2020). Resource planning for risk diversification in the formation of a digital twin enterprise. *Accounting*, 6(7), 1337–1344. <https://doi.org/10.5267/j.ac.2020.8.016>.
2. NITSENKO, V., KOTENKO, S., HANZHURENKO, I., & INGRAM, K. L. R. (2020). Determination of weight coefficients for stochastic and fuzzy risks for multimodal transportation. *Journal of Physics: Conference Series*, 1529(2), Article 032007. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1529/3/032007>.
3. NITSENKO, V., KOTENKO, S., HANZHURENKO, I., MARDANI, A., STASHKEVYCH, I., & KARAKAI, M. (2019). Mathematical modeling of multimodal transportation risks. In R. Ghazali, N. Nawi, M. Deris, & J. Abawajy (Eds.) *Recent Advances on Soft Computing and Data Mining* (pp. 439–447). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-36056-6_41.
4. СОКОЛОВ А. П. Потенциал развития экономики регионов: методика стимулирования инновационной активности // *Финансовый менеджмент*. 2023. № 5-2. С. 139–148. DOI 10.25806/fm5-22023139-148. EDN РМЈТҮВ.
5. КАЧАНОВА Е. А., ЧЕВТАЕВА Н. Г., УДАРЦЕВ Н. С. Глобальные вызовы для социальноэкономического развития России: анализ и оценка // *Проблемы теории и практики управления*. 2022. № 3. С. 183–198. EDN ТВКВАQ.
6. ПОВЕДИН А. А. Пересмотр современных классификаций санкций в свете санкционного режима в отношении России // *R-Economy*. 2022. Т. 8, № 3. С. 196–207. DOI 10.15826/recon.2022.8.3.016. EDN HRNREA.
7. ФЕДУЛОВ Д. В., ПОВЕДИН А. А. Инновации и их влияние на экономический рост // *Экономические науки*. 2022. № 208. С. 203–207. DOI 10.14451/1.208.203. EDN TLAZOC.
8. SHVINDINA, H., TARANIUK, L., KOTENKO, S., AWUJOLA, A., TARANIUK, K., & HONGZHOU, Q. (2022). Cross-country analysis of competitiveness towards innovation potential assessment for industrials. *Journal of Eastern European and Central Asian Research*, 9(2), 165–182. <https://doi.org/10.15549/jecar.v9i2.711>.
9. ЕРЫГИН Ю. В., ЕРЫГИНА Л. В., ШУМАКОВ Ф. П. Инновационный потенциал: значение для экономики, виды и подходы к оценке // *Финансовая экономика*. 2023. № 1. С. 196–198. EDN EUBBQO.
10. ГЛАЗУНОВА В. В. Инновационный потенциал экономики: подходы к оценке и формирование // *Микроэкономика*. 2023. № 3. С. 12–23. DOI 10.33917/mic-3.110.2023.12-23. EDN WYCLCK.
11. LIEFNER, I., & JESSBERGER, S. (2016). The use of the analytical hierarchy process as a method of comparing innovation across regions: The examples of the equipment manufacturing industries of Shanghai and Xiamen, China. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 48(6), 1188–1208. <https://doi.org/10.1177/0308518x16636886>.
12. AGHION, P., BLOOM, N., BLUNDELL, R., GRIFFITH, R., & HOWITT, P. (2005). Competition and innovation: An inverted-U relationship. *The Quarterly Journal of Economics*, 120(2), 701–728. <https://doi.org/10.1093/qje/120.2.701>.
13. НОВОСКОЛЬЦЕВА Ю. Ю., КАЧАНОВА Е. А. Инновационно-инвестиционный проект: проблемы оценки и анализа // *Проблемы теории и практики управления*. 2022. № 4. С. 114–127. EDN DJSGXG.
14. МААЛЕЈ, А. (2022). The role of entrepreneurship and innovation in the environmental and economic dimensions of growth. *Insights into Regional Development*, 4(2), 85–95. [https://doi.org/10.9770/ird.2022.4.2\(7\)](https://doi.org/10.9770/ird.2022.4.2(7)).
15. СНЕНАВЕДДИНЕ, М. Р., ГРАВОВСКА, С., & АДЕКОЛА, А. Ф. (2022). Building a model for securing regional development from ecological threats. *Insights into Regional Development*, 4(2), 22–40. [https://doi.org/10.9770/IRD.2022.4.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/IRD.2022.4.2(2)).
16. ВАСЮТА Е. А., ПОДОЛЬСКАЯ Т. В. Тренды инновационного развития экономик стран мира и приоритетные направления для России // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2023. № 1. С. 61–67. DOI 10.22394/2079-1690-2023-1-1-61-67. EDN UYPRFR.
17. Носова К. Н. Роль инноваций в развитии экономики региона (на примере Владимирской области) // *Наука Красноярья*. 2023. Т. 12, № 1-3. С. 101–105. EDN QYKTTM.
18. КАБАЛИНСКАЯ Н. А. Внедрение инноваций в инфраструктурных отраслях экономики регионов на примере цифровизации транспортной инфраструктуры г. Москвы // *Вестник РАЕН*. 2023. Т. 23, № 2. С. 96–102. DOI 10.52531/1682-1696-2023-23-2-96-102. EDN АРТТФН.
19. ЛОПАТОВА Н. Использование инструментов инвестиционной политики для стимулиро-

вания инновационного развития экономики в условиях цифровизации // *Наука и инновации*. 2023. № 10 (248). С. 40–43. DOI [10.29235/1818-9857-2023-10-40-43](https://doi.org/10.29235/1818-9857-2023-10-40-43). EDN [IPUANH](https://elibrary.ru/ipuanh).

20. МИТИНА Н. Н., СУН Я. Трансформация и модернизация обрабатывающей промышленности Китая // *Инновации и инвестиции*. 2022. № 9. С. 31–37. EDN [AANPFO](https://elibrary.ru/aanpfo).

21. ЛИ Ш., ЯНЕНКО М. Б. Проблемы и вызовы инноваций в маркетинге и рекламе реального сектора экономики Китайской Народной Республики в условиях цифровой трансформации // *Бизнес. Образование. Право*. 2023. № 2 (63). С. 223–227. DOI [10.25683/VOLBI.2023.63.672](https://doi.org/10.25683/VOLBI.2023.63.672). EDN [CLOYIN](https://elibrary.ru/cloyin).

22. ЯНЬ М. Ц., ШКАРИНА В. С. Инновационный потенциал развития экономики региона: проблемы и перспективы // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2023. № 6. С. 56–65. DOI [10.25198/2077-7175-2023-6-56](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-6-56). EDN [REKBJH](https://elibrary.ru/rekbjh).

23. ARIF, U., & AHMAD, E. (2020). A framework for analyzing the impact of fiscal decentralization on macroeconomic performance, governance and economic growth. *Singapore Economic Review*, 65(1), 3–39. <https://doi.org/10.1142/S0217590818500194>.

24. MOHAMED, M. M. A., LIU, P., & NIE, G. (2021). Are technological innovation and foreign direct investment a way to boost economic growth? An Egyptian case study using the autoregressive distributed lag (ARDL) model. *Sustainability*, 13(6), Article 3265. <https://doi.org/10.3390/su13063265>.

25. FREEL, M. S., & ROBSON, P. J. A. (2004). Small firm innovation, growth and performance. Evidence from Scotland and Northern England. *International Small Business Journal*, 22(6), 561–575. <https://doi.org/10.1177/0266242604047410>.

26. COAD, A., NIGHTINGALE, P., STILGOE, J., & VEZ-ZANI, A. (2020). Editorial: The dark side of innovation. *Industry and Innovation*, 28(1), 102–112. <https://doi.org/10.1080/13662716.2020.1818555>.

REFERENCES

1. LIEZINA, A. V., ANDRIUSHCHENKO, K. A., ROZHKO, O. D., DATSI, O. I., MISHCHENKO, L. O., & CHERNIAIEVA, O. O. (2020). Resource planning for risk diversification in the formation of a digital twin enterprise. *Accounting*, 6(7), 1337–1344. <https://doi.org/10.5267/j.ac.2020.8.016>.

2. NITSENKO, V., KOTENKO, S., HANZHURENKO, I., & INGRAM, K. L. R. (2020). Determination of weight coefficients for stochastic and fuzzy risks for multimodal transportation. *Journal of Physics: Conference Series*, 1529(2), Article 032007. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1529/3/032007>.

3. NITSENKO, V., KOTENKO, S., HANZHURENKO, I., MARDANI, A., STASHKEVYCH, I., & KARAKAI, M. (2019). Mathematical modeling of multimodal transportation risks. In R. Ghazali, N. Nawi, M. Deris, & J. Abawajy (Eds.) *Recent Advances on Soft Computing and Data Mining* (pp. 439–447). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-36056-6_41.

4. SOKOLOV, A. P. (2023). The potential of regional economic development: Methods of stimulating innovation activity. *Financial Management*, (5-2), 139–148. <https://doi.org/10.25806/fm5-22023139-148>.

5. KACHANOVA, E. A., CHEVTAIEVA, N. G., & UDARTSEV, N. S. (2022). Global challenges for Russia's socio – economic development: Analysis and evaluation. *Problems of Management Theory and Prac-*

tice, (3), 183–198. <https://elibrary.ru/tbkvaq>.

6. POBEDIN, A. A. (2022). Reconsidering contemporary classifications of sanctions in the light of the Russia sanctions regime. *R-Economy*, 8(3), 196–207. <https://doi.org/10.15826/recon.2022.8.3.016>.

7. FEDULOV, D. V., & POBEDIN, A. A. (2022). Innovations and their impact on economic growth. *Economic Sciences*, (208), 203–207. <https://doi.org/10.14451/1.208.203>.

8. SHVINDINA, H., TARANIUK, L., KOTENKO, S., AWUJOLA, A., TARANIUK, K., & HONGZHOU, Q. (2022). Cross-country analysis of competitiveness towards innovation potential assessment for industrials. *Journal of Eastern European and Central Asian Research*, 9(2), 165–182. <https://doi.org/10.15549/jecar.v9i2.711>.

9. ERYGIN, YU. V., ERYGINA, L. V., & SHUMAKOV, F. P. (2023). Innovative potential: Economic significance, types and approaches to assessment. *Financial Economics*, (1), 196–198. <https://elibrary.ru/eubbqo>.

10. GLAZUNOVA, V. V. (2023). Innovative potential of the economy: Approaches to assessment and formation. *Microeconomics*, (3), 12–23. <https://doi.org/10.33917/mic-3.110.2023.12-23>.

11. LIEFNER, I., & JESSBERGER, S. (2016). The use of the analytical hierarchy process as a method of comparing innovation across regions: The examples of the equipment manufacturing industries of Shanghai and Xiamen, China. *Environment and Planning*

A: *Economy and Space*, 48(6), 1188–1208. <https://doi.org/10.1177/0308518x16636886>.

12. AGHION, P., BLOOM, N., BLUNDELL, R., GRIFFITH, R., & HOWITT, P. (2005). Competition and innovation: An inverted-U relationship. *The Quarterly Journal of Economics*, 120(2), 701–728. <https://doi.org/10.1093/qje/120.2.701>.

13. NOVOSKOLTSEVA, YU. YU., & KACHANOVA, E. A. (2022). Innovation and investment project: Problems of evaluation and analysis. *Problems of Management Theory and Practice*, (4), 114–127. <https://elibrary.ru/djsgxg>.

14. MAÂLEJ, A. (2022). The role of entrepreneurship and innovation in the environmental and economic dimensions of growth. *Insights into Regional Development*, 4(2), 85–95. [https://doi.org/10.9770/ird.2022.4.2\(7\)](https://doi.org/10.9770/ird.2022.4.2(7)).

15. CHEHABEDDINE, M. R., GRABOWSKA, S., & ADEKOLA, A. F. (2022). Building a model for securing regional development from ecological threats. *Insights into Regional Development*, 4(2), 22–40. [https://doi.org/10.9770/IRD.2022.4.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/IRD.2022.4.2(2)).

16. VASYUTA, E. A., & PODOLSKAYA, T. V. (2023). Trends of foreign economies' innovative development and priority directions for Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, (1), 61–67. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-61-67>.

17. NOSOVA, K. N. (2023). Role of innovations in the development of the regional economy (by the example of the Vladimir region). *Krasnoyarsk Science*, 12(1-3), 101–105. <https://elibrary.ru/kykttm>.

18. KABALINSKAYA, N. A. (2023). Introduction of innovations in the infrastructure sectors of the economy of the regions on the example of digitalization of the transport infrastructure of Moscow. *Bulletin of RANS*, 23(2), 96–102. <https://doi.org/10.52531/1682-1696-2023-23-2-96-102>.

19. ЛОПАТОВА, N. (2023). Using investment policy instruments to stimulate innovative development

of the economy in the context of digitalization. *Science and Innovations*, (10), 40–43. <https://doi.org/10.29235/1818-9857-2023-10-40-43>.

20. MITINA, N. N., & SUN, Y. (2022). Transformation and modernization of China's manufacturing industry. *Innovation and Investment*, (9), 31–37. <https://elibrary.ru/aahpeo>.

21. LEE, SH., & YANENKO, M. B. (2023). Problems and challenges of innovations in marketing and advertising of the real sector of the People's Republic of China economy in the conditions of digital transformation. *Business. Education. Right*, (2), 223–227. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2023.63.672>.

22. YAN, M. TS., & SHKARINA, V. S. (2023). Innovative potential of regional economic development: Problems and prospects. *Intellect. Innovations. Investments*, (6), 56–65. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-6-56>.

23. ARIF, U., & AHMAD, E. (2020). A framework for analyzing the impact of fiscal decentralization on macroeconomic performance, governance and economic growth. *Singapore Economic Review*, 65(1), 3–39. <https://doi.org/10.1142/S0217590818500194>.

24. MOHAMED, M. M. A., LIU, P., & NIE, G. (2021). Are technological innovation and foreign direct investment a way to boost economic growth? An Egyptian case study using the autoregressive distributed lag (ARDL) model. *Sustainability*, 13(6), Article 3265. <https://doi.org/10.3390/su13063265>.

25. FREEL, M. S., & ROBSON, P. J. A. (2004). Small firm innovation, growth and performance. Evidence from Scotland and Northern England. *International Small Business Journal*, 22(6), 561–575. <https://doi.org/10.1177/0266242604047410>.

26. COAD, A., NIGHTINGALE, P., STILGOE, J., & VEZ-ZANI, A. (2020). Editorial: The dark side of innovation. *Industry and Innovation*, 28(1), 102–112. <https://doi.org/10.1080/13662716.2020.1818555>.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА: ГЕНДЕРНЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ АСПЕКТЫ

О. Д. Натсак^а

^а Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва
(Кызыл, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. При высоких показателях бедности населения Республики Тыва актуальным является анализ социального оптимизма населения региона. Цель представленной статьи – социологическое изучение данного вопроса путем анализа ожиданий респондентами улучшения материального положения, готовности к изменениям и фактической их реализации, опоры на собственный потенциал в решении жизненных задач.

Материалы и методы. Статья основана на результатах социологического исследования социально-экономического положения населения Республики Тыва, проведенного Тувинским институтом гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва в 2023 г. В исследовании был использован метод социологического анализа количественного характера – опрос путем личного интервью.

Результаты. Исследование показало достаточно низкий уровень депрессивных настроений среди населения Республики Тыва. В ожиданиях улучшения своего материального положения более оптимистичны женщины, молодые люди, лица с высшим образованием и обучающаяся в вузах молодежь, а также сельское население. Низкий уровень пессимизма наблюдался среди экономически благополучных респондентов, и, соответственно, уровень негативной оценки своих материальных перспектив был выше среди наименее обеспеченных респондентов. Такая ситуация также была выявлена в ходе анализа готовности респондентов к изменениям и их фактических действий, направленных на улучшение своего материального положения. В решении жизненных задач большая часть опрошенных полагаются на себя.

Обсуждение и выводы. Ожидание позитивных изменений в материальном положении имеет зависимость от достигнутого уровня образования, материальной обеспеченности, имеющегося ресурсного потенциала опрошенных, а также от пола. Большая часть респондентов демонстрирует наличие необходимых экономических и культурных ресурсов, волевых качеств и мотивации для самостоятельного решения текущих социально-экономических проблем своей семьи и не ожидает помощи от институтов власти или других лиц. Эти факты указывают на то, что для населения Республики Тыва характерен достаточно высокий уровень социального оптимизма, готовности к самостоятельным действиям для изменения своего положения. С другой стороны, это может быть проявлением дефицита социального капитала в обществе и пессимизма относительно того, что внешние субъекты в лице органов власти будут решать вопросы улучшения жизни обычного человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Республика Тыва, социальный оптимизм, социальная апатия, материальное положение, материальная самооценка, патерналистские установки

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Натсак О. Д. Социальный оптимизм населения Республики Тыва: гендерные и возрастные аспекты // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 2. С. 49-64. EDN OMDLDZ. DOI 10.22394/2304-3369-2024-2-49-64.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Натсак Органа Доржуевна – кандидат философских наук; Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (667000, Россия, Республика Тува, Кызыл, ул. Кочетова, 4) — *ученый секретарь*; nod695596@gmail.com. SPIN-код: 1143-7043, ORCID: 0000-0003-1833-4810, ScopusID: 57222637139, ResearcherID: AAE-5158-2022.

Статья поступила 21.01.2024; рецензия получена 21.03.2024; принята к публикации 30.03.2024.

SOCIAL OPTIMISM OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF TUVA: GENDER AND AGE ASPECTS

O. D. Natsak^a

^a Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva
(Kyzyl, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. An analysis of the social optimism of the population in the Republic of Tuva is relevant in the context of the high poverty rates in the region. The purpose of the presented article is a sociological study of this issue by analyzing respondents' expectations of improving their financial situation, readiness for changes and their actual implementation, reliance on their own potential in solving life tasks.

Materials and methods. The article is based on the results of a sociological study of the socio-economic situation of the population of the Republic of Tuva, conducted by the Tuvan Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva in 2023. The study used a quantitative method of sociological analysis – a survey by personal interview.

Results. The research revealed a fairly low level of depressive moods among the population of the Republic of Tuva. Women, young people, people with higher education and young people studying at universities, as well as the rural population are more optimistic about improving their financial situation. The level of pessimism among economically well-off respondents was low and, accordingly, the level of negative assessment of their material prospects was higher among the least well-off respondents. The same was revealed when analyzing the respondents' readiness for changes and their practical steps aimed at improving their financial situation. Most of the respondents relied on themselves in solving their life problems.

Discussions and conclusions. The expectation of positive changes in the financial situation depends on the level of education achieved, material security, the available resource potential of the respondents, as well as on gender. Most of the respondents demonstrate the availability of the necessary economic and cultural resources, strong-willed qualities and motivation to independently solve the current socio-economic problems of their family and do not expect help from government institutions or others. These facts indicate that the population of the Republic of Tuva is characterized by a fairly high level of social optimism, readiness for independent action to change their situation. On the other hand, this may be a manifestation of a shortage of social capital in the society and pessimism that external actors in the face of authorities would solve the issues of improving the life of an ordinary person.

KEYWORDS: Republic of Tuva, social optimism, social apathy, financial situation, material self-esteem, paternalistic attitudes

FOR CITATION: Natsak O. D. (2024). Social optimism of the population of the Republic of Tuva: gender and age aspects. *Management Issues*, 18(2), 49–64. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-2-49-64>

AUTHORS' INFORMATION:

Organa D. Natsak – Ph.D. of Philosophical Sciences; Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (4, Kochetov St., Kyzyl, Republic of Tuva, 667000, Russia) — *scientific secretary*; nod695596@gmail.com. RSCI SPIN: 1143-7043, ORCID: 0000-0003-1833-4810, ScopusID: 57222637139, ResearcherID: AAE-5158-2022.

The article was submitted 01/21/2024; reviewed 03/21/2024; accepted for publication 03/30/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Социальное настроение в социологическом понимании, как определяют Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко, представляет собой многоплановое и многокомпонентное явление, имеющее разные уровни – социальное самочувствие, оценку и самооценку, социальные ожидания и притязания и социальную позицию, и этот социальный феномен оказывает важное, порой решающее воздействие на общественные процессы¹. С. В. Харченко выделял роль социального настроения как ускорителя, катализатора в некоторых случаях, в других – как сдерживающего рычага социальной деятельности индивидов и социальных групп². Характер роли социального настроения зависит от политической, социальной и экономической среды, в которой находится индивид, или социальная, этнорегиональная группа.

Как отмечает Е. Д. Слободенюк, негативные настроения, если они длятся сравнительно долгое время, запускают процесс воспроизводства социально-экономического неблагополучия [1, с. 276].

Исследование субъективных оценок и ожиданий относительно изменения материального положения, которые могут быть и негативными, и позитивными, важно в условиях кризиса, неопределенности, политических и социоструктурных изменений. Последующая нормализация, стабилизация ситуации зависит от текущего социального настроения людей, которое формирует их экономическое поведение, способы адаптации к изменениям и выступает либо драйвером, либо препятствием для развития.

Изучение данных вопросов важно в таких регионах, которые по уровню, качеству жизни

занимают последние строчки в рейтингах субъектов РФ. К ним относится и Республика Тыва. В рейтинге регионов по качеству жизни, подготовленном в 2023 г. экспертами РИА Рейтинга на основе официальной статистики, Республика Тыва занимает 85-е место с рейтинговым баллом 26,505³. Проблема заключается в том, что низкие доходы населения Республики Тыва обуславливают не только низкое качество жизни, но и являются причиной существенного отклонения значений индекса человеческого развития (ИЧР). По данным Аналитического центра при Правительстве РФ, в 2019 г. в региональных различиях ИЧР и его компонентов худшую позицию наряду с Чеченской Республикой (0,793), Еврейским АО (0,788) занимает Республика Тыва (0,787)⁴. С учетом этих условий целью статьи является исследование социального настроения и социального оптимизма населения Тувы, которое имеет не только научное значение в силу недостаточной исследованности социальных трансформаций в республике в постсоветский период, но и важную практико-управленческую значимость для органов власти региона и муниципальных образований в стратегическом планировании и разработке программ развития экономики, территорий и человеческого потенциала. Кроме того, не менее актуальным является вопрос о том, как влияет доходная бедность и низкое качество жизни на уровень социальной напряженности и доверие к власти, на удовлетворенность работой местных органов власти.

В данном исследовании мы анализируем социальные настроения населения Тувы через

¹ Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Настроение социальное / Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник. Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Юнити-Дана. 2009. С. 121.

² Харченко С. В. Феномен и природа социального настроения // Мир науки, культуры и образования. 2011. №1 (26). С. 169.

³ Рейтинг регионов по качеству жизни – 2023 // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20240212/630257500.html> (дата обращения: 20.03.2024 г.).

⁴ Индекс человеческого развития в России: региональные различия // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения: 22.03.2024 г.).

призму их социального оптимизма с выделением пола, возраста, типа поселения, поскольку такой подход показывает особенности социального настроения таких важных групп, как женщины, молодежь, которые количественно преобладают в демографической структуре населения Республики Тыва, а также сельских и городских жителей с учетом усиливающегося оттока сельского населения в столицу республики и другие российские города. В конечном итоге мы выходим на вопросы взаимосвязи качества человеческого капитала и экономического развития региона. Применительно к Туве достаточно активно исследовались вопросы, содержательно близкие к социальному настроению – адаптационные стратегии и практики [2; 3]. Вопросы социального самочувствия населения Тувы изучались Т. Г. Анисимовой, А. Л. Маршаком [4; 5]. Актуальность представленной работы обусловлена также тем, что социальный оптимизм как компонент социального настроения и социального самочувствия населения Тувы остается одним из неисследованных вопросов.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Статья подготовлена на основе результатов социологического исследования социально-экономического положения населения республики Тыва, проведенного Тувинским институтом гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва в апреле-мае 2023 г. Исследование проводилось по выборочному методу и строилось на принципах добровольного участия населения.

Объем выборки опроса составил 1200 ед.⁵, всего было опрошено 1236 человек. Опрос проводился по формализованному опроснику.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ожидание улучшения материального положения. Для измерения индивидуального экономического оптимизма/пессимизма фиксируют реакции респондента на вопрос «Как Вы полагаете, Ваше материальное положение улучшит-

⁵ Объем выборки был рассчитан исходя из требуемой точности ($\pm 3\%$) данного исследования (в процентах с доверительным интервалом в 95 %, $p = 0,5$). Генеральная совокупность составила 332 609 ед., выборочная совокупность при ошибке $\pm 3\%$ должна составлять 1064 ед., учитывая погрешность метода, объем выборки бы увеличен до 1200, фактически было опрошено 1236 чел. А также были учтены статистические данные по половозрастной структуре населения Республики Тыва, по их размещению в городах и сельской местности на 1 января 2022 г.

ся/ухудшится или останется примерно таким же?»⁶.

В исследовании восприятия респондентами своей собственной ситуации и на его основе ожидания будущих позитивных изменений, как и в целом в анализе социальной дифференциации, очень важно учитывать комплекс факторов и личностных, социально-демографических характеристик. В социальной дифференциации, как отмечает Е. Н. Свинухина, важны не только личностные факторы, связанные с потенциалом и накопленным капиталом (образовательным, профессиональным, финансовым), но и возрастные характеристики, состав и размер семьи, занятость, тип населенного пункта, в котором проживает индивид, а также гендер [6, с. 3-4]. Этот подход можно экстраполировать также на анализ оптимизма/пессимизма населения.

Одни и те же факторы, обстоятельства могут по-разному воздействовать на социальное поведение мужчин и женщин. Склонность к оптимизму связана с тенденцией проявлять неоправданно высокие ожидания будущих положительных результатов и/или неоправданно низкие ожидания будущих негативных событий [7, с. 1]. Дифференциация в уровне социального оптимизма может быть связана с характером занятости и особенностями локальных рынков труда. М. Ю. Милованова, например, отмечает большую прекаризованность мужчин в сельской местности и закономерно более высокую степень социального оптимизма у женщин в отличие от мужчин [8, с. 77].

Наше исследование показало, что улучшения своего материального положения ожидают 60,5% всех опрошенных, 16,8% не ожидают улучшения, что свидетельствует о достаточно низком уровне депрессивных настроений среди населения Республики Тыва. Женщины демонстрируют чуть более высокий уровень оптимистичности в своих оценках, чем мужчины, а также сельское население по сравнению с городским (таблица 1).

Вполне объяснимым является то, что возрастная группа респондентов 25–34 лет по сравнению с представителями других возрастных групп наиболее уверены в своих материальных перспективах. Это та самая группа, находящаяся в пике экономического цикла жизни человека,

⁶ Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г. Индивидуальный экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе // Социологический журнал. 1998. № 1-2. С. 40.

Таблица 1 — Распределение ответов на вопрос «Ожидаете ли Вы в обозримом будущем улучшения своего материального положения?», по полу и типу поселения (% от числа опрошенных)

Table 1 — Distribution of answers to the question “Do you expect your financial situation to improve in the foreseeable future?”, by gender and type of settlement (% of respondents)

Варианты ответов	Все ответы	Мужчины	Женщины	Городское население	Сельское население
Да	60,5	58,60	61,90	57,30	64,30
Нет	16,8	17,60	16,20	19,00	13,80
Не хочу отвечать на этот вопрос	7,9	9,20	7,00	7,90	7,10
Затрудняюсь ответить	14,0	14,00	14,00	15,10	13,80

Источник: результаты социологического исследования социально-экономического положения населения Республики Тыва, проведенное в 2023 г. ТИГПИ при Правительстве РТ.

Таблица 2 — Распределение ответов на вопрос «Ожидаете ли Вы в обозримом будущем улучшения своего материального положения?», по возрасту (% от числа опрошенных)

Table 2 — Distribution of answers to the question “Do you expect your financial situation to improve in the foreseeable future?”, by age (% of respondents)

Варианты ответов	Возрастные группы					
	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	Старше 65
Да	72,60	75,60	66,00	57,50	47,00	28,90
Нет	5,20	5,90	10,20	18,00	28,10	47,40
Не хочу отвечать на этот вопрос	9,30	5,50	10,20	5,50	9,20	8,60
Затрудняюсь ответить	12,10	12,60	13,20	18,50	14,10	14,50

Источник: результаты социологического исследования социально-экономического положения населения Республики Тыва, проведенное в 2023 г. ТИГПИ при Правительстве РТ.

активно вовлеченная в трудовую активность, как правило, получившая профессиональное образование. Исследователи, изучая субъективные оценки россиянами своего материального положения и их ожидания относительно будущих изменений, отмечают, что «чем моложе россиянин, тем дальше он размещает себя от зоны неблагополучия, оценивая свои жизненные перспективы выше по сравнению с перспективами других» [9, с. 23].

С группы 35–44 лет начинается уменьшение уровня оптимизма, минимальные значения демонстрируют лица в возрасте старше 65 лет (таблица 2).

Исходя из образовательного уровня, можно отметить большее число положительных ответов среди тех, учится в вузе (84,60%), а также имеющих высшее образование (62,80%). Завершение обучения и получение профессионального образования у студентов вуза ассоциируется с началом трудовой деятельности и переходом в более высокую доходную группу. На их фоне выделяется группа респондентов, имеющих неполное среднее образование, и тех, кто в момент опроса обучался в техникумах и колледжах – именно они показали наиболее пессимистичные настроения.

Некоторые российские исследователи указывают на существование прямой зависимости изменения мироощущения людей от уровня их материальной обеспеченности. Н. Н. Седова полагает, что чем лучше материальное положение людей, тем больше их уверенность в себе, и наоборот – чем ближе к черте бедности, тем меньше степень уверенности, тем больше люди подвержены различным страхам и тревогам⁷.

В ходе анализа ответов респондентов на вопрос о том, ожидают ли они улучшения материального положения, в разрезе групп по материальной самооценке мы выявили тенденцию, когда степень индивидуального экономического оптимизма повышается по мере отдаления от депривированных групп (таблица 3). И, наоборот, чем выше уровень материальной обеспеченности, тем ниже доли пессимистично настроенных респондентов.

Наиболее оптимистичные ожидания наблюдаются у богатых и обеспеченных, наиболее пессимистичные – у тех, кто находится за гранью бедности, бедных и малообеспеченных. Однако около половины респондентов, испытывающих

⁷ Седова Н. Н. Современное российское общество между тревогой и оптимизмом // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 6 (94). Ноябрь-декабрь. С. 174.

Таблица 3 — Распределение ответов на вопрос «Ожидаете ли Вы в обозримом будущем улучшения своего материального положения?», по группам материальной самооценки (% от числа опрошенных)

Table 3 — Distribution of answers to the question “Do you expect your financial situation to improve in the foreseeable future?”, by groups of material self-assessment (% of respondents)

Группы по материальной самооценке	Варианты ответов			
	Да	Нет	Не хочу отвечать на этот вопрос	Затрудняюсь ответить
Денег не хватает даже на продукты	56,00	19,00	11,20	13,80
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднения	49,60	21,90	11,50	16,90
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка крупной бытовой техники затруднена	61,40	17,70	6,00	14,80
Можем без труда приобретать крупную бытовую технику, но покупка нового легкового автомобиля была бы затруднительной	70,60	10,80	6,70	11,90
Хватает доходов на новый легковой автомобиль, однако покупка квартиры, дома затруднительна	78,70	8,50	6,40	6,40
Материальных затруднений не испытываем; при необходимости можем купить квартиру, дом	87,50	6,30	0,00	6,30

Источник: результаты социологического исследования социально-экономического положения населения Республики Тыва, проведенное в 2023 г. ТИГПИ при Правительстве РТ.

Таблица 4 — Распределение ответов на вопрос «К каким изменениям Вы готовы для улучшения своего материального положения?», по полу и типу поселения (% от числа опрошенных)

Table 4 — Distribution of answers to the question “What changes are you ready for to improve your financial situation?”, by gender and type of settlement (% of respondents)

Варианты ответов	Все ответы	Мужчины	Женщины	Городское население	Сельское население
Обучиться новым навыкам и знаниям	43,4	37,50	47,60	42,10	45,50
Организовать свое дело	32,0	32,40	31,80	31,70	32,90
Переехать в другой населенный пункт в Туве	4,9	5,90	4,20	4,90	6,50
Выехать на место постоянного проживания в другой регион России	12,0	10,00	13,40	12,60	10,80
Повысить свою финансовую грамотность	29,5	23,00	34,30	27,80	36,60
Искать работу с более высоким уровнем оплаты труда	27,8	29,90	26,20	28,10	28,30
Принять участие в программах поддержки, начинающих предпринимателей, фермеров	11,8	10,70	12,60	10,80	14,80
Изменить свое поведение, приобрести новые привычки для улучшения материального положения	16,7	11,10	20,90	16,90	14,50
Изменить свое семейное положение, развестись, выйти замуж, жениться	2,7	2,90	2,50	2,60	3,40
К изменениям не готов	8,6	9,40	8,00	10,90	5,50
Другое, напишите	1,2	1,10	1,30	1,70	0,30
Не хочу отвечать на этот вопрос	4,4	5,20	3,90	3,90	3,40
Затрудняюсь ответить	6,5	7,50	5,70	6,00	6,50

Источник: результаты социологического исследования социально-экономического положения населения Республики Тыва, проведенное в 2023 г. ТИГПИ при Правительстве РТ.

лишения, выражают надежду на улучшение своего текущего материального статуса.

Таким образом, ожидание позитивных изменений имеет зависимость от достигнутого уровня материальной обеспеченности, имеющегося ресурсного потенциала опрошенных, а также от экономического развития региона.

По типу занятости мы также наблюдаем определенную дифференциацию в оценках. Так, по сравнению с работающей группой респондентов больший уровень оптимизма относительно

положительного изменения своего материального положения показывают те, кто находится в ожидании изменения своего экономического статуса: работающие студенты и аспиранты (78,60%), женщины в декрете и отпуске по уходу за ребенком (75%), неработающие студенты вуза (73,40%).

Готовность к изменениям. Для изучения направлений проактивности населения республики в изменении своего текущего материального положения респондентов спрашивали, к каким переменам они готовы (таблица 4).

Наибольшую частоту получил ответ, связанный с образованием. На первом месте среди выбранных респондентами вариантов ответа оказалась готовность к обучению новым навыкам и знаниям. Об этом заявили 43,3% участников опроса. На втором месте – готовность организовать свое дело (32,0%), и на третьем – готовность повышать свою финансовую грамотность. К поиску другой работы с более высокой оплатой труда и тем самым желанию улучшить свое материальное положение готовы 27% опрошенных. Менее всего готовы к переезду в другой населенный пункт республики, изменению своего семейного и брачного состояния. Перспективы миграции в другие населенные пункты республики непривлекательны, как мы полагаем, по причине достаточно равномерного уровня развития муниципальных районов и поселений, среди которых нет особо выделяющихся более развитым экономическим уровнем, за исключением столицы республики – г. Кызыла. В этой связи респонденты как более перспективный оценивают потенциал межрегиональной миграции для улучшения своего материального положения. Так, например, к межрегиональной миграции готовы 12%, в то время как к переезду в другие населенные пункты Тувы готовы лишь 4,9% опрошенных. К пространственной мобильности и миграционной подвижности более склонны представители молодежи, относящиеся к возрастной группе 18–24 лет. Это касается и внутрирегиональной, и межрегиональной миграции.

В гендерном разрезе следует отметить, что женщины в большей степени, чем мужчины, выразили готовность к получению новых навыков и знаний, межрегиональной миграции и повышению финансовой грамотности, а также изменению имеющихся привычек, поведения и приобретению новых, которые способствовали бы большей финансовой успешности. Мужчины чуть более, чем женщины, склонны к поиску высокооплачиваемой работы. Большая склонность женщин к миграционному движению подтверждается данными официальной статистики. Распределение мигрантов показывает, что среди прибывших и выбывших лидируют женщины (в 2021 г. среди прибывших в республику лиц женщин было 6174, мужчин – 5063 чел., среди выбывших женщин – 6546, мужчин – 5073 чел.)⁸.

⁸ Женщины и мужчины России. Официальное издание. Статистический сборник. М.: Росстат. 2022. 208 с.

Сельские жители в отличие от городских показали заинтересованность в участии в программах поддержки начинающих предпринимателей, фермеров. Сельское население хорошо информировано о действующих программах поддержки по линии сельского хозяйства. Кроме того, сельские жители заинтересованы в повышении уровня финансовой грамотности, получении новых знаний и навыков по сравнению с городским населением.

Лишь 8,6% опрошенных не готовы к каким-либо действиям для изменения своего материального положения. По мнению М. Ю. Виноградова, А. А. Сусловой, социальная апатия рассматривается как отклонение от «деятельностной» нормы и может быть связана с тревогой по поводу будущего, а также реакцией на распад патернализма в условиях дефицита инструментов и навыков жизни без помощи государства [10, с. 125, 123].

Социальная апатия является противоположностью активно-преобразующей деятельности, а также результатом отсутствия необходимых экономических, культурно-образовательных, социальных ресурсов и потенциала для изменения социальной среды. Чем выше уровень апатии населения, тем ограниченнее пространство социальных изменений. Важным в этом вопросе являются возрастные параметры. Наше исследование показало, что к каким-либо мерам для изменения своей жизни не готовы в большей степени представители старших возрастных групп – 55–64 лет и старше 65 лет. В данном случае кроме фактора естественного снижения активной деятельности необходимо отметить ценностный фактор. Население в возрасте 55–64 и старше 65 лет было сформировано в позднесоветское время в рамках парадигмы гарантированной всеобщей занятости, государственного патернализма в социальных вопросах. Многим из них сложно было адаптироваться к рыночной экономике и перейти к активным стратегиям.

Представители возрастной группы 18–24 лет демонстрируют большую готовность к активным действиям, чем респонденты, относящиеся ко всем остальным возрастным группам. Они лидируют по частоте ответов о том, что готовы обучаться новым навыкам и знаниям, внутрирегиональной и межрегиональной миграции, поиску высокооплачиваемой работы, участию в программах поддержки (таблица 5).

Таблица 5 — Распределение ответов на вопрос «К каким изменениям Вы готовы для улучшения своего материального положения?», по возрасту (% от числа опрошенных)**Table 5** — Distribution of answers to the question “What changes are you ready for to improve your financial situation?”, by age (% of respondents)

Варианты ответов	Возрастные группы					
	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	Старше 65
Обучиться новым навыкам и знаниям	64,90	61,80	46,20	30,00	22,20	17,10
Организовать свое дело	37,90	42,90	37,60	29,00	23,20	11,80
Переехать в другой населенный пункт в Туве	11,30	3,10	6,10	4,50	1,60	0,70
Выехать на место постоянного проживания в другой регион России	22,20	13,40	12,70	11,50	5,40	0,70
Повысить свою финансовую грамотность	42,70	41,30	29,90	23,00	16,80	11,80
Искать работу с более высоким уровнем оплаты труда	35,10	33,10	30,50	33,00	17,80	8,60
Принять участие в программах поддержки начинающих предпринимателей, фермеров	16,10	13,40	15,20	11,00	7,00	4,60
Изменить свое поведение, приобрести новые привычки для улучшения материального положения	23,80	18,50	19,80	16,50	8,60	8,60
Изменить свое семейное положение, развестись, выйти замуж, женить	4,40	3,10	3,60	3,00	0,50	0,00
К изменениям не готов	3,20	0,40	1,50	5,00	16,80	34,90
Другое, напишите	0,00	1,20	0,50	1,00	3,20	2,00
Не хочу отвечать на этот вопрос	1,20	2,80	3,00	6,00	8,10	7,90
Затрудняюсь ответить	3,20	3,90	5,10	7,00	12,40	9,90

Источник: результаты социологического исследования социально-экономического положения населения Республики Тыва, проведенное в 2023 г. ТИГПИ при Правительстве РТ.

Молодые люди в возрасте 25–34 лет больше всех склонны рассматривать организацию своего дела как способ улучшения текущего материального состояния. Потенциал изменений убывает по мере роста возрастных показателей. Трансформационных интенций меньше в старших возрастных группах.

С учетом уровня образования отметим тот факт, что лица с высшим образованием и студенты техникумов, колледжей и вузов демонстрируют высокий уровень социального оптимизма по сравнению с другими образовательными группами. Так, 76,90% студентов организаций среднего профессионального образования выразили готовность к получению новых навыков и знаний, 48% студентов вузов думают об организации своего дела.

Таким образом, женщины, молодые группы населения, лица, состоящие в незарегистрированных браках, а также не состоящие в каких-либо союзах, более активно заявили о желании и готовности к изменениям.

Для оценки фактической реализации заявленных интенций респондентов спросили, к каким изменениям они уже приступили для улучшения материального положения. Анализ полученных ответов показывает, что на первом ранговом месте находится обучение новым навыкам

и знаниям. На это указали 32,3% опрошенных. На втором – повышение финансовой грамотности (17,4%), и на третьем – поиск работы с более высоким уровнем оплаты (15,9%) (таблица 6).

Среди респондентов, указавших на то, что они обучаются новым навыкам и знаниям, лидируют женщины, студенты вузов, аспиранты.

Женщины в декрете, а также находящиеся в отпуске по уходу за детьми больше всех заявили о том, что они приступили к действиям, связанным с организацией собственного дела (31,30%). Эта категория респондентов также активна в изучении основ финансовой грамотности, что объясняется наличием у них временных ресурсов.

В предпринимаемых фактических действиях, направленных на улучшение материального положения, нет какой-либо значимой разницы между городским и сельским населением. Но заметна тенденция, при которой неработающие больше полагаются на участие в региональных программах поддержки предпринимательства и сельского хозяйства, чем работающие. В гендерном, возрастном и образовательном разрезе активность характерна для женщин, молодых групп населения 18–24 и 25–34 лет, а также студентов и лиц, имеющих высшее образование.

Дефицит ресурсов у низкодоходных групп населения также ограничивает их возможность

Таблица 6 — Распределение ответов на вопрос «К каким изменениям Вы уже приступили для улучшения своего материального положения?», по полу и типу поселения (% от числа опрошенных)

Table 6 — Distribution of answers to the question “What changes have you already started to improve your financial situation?”, by gender and type of settlement (% of respondents)

Варианты ответов	Все ответы	Муж- чины	Жен- щины	Городское население	Сельское население
Обучению новым навыкам и знаниям	32,3	28,50	35,00	32,10	32,30
Организации своего дела	12,7	13,60	12,00	12,50	12,90
Переезду в другой населенный пункт в Туве	3,4	4,00	2,90	3,10	4,60
Выезду на место постоянного проживания в другой регион России	4,2	4,00	4,30	4,30	3,40
Повышению своей финансовой грамотности	17,4	14,60	19,50	16,50	20,60
Поиску работы с более высоким уровнем оплаты труда	15,9	19,70	13,20	15,00	16,00
Участию в программах поддержки начинающих предпринимателей, начинающих фермеров	4,7	5,60	4,10	4,00	8,00
Изменению своего поведения, приобретению новых привычек для улучшения материального положения	9,6	8,00	10,80	10,30	8,00
Изменению своего семейного положения, разводу, замужеству, женитьбе	1,9	2,30	1,50	2,20	1,80
Ни к чему не приступал	17,9	17,00	18,50	22,40	11,10
Другое, напишите	1,0	1,10	0,80	1,30	0,30
Не хочу отвечать на этот вопрос	7,1	8,60	6,00	6,90	6,20
Затрудняюсь ответить	9,6	10,00	9,40	8,20	9,80

Источник: результаты социологического исследования социально-экономического положения населения Республики Тыва, проведенное в 2023 г. ТИГПИ при Правительстве РТ.

Таблица 7 — Распределение ответов на вопрос «К каким изменениям Вы уже приступили для улучшения своего материального положения?», по возрасту (% от числа опрошенных)

Table 7 — Distribution of answers to the question “What changes have you already started to improve your financial situation?”, by age (% of respondents)

Варианты ответов	Возрастные группы					
	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	Старше 65
Обучению новым навыкам и знаниям	52,80	46,10	29,90	22,00	16,80	11,20
Организации своего дела	13,70	20,90	12,70	10,00	9,70	4,60
Переезду в другой населенный пункт в Туве	7,30	4,30	2,50	3,00	0,50	0,70
Выезду на место постоянного проживания в другой регион России	6,90	5,10	4,60	4,50	1,60	0,70
Повышению своей финансовой грамотности	29,00	17,70	20,30	10,50	11,90	9,90
Поиску работы с более высоким уровнем оплаты труда	16,50	18,50	25,40	15,50	10,30	5,90
Участию в программах поддержки начинающих предпринимателей, начинающих фермеров	5,20	5,50	4,60	5,50	3,20	3,30
Изменению своего поведения, приобретению новых привычек для улучшения материального положения	14,50	9,10	6,60	12,00	7,60	5,90
Изменению своего семейного положения, разводу, замужеству, женитьбе	2,40	3,10	2,00	1,00	1,60	0,00
Ни к чему не приступал	11,70	8,70	10,70	18,50	25,90	42,10
Другое, напишите	0,00	0,40	0,50	1,00	2,20	2,60
Не хочу отвечать на этот вопрос	2,00	5,50	6,60	11,50	10,30	9,20
Затрудняюсь ответить	5,20	7,50	11,70	9,50	12,40	14,50

Источник: результаты социологического исследования социально-экономического положения населения Республики Тыва, проведенное в 2023 г. ТИГПИ при Правительстве РТ.

более широкого использования активных адаптивных стратегий. По мнению И. В. Шугаевой, более обеспеченные слои населения активно используют различные виды адаптационных стратегий в отличие от малообеспеченной прослойки общества [11, с. 129].

Ответ, свидетельствующий об отсутствии каких-либо действий, направленных на изменение статуса материальной обеспеченности («Ни к чему не приступал»), был более характерен для тех групп респондентов, которые оценили свое материальное положение как состояние

нужды и дефицита средств. Так, 23,80% респондентов, которым средств хватает только на продукты питания, и 17,40% респондентов, которым средств не хватает даже на питание, указали, что не предпринимают никаких действий для улучшения своего материального положения.

Социальная субъектность. Данный вопрос непосредственно связан с адаптационным потенциалом, стратегиями населения и характеризует качество человеческого капитала региона. Для Тувы данный вопрос является весьма актуальным в контексте показателей бедности и высокой долговой нагрузки населения по кредитам, а также значительной доли государственных социальных трансфертов в структуре доходов населения [12, с. 180; 13, с. 125]. Длительное пребывание населения в условиях депривационной и доходной бедности, обусловленное в том числе тем, что локальный рынок труда в сельской местности строится на ограниченном количестве рабочих мест в бюджетной сфере, может отнимать у людей веру не только в возможность изменения ситуации, но и в собственные возможности, что в конечном итоге приводит к бездействию и апатии. В этой связи настроения населения, социальная субъектность, вера в самоэффективность играют не менее важную роль в социально-экономических изменениях, чем инвестиции в экономику. Однако, чтобы у населения было полагание на себя в решении финансово-экономических задач в собственной жизни и своей семье, нужны благоприятная среда и социально успешные жизненные примеры сограждан. С этой точки зрения мы согласны с позицией Е. В. Андрияновой и др., которые считают, что уровень самостоятельности индивидуума является как индивидуальной характеристикой, так и социальной характеристикой, которая зависит от наличия социальных условий, позволяющих людям самим решать жизненно важные проблемы [14, с. 463].

В ходе нашего исследования респондентам был задан вопрос «От кого зависит улучшение Вашей жизни?». Абсолютное большинство респондентов считает, что улучшение их жизни зависит от них самих. Такой позиции придерживалось 74,3% опрошенных (таблица 8), и она является преобладающей у респондентов обоих полов, сельских и городских жителей. Данные опроса населения и экспертные оценки не совсем совпадают. Так, в исследовании, проведен-

ном Г. Ф. Балакиной в 2023 г. по вопросам социально успешных и неуспешных практик населения Тувы, экспертные оценки заключались в том, что среди населения республики преобладают пассивные адаптационные стратегии – вынужденное бездействие и надежды на помощь государства и родственников [2, с. 193].

Потенциальные позитивные изменения в своей жизни респонденты в большей степени ассоциируют со своими родственниками, чем с органами власти. 32,4% респондентов считают, что улучшение их жизни зависит от других членов их семей, 16% – от региональных, 13,2% – от федеральных и только 9,2% – от местных органов власти.

В данном вопросе сельское население больше, чем городское, полагается на себя, что не совсем совпадает с модернизационной матрицей, при которой городское население более самостоятельно в решении своих жизненных задач. Также заметны различия по полу: мужчины в большей степени опираются на себя, чем женщины, женщины больше мужчин отмечают роль членов семьи. В отличие от мужчин у опрошенных женщин уровень ожиданий от республиканских органов власти выше. Ожидания от власти предполагают наличие доверия к власти, следовательно, уровень доверия к органам власти со стороны женщин также выше. Кроме того, заметна дифференциация по признаку возраста (таблица 9).

Социальный оптимизм с социологической точки зрения, как отмечает Т. А. Нестик, определяется как позитивные ожидания и как позитивная оценка благополучия своей семьи в будущем⁹, и он тесно связан с коллективной самоэффективностью – уверенностью людей в том, что они смогут совместными усилиями изменить ситуацию к лучшему [15, с. 5]. По утверждению Е. А. Попова, О. Н. Замятиной, социальный оптимизм определяется во многом осознанием личной ресурсоспособности [16, с. 168]. Если опору на себя в позитивных изменениях жизни рассматривать как проявление оптимизма, то следует указать на то, что по результатам нашего исследования самыми оптимистичными являются молодые люди. Чем старше возраст опрошенных, тем меньше они верят в свои возможности

⁹ Нестик Т. А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021. Октябрь-ноябрь. Т. 2. Вып. 9 (14): Горизонты будущего. С. 20.

Таблица 8 — Распределение ответов на вопрос «От кого зависит улучшение Вашей жизни?», по полу и типу поселения (% от числа опрошенных)**Table 8** — Distribution of answers to the question “Who does improving your life depend on?”, by gender and type of settlement (% of respondents)

Варианты ответов	Все ответы	Мужчины	Женщины	Городское население	Сельское население
Только от меня	74,3	70,70	77,50	75,10	73,70
От членов моей семьи	32,4	34,30	31,70	29,70	34,50
От родственников	5,7	6,00	5,80	5,40	5,90
От друзей, знакомых	2,2	2,70	1,80	2,90	1,70
От начальника	2,0	2,30	1,20	2,10	2,00
От местных органов власти	9,2	9,60	9,80	9,20	9,20
От республиканских органов власти	16,0	16,30	15,40	13,20	18,10
От федеральных органов власти	13,2	13,00	12,90	12,50	13,70
Ни от кого не зависит	3,4	3,30	4,90	3,10	3,60
Другое, напишите	0,6	0,30	0,90	0,80	0,40
Не хочу отвечать на этот вопрос	1,1	1,30	0,90	1,30	1,00
Затрудняюсь ответить	1,9	2,20	1,20	2,70	1,40

Источник: результаты социологического исследования социально-экономического положения населения Республики Тыва, проведенное в 2023 г. ТИГПИ при Правительстве РТ.

и ресурсы для позитивного изменения своей жизни. Этот феномен описан во многих исследованиях. А. Е. Кессельман и М. Г. Мацкевич на основе результатов социологического исследования показали возрастные, поколенческие различия респондентов в оценке будущего экономического положения – в старших возрастных группах больше пессимистов, чем среди молодых¹⁰. А. Л. Темницкий считает, что оптимизм является атрибутивным свойством молодости, которое может быть основано на недостаточности опыта и знаний [17, с. 22]. О. А. Полюшкевич, анализируя оптимистов и пессимистов в современном мире, подчеркивает, что «в младшем возрасте больше иллюзий и надежд, в старшем – безысходности и разочарованности»¹¹. На повышение уровня социальной субъектности в самых молодых когортах указывали Е. В. Андриянова и др. на основе проведенного в Тюменской области лонгитюдного исследования [14, с. 470]. М. А. Ядова указывает на тот факт, что современная молодежь обладает более высоким адаптивным потенциалом и их социально-профессиональные и биографические траектории сильно дестандартизированы [18, с. 84].

В этой связи достаточно ожидаемым является то, что студенты вуза, например, более позитивно оценивают свои перспективы. Оптимизм

молодежи, как мы отмечали выше, связан с ожиданием смены их социально-экономического статуса, которая последует за получением профессионального образования и вступлением в рыночные трудовые отношения, а также с отсутствием жизненного опыта в отличие от старших по возрасту лиц, которые уже сталкивались с неравенством возможностей на рынке труда и в социально-профессиональной структуре общества в целом.

Зависимость положительных изменений в жизни респондентов от власти разных уровней актуализируется по мере взросления, и пик таких надежд приходится на возрастную группу 45–54 лет, затем в более старших группах наблюдается снижение, что связано, по нашему мнению, с общей потерей веры в какие-либо позитивные события.

Среди тех, кто больше полагается на членов семьи, превалируют те, у кого экономическая активность временно ограничена (женщины, находящиеся в декретном отпуске), или лица, которые находятся на закате своего жизненного цикла и чья трудовая занятость не очень стабильна. Это неработающие пенсионеры, а также работающие пенсионеры, которых работодатель в случае сокращений, структурных изменений в первую очередь будет рассматривать в качестве кандидатов на увольнение.

Полярные группы в панели возрастных групп демонстрируют противоположные позиции: наиболее самостоятельной группой, опирающейся на собственный потенциал и усилия, по субъек-

¹⁰ Кессельман А. Е., Мацкевич М. Г. Индивидуальный экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе // Социологический журнал. 1998. № 1-2. С. 40.

¹¹ Полюшкевич О. А. Оптимисты и пессимисты в современном мире // Социология. 2020. №1. С. 334.

Таблица 5 — Распределение ответов на вопрос «От кого зависит улучшение Вашей жизни?», по возрасту (% от числа опрошенных)**Table 5** — Distribution of answers to the question “Who does improving your life depend on?”, by age (% of respondents)

Варианты ответов	Возрастные группы					
	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	Старше 65
Только от меня	83,90	79,90	74,60	70,50	67,60	61,80
От членов моей семьи	25,80	32,30	33,50	30,00	37,30	39,50
От родственников	7,70	6,70	4,60	3,00	4,90	6,60
От друзей, знакомых	2,40	4,70	2,00	0,50	1,10	1,30
От начальника	1,20	3,10	2,00	3,50	1,60	0,00
От местных органов власти	4,00	6,70	11,20	16,00	11,90	7,20
От республиканских органов власти	8,10	7,10	18,80	28,00	20,00	19,70
От федеральных органов власти	8,50	9,10	14,20	19,00	13,50	18,40
Ни от кого не зависит	3,20	2,00	2,50	2,00	3,80	8,60
Другое, напишите	0,00	0,40	0,00	2,50	0,50	0,00
Не хочу отвечать на этот вопрос	1,20	1,20	0,50	1,50	1,60	0,70
Затрудняюсь ответить	2,00	2,00	1,00	2,50	2,20	2,00

Источник: результаты социологического исследования социально-экономического положения населения Республики Тыва, проведенное в 2023 г. ТИГПИ при Правительстве РТ.

активной самооценке, являются респонденты 18–24 лет, наименее самостоятельной – лица старше 65 лет. В то же время представители возрастной группы 18–24 лет больше всех связывают потенциальное улучшение своей жизни с поддержкой родственников, что показывает социокультурные и этнорегиональные особенности республики, которые заключаются в неутраченных социальных сетях родственной помощи. Эта помощь может иметь форму как материальной поддержки, так и нематериальной, в виде содействия в трудоустройстве.

■ ДИСКУССИЯ И ВЫВОДЫ

Ожидание улучшения материального положения. Негативно-пессимистические оценки частью респондентов, а именно теми, кто испытывает недостаток доходов и материальные лишения, своих возможностей к изменению текущего социально-экономического статуса, указывают не столько на отсутствие инициативы или активных жизненных установок, сколько на замыкание круга бедности, когда дефицит материальных, культурно-образовательных ресурсов не позволяет преодолеть его. В этом случае для предотвращения межпоколенческого воспроизводства бедности необходима помощь государства, которая должна быть направлена не только на предоставление ренты (государственных пособий), но и на обучение, программы активизации экономической деятельности бедного населения, на помощь детям из таких

семей в получении профессионального образования через разные меры поддержки.

Готовность к изменениям для улучшения материального положения. Как способы улучшения материального положения в оценках опрошенных лидируют получение новых профессиональных знаний, межрегиональная миграция, освоение основ финансовой грамотности. Более активные интенции к изменениям демонстрируют женщины и молодежь. Наше исследование показало, что потенциал изменений убывает по мере роста возрастных показателей. Миграционная, образовательная мобильность молодежи, цифровые навыки обуславливают их высокий адаптационный потенциал. Немаловажным является то, что у молодежи в наибольшей степени актуализирована потребность в переменах в обществе [19, с. 68].

Кроме того, социально-экономическая активность зависит от уровня образования. Наименее активными являются лица, не имеющие профессионального образования и при этом не находящиеся в процессе получения образования, а также низкодоходные группы.

Изучая уровень социального оптимизма и потенциал изменений респондентов для улучшения текущего материального статуса в разных социальных-демографических группах, приходим к заключению о том, что ключевым вопросом для развития республики является инвестирование в человеческий капитал через образование. Полагаем целесообразным внедрение

системного обучения финансовой грамотности в школах и организациях среднего профессионального образования (СПО); формирование новых образовательных программ в СПО с ориентацией на конкретные социальные группы: безработных, женщин, находящихся в декрете по уходу за ребенком, лиц предпенсионного возраста; модернизацию отделов профориентации и профессионального образования центров занятости, создание на их базе современных центров компетенций.

Готовность к изменениям для улучшения своего текущего материального статуса является одним из ключевых факторов, лежащих в основе социальной субъектности.

Социальная субъектность. Тот факт, что 74,3% опрошенных полагаются на самих себя, с одной стороны, может указывать на достаточно низкий уровень распространения «приобретенной социальной беспомощности», при которой человек не имеет достаточных экономических и культурных ресурсов, волевых качеств и мотивации для самостоятельного решения текущих социально-экономических проблем своей семьи и ожидает помощи от институтов власти или других лиц.

В этом случае у населения, особенно молодежи, присутствуют достигательные установки и мотивация к изменению жизни с верой на свои собственные ресурсы. С учетом этого обстоятельства очень важно повышать экономическую активность населения путем стимулирования предпринимательских инициатив. Понимая существующие возрастные разрывы в уровне оценки самоэффективности, а также высокий потенциал межрегиональной миграции, главное внимание органов власти необходимо направить на молодежь, на занятость молодых людей и социальную адаптацию после обучения.

Нельзя не заметить определенного противоречия между достаточно высоким уровнем социальной субъектности, декларируемым респондентами, и, например, таким явлением, как рост доли социальных выплат в общей структуре доходов населения Тувы (в 2015 г. она составляла 31,8%, в 2020 г. – 40,8%, в 2022 г. – 41,8%, при этом роль оплаты труда снижалась за последние три года)¹².

Высокий уровень социальной субъектности может быть проявлением дефицита социального капитала в обществе и результатом пессимизма относительно того, что внешние субъекты в лице органов власти будут решать вопросы улучшения жизни обычного человека.

Разрыв в уровне ожиданий от разных уровней власти демонстрирует недостаток доверия к местным органам власти, понимание населением ограниченности полномочий и компетентности, проявляется также отсутствие значимых финансовых, материальных ресурсов у местных органов власти для создания более благоприятной экономической среды, повышения доходов сельского населения. Государственные меры поддержки разных категорий населения администрируются преимущественно региональной властью, осязаемую и реальную поддержку для организации самозанятости реализации предпринимательских инициатив, в том числе в сельском хозяйстве, население получает через участие в региональных программах, которые субсидируются из федерального бюджета. Этот факт обуславливает более высокий уровень доверия к возможностям региональной власти и заметную дистанцию между населением и местными органами власти. Следует отметить, что институциональное недоверие к местным органам власти – это общероссийская тенденция [20, с. 16].

На примере Тувы мы наблюдаем достаточно парадоксальную ситуацию: несмотря на худшие среди российских регионов значения статистически измеримых показателей качества жизни, опрошенное население республики настроено оптимистично и социальная напряженность проявляется в отношении лишь местной власти. Полагаем, что в Туве социальная напряженность в определенной степени нивелируется позитивной динамикой в доходах населения – государственные социальные трансферты, направляемые на поддержку семей с детьми в России за последние годы, а также на стимулирование рождаемости (республика отличается высоким уровнем рождаемости и многодетностью семей) ощутило снизили депривационную бедность большинства семей, хотя структурно-экономические причины бедности в регионе остались прежними.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на позитивные изменения за последние три года, связанные со снижением доли на-

¹² Регионы России. Социально-экономические показатели 2023 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 24.03.2024 г.).

селения с доходами ниже границы бедности, ростом среднедушевых денежных доходов, Республика Тыва остается одним из беднейших регионов России и занимает нижние строчки рейтингов субъектов РФ по ряду экономических показателей. В этих условиях население Республики Тыва, как показал опрос, демонстрирует достаточно высокий уровень социального оптимизма, особенно женщины, молодежь, образованная часть населения, вместе с тем в зоне риска с точки зрения ухудшения жизненных шансов остаются лица с более низким уровнем образования и доходами, с которыми требуется адресная работа для снижения латентной или потенциальной социальной напряженности в респу-

блике. Особого подхода требуют мужчины, которых по своим адаптационным ресурсам опережают женщины.

Текущее социально-экономическое и демографическое положение в регионе на практике не позволяет значительной части населения отказаться от социальных выплат и пособий как основного источника дохода. О разрушении патерналистских установок среди населения в этой связи говорить рано. Полагаем, что в случае отмены или окончания срока оказания тех или иных монетарных мер государственной социальной поддержки уровень бедности населения вернется к прежним значениям, что может привести к росту социальной напряженности. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Слободенюк Е. Д. Социально-экономическое неблагополучие и его связь с восприятием будущего // *Россия реформирующаяся*. 2023. № 21. С. 273–298. DOI [10.19181/ezheg.2023.11](https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.11). EDN AGRSBW.

2. Балакина Г. Ф. Адаптационные стратегии населения Республики Тыва: проблемное поле исследования и мнения экспертов // *Новые исследования Тувы*. 2023. № 3. С. 193–206. DOI [10.25178/nit.2023.3.12](https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.12). EDN ОТРVXN.

3. Балакина Г. Ф. Специфика адаптационных практик этнических групп Республики Тыва // *Новые исследования Тувы*. 2023. № 4. С. 255–273. DOI [10.25178/nit.2023.4.18](https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.18). EDN MJSAIS.

4. Анисимова Т. Г. Структурные особенности социального самочувствия населения Тувы: гендерный аспект // *Гуманитарий Юга России*. 2023. Т. 12, № 3. С. 13–21. DOI [10.18522/2227-8656.2023.3.1](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.3.1). EDN ВСНIAW.

5. Анисимова Т. Г., Маршак А. А. Социальное самочувствие населения республики Тыва в условиях трансформации российского общества // *Ермолаевские чтения* : Материалы юбилейной V научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию образования Тувинской Народной Республики (Кызыл, 26-27 августа 2021 г.) / под ред. К. О. А. Бичелдей. Кызыл : Издательский отдел Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва, 2021. С. 14–19. DOI [10.24412/2686-9624-2021-14-19](https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-14-19). EDN GGKNQJ.

6. Свинухова Ю. Н. Гендерный аспект социальной дифференциации населения в современ-

ном российском обществе: тенденции проявления и меры нивелирующего воздействия // *Социодинамика*. 2020. № 12. С. 1–18. DOI [10.25136/2409-7144.2020.12.34528](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.12.34528). EDN CNBJKI.

7. DRICU, M., MOSER, D. A., & AUE, T. (2022). Optimism bias and its relation to scenario valence, gender, sociality, and insecure attachment. *Scientific Reports*, 12(1), Article 018534. <https://doi.org/10.1038/s41598-022-22031-4>.

8. Милованова М. Ю. Социальное настроение сельских жителей в условиях пандемии COVID-19: гендерные аспекты // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 3. С. 77–89. DOI [10.21064/WiRS.2022.3.5](https://doi.org/10.21064/WiRS.2022.3.5). EDN CUQOSG.

9. Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Восприятие российским общественным мнением экономических изменений после начала российско-украинского конфликта // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023. № 4 (176). DOI [10.14515/monitoring.2023.4.2372](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372). EDN MSBLUI.

10. Виноградов М. Ю., Суслова А. А. Феномен социальной апатии и его актуальность в современной России // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2022. № 4 (107). С. 123–145. DOI [10.30570/2078-5089-2022-107-4-123-145](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-107-4-123-145). EDN FTUSVO.

11. Шутаева И. В. Формирование адаптивных стратегий населения по борьбе с бедностью в условиях неопределенности (социологический анализ) // *Власть и управление на Востоке России*. 2023. № 1 (102). С. 125–133. DOI [62](https://doi.org/10.22394/1818-</p></div><div data-bbox=)

4049-2023-102-1-125-133. EDN ROQMGP.

12. **НАТСАК О. Д.** Финансово-экономические стратегии тувинских семей (по материалам социологических исследований) // *Власть*. 2022. Т. 30, № 1. С. 180–190. DOI [10.31171/vlast.v30i1.8803](https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8803). EDN EPKFUA.

13. **НАТСАК О. Д.** Материальная самооценка жителей республики Тыва в контексте исследования бедности (по материалам социологических исследований) // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18, № 1. С. 120–135. DOI [10.19181/lsprr.2022.18.1.10](https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.10). EDN QEWVWO.

14. **АНДРИАНОВА Е. В., РОМАШКИНА Г. Ф., ПЕЧЕРКИНА И. Ф., ХУДЯКОВА М. В.** Имущественная стратификация, социальное самочувствие и субъектность жителей Тюменского региона // *Россия реформирующаяся*. 2022. № 20. С. 460–483. DOI [10.19181/ezheg.2022.17](https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.17). EDN BDKJUD.

15. **НЕСТИК Т. А.** Социальный оптимизм в условиях кризиса: от защитных механизмов к постановке совместных целей // *Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности*. 2023. № 1 (6). С. 140–145. DOI [10.20948/future-2023-8](https://doi.org/10.20948/future-2023-8). EDN GQQUYT.

16. **ПОПОВ Е. А., ЗАМЯТИНА О. Н.** «Луч света в темном царстве»: социальный оптимизм населения

Алтайского края в краткосрочной перспективе // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2021. № 59. С. 167–179. DOI [10.17223/1998863X/59/16](https://doi.org/10.17223/1998863X/59/16). EDN CСUKVP.

17. **ТЕМНИЦКИЙ А. А.** Социокультурные факторы оптимизма современной молодёжи России // *Социологическая наука и социальная практика*. 2016. Т. 4, № 4 (16). С. 19–35. DOI [10.19181/snsp.2016.4.4.4760](https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.4.4760). EDN XEAVDD.

18. **ЯДОВА М. А.** Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности // *Социологические исследования*. 2022. № 2. С. 83–93. DOI [10.31857/S013216250011067-6](https://doi.org/10.31857/S013216250011067-6). EDN VDHCRW.

19. **ПЕТУХОВ Р. В.** Почему люди хотят изменений? Исследование В. Петуховым причин актуализации общественного запроса на перемены // *Вестник Института социологии*. 2022. Т. 13, № S2. С. 60–72. DOI [10.19181/vis.2022.13.2S.816](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2S.816). EDN EACUCM.

20. **ТИХОНОВА Н. Е., ДУДИН И. В.** Основные противоречия российского общества в восприятии населения страны: сравнительная значимость, динамика, факторы // *Социологическая наука и социальная практика*. 2023. Т. 11, № 2. С. 6–24. DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.1). EDN HGVOFG.

REFERENCES

1. SLOBODENYUK, E. D. (2023). Socio-economic ill-being and public perceptions of the future. *Russia Reforming*, (21), 273–298. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.11>.

2. BALAKINA, G. F. (2023). Adaptation strategies of the population of the republic of Tuva: The problematic field of research and expert opinions. *The New Research of Tuva*, (3), 193–206. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.12>.

3. BALAKINA, G. F. (2023). Specific features of adaptation practices of ethnic groups in the Republic of Tuva. *The New Research of Tuva*, (4), 255–273. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.18>.

4. ANISIMOVA, T. G. (2023). Structural features of the social well-being of the population of Tuva: Gender aspect. *Humanities of the South of Russia*, 12(3), 13–21. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.3.1>.

5. ANISIMOVA, T. G., & MARSHAK, A. L. (2021). Social well-being of the population of the Republic of Tyva in the conditions of transformation of Russian society. In K. O. A. Bicheldey (Ed.) *Ermolaev Readings* (pp. 14–19). Publishing department of the

Pushkin National Library of the Republic of Tyva. <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-14-19>.

6. SVINUKHOVA, YU. N. (2020). Gender aspect of social differentiation of population in modern Russian society: Trends of manifestation and leveling measures. *Sociodynamics*, (12), 1–18. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.12.34528>.

7. DRICU, M., MOSER, D. A., & AUE, T. (2022). Optimism bias and its relation to scenario valence, gender, sociality, and insecure attachment. *Scientific Reports*, 12(1), Article 018534. <https://doi.org/10.1038/s41598-022-22031-4>.

8. MILOVANOVA, M. YU. (2022). Social mood of rural residents in the context of the Covid-19 pandemic: Gender aspects. *Woman in Russian Society*, (3), 77–89. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.3.5>.

9. ZVONOVSKY, V. B., & КНОДУКИН, А. В. (2023). Russian public opinion's perception of economic changes after the start of the Russian-Ukrainian conflict. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372>.

10. VINOGRADOV, M. YU., & SUSLOVA, A. A. (2022). The phenomenon of social apathy and its relevance in modern Russia. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, (4), 123–145. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-107-4-123-145>.
11. SHUGAEVA, I. V. (2023). Formation of adaptive strategies of population to combat poverty in the conditions of uncertainty (sociological analysis). *Power and Governance in the East of Russia*, (1), 125–133. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-125-133>.
12. NATSAK, O. D. (2022). Financial and economic strategies of Tuvan families (on the materials of sociological research). *Power*, 30(1), 180–190. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8803>.
13. NATSAK, O. D. (2022). The material self-assessment of the Tuvan families in the context of the poverty studies (based on the materials of sociological research). *Living Standarts of the Population in the Regions of Russia*, 18(1), 120–135. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.10>.
14. ANDRIANOVA, E. V., ROMASHKINA, G. F., PECHERKINA, I. F., & KHUDYAKOVA, M. V. (2022). Socio-cultural dynamics in the Tyumen region: Some results of 15 years of observations. *Russia Reforming*, (20), 460–483. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.17>.
15. NESTIK, T. A. (2023). Social optimism in a crisis: From defense mechanisms to setting joint goals. *Designing the Future. Problems of Digital Reality*, (1), 140–145. <https://doi.org/10.20948/future-2023-8>.
16. ПОПОВ, Е. А., & ЗАМЯТИНА, О. Н. (2021). “A ray of light in the kingdom of darkness”: Social optimism of the population of Altai krai in a short-term perspective. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (59), 167–179. <https://doi.org/10.17223/1998863X/59/16>.
17. ТЕМНИТСКИЙ, А. Л. (2016). Social and cultural factors of the optimism of the youth in Russia. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika*, 4(4), 19–35. <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.4.4760>.
18. ЯДОВА, М. А. (2022). Life trajectories of the youth in the XXI century: Risks and opportunities. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (2), 83–93. <https://doi.org/10.31857/S013216250011067-6>.
19. ПЕТУКHOB, Р. В. (2022). Why do people want changes? V.V. Petukhov's study of the reasons for the actualisation of the public demand for changes. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 13(S2), 60–72. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2S.816>.
20. ТИХОНОВА, Н. Е., & ДУДИН, И. В. (2023). The main contradictions of the Russian society in the perception of the country's population: Comparative significance, dynamics, factors. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika*, 11(2), 6–24. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.1>.

МЕТОДИКА РАНЖИРОВАНИЯ СТЕЙКХОЛДЕРОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

А. В. Назаров^а

^а Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. В современном мире образовательные организации сталкиваются с возрастающей конкуренцией в сфере образования, исследований и инноваций, что приводит к необходимости улучшения своего положения и достижения устойчивого развития и развитию реализации «третьей миссии», подразумевающей взаимодействие с микросредой. Ограниченность ресурсов в широком смысле слова приводит к необходимости ранжирования различных групп заинтересованных сторон в целях удовлетворения запросов так, чтобы они поддерживали стратегию развития образовательной организации.

Материалы и методы. Выбран ряд зарубежных и отечественных источников, представляющих развитие теории стейкхолдер-менеджмента в отношении образовательных организаций, показаны отдельные тезисы, идеи и предложения. С опорой на имеющиеся научные разработки теории и практики стейкхолдер-менеджмента и управления «третьей миссией» образовательной организации в статье представлена авторская методика ранжирования стейкхолдеров образовательной организации, нацеленная на включение аксиологических основ взаимодействия в поле параметров при анализе стейкхолдеров образовательной организации с адаптацией «теории градов» Тевено и Болтански.

Результаты. Представлена апробация авторской методики ранжирования на примере конкретной образовательной организации, в результате которой изучены баланс и интенсивность связей заинтересованных сторон в системе взаимоотношений и выявлено преобладание проектных и репутационных ценностных начал взаимодействия в группах стейкхолдеров образовательной организации, сформировано распределение по квадрантам – стратегическим портфелям для дальнейшего формирования предложений и построения программ развития взаимоотношений с учетом лидирующих ценностей.

Обсуждение. Взаимодействие с учетом ценностных ориентиров и «единиц обмена» заинтересованных сторон может определить стратегию для удовлетворения потребностей и ожиданий заинтересованных лиц. В контексте образовательных учреждений развитие стейкхолдерского взаимодействия несет потенциал конкурентного преимущества и может выступать в роли инструмента формирования и поддержки стратегических решений организации в условиях локальных и глобальных ограничений, в особенности при ориентации на поиск нефинансовых вариантов взаимодействия и удовлетворения потребностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стейкхолдеры, образовательная организация, ранжирование, аксиологические основания, ценности взаимодействия, стратегии взаимодействия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Назаров А. В. Методика ранжирования стейкхолдеров образовательной организации // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 2. С. 65-80. EDN TVENWK. DOI 10.22394/2304-3369-2024-2-65-80.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Назаров Александр Вячеславович – Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45) — старший преподаватель кафедры экономики труда и управления персоналом; ведущий специалист отдела взаимодействия с работодателями и развития кадрового потенциала; nasarrow.aw@yandex.ru. SPIN-код: 1597-0557, ORCID: 0000-0003-2587-6618, ScopusID: 57386184100.

Статья поступила 24.10.2023; рецензия получена 09.12.2023; принята к публикации 10.02.2024.

THE METHODOLOGY OF RANKING STAKEHOLDERS OF AN EDUCATIONAL ORGANIZATION

A. V. Nazarov^a

^a Ural State University of Economics
(Ekaterinburg, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. In the modern world, educational organizations have to face the increasing competition in the field of education, research and innovation, meaning they need to improve their position, achieve sustainability, and develop the implementation of the “third mission”, which implies interaction with the microenvironment. Limited resources in the broad sense of the word lead to the need to rank various groups of stakeholders in order to satisfy demands so that they support the development strategy of an educational facility.

Materials and methods. A number of foreign and domestic sources, representing the development of the stakeholder management theory in relation to educational organizations, have been selected and individual theses, ideas and proposals are shown. Based on the available scientific developments of the theory and practice of stakeholder management and the “third mission” management of an educational organization, the article presents the author’s methodology for ranking stakeholders of an educational organization, aimed at including the axiological foundations of interaction in the field of parameters, when analyzing stakeholders of an educational organization with the adaptation of the “cité theory” by Thévenot and Boltanski.

Results. Approbation of the author’s ranking methodology is presented using the example of a specific educational organization, as a result of which, the balance and intensity of connections between stakeholders in the system of relationships have been studied, and the predominance of project and reputational value principles of interaction in stakeholder groups of an educational organization has been revealed; distribution by quadrants or strategic portfolios scheme has been formed for the further proposals formation and relationships development programs design, taking into account leading values.

Discussion. Value-driven interaction considering stakeholders’ “exchange units” can define a strategy to meet stakeholders’ needs and expectations. In the context of educational institutions, the development of stakeholder interaction can lead to competitive advantages and support for strategic decisions of the organization in conditions of local and global restrictions, particularly when focusing on the search for non-financial interaction and meeting the needs.

KEYWORDS: stakeholders, educational organization, ranking, axiological foundations, interaction values, interaction strategies

FOR CITATION: Nazarov, A. V. (2024). The methodology of ranking stakeholders of an educational organization. *Management Issues*, 18(2), 65–80. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-2-65-80>

AUTHORS' INFORMATION:

Aleksandr V. Nazarov – Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia) — *senior lecturer of the Department of Labor Economics and Personnel Management; leading specialist of the Department of Interaction with Employers and Human Resources Development; nasarow.aw@yandex.ru. RSCI SPIN: 1597-0557, ORCID: 0000-0003-2587-6618, ScopusID: 57386184100.*

The article was submitted 10/24/2023; reviewed 12/09/2023; accepted for publication 02/10/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

В современном мире образование играет ключевую роль в развитии человеческого потенциала и формировании конкурентоспособного общества. Образовательная организация высшего образования (далее – ООВО) является тем типом организации, чью деятельность можно вписать в стейкхолдерскую концепцию, что подтверждается и развивается исследованиями и зарубежными, и российских ученых. В этой оптике она как основной субъект образовательной сферы деятельности должна обеспечить эффективное взаимодействие между различными участниками образовательного процесса.

Актуальность развития методики ранжирования стейкхолдеров в образовательной организации обусловлена и тем, что образовательная организация должна адекватно оценивать потребности и интересы всех стейкхолдеров, чтобы успешно функционировать и развиваться в долгосрочной перспективе. Принципиальны три ключевых обстоятельства стейкхолдер-менеджмента: 1) ООВО окружена заметно более разнообразным количеством групп заинтересованных сторон, что отличает ее от бизнесовых стейкхолдер-организаций; 2) управленческий (координационный) ресурс является ограниченным; 3) деятельность организации определяется принимаемой стратегической программой развития. Совокупно эти три обстоятельства очерчивают проблему определения наиболее эффективных и справедливых методов оценки и приоритизации заинтересованных сторон, порядка взаимодействия с ними с целью оптимизации управления ресурсами и улучшения качества предоставляемых образовательных, научных и консультационных услуг ООВО. Проблема определения цепей и направлений воздействия заинтересованных сторон в отношении друг друга и в отношении самой ООВО помимо возможности установления (выявления) связей как таковых содержит в себе потенциал приращения

стейкхолдер-знания и стейкхолдер-инструмента включением исследования ценностей взаимодействия, вкладываемых заинтересованными сторонами.

В данных условиях взаимодействие с заинтересованными сторонами, особенно внешними, т.е. микросредой организации, нуждается в инструментах ранжирования, позволяющих определить приоритетность действий и содержание, распределение управленческого воздействия, позицию стейкхолдера в поле внимания управляющего (координирующего) стейкхолдерские взаимоотношения субъекта. Ранжирование способствует формированию портфельных стратегий взаимодействия и распределению ресурсов управляющего (координирующего) субъекта (органа, элемента системы). Однако для формирования взвешенной позиции возможно приведение следующих контраргументов и позиций, уязвимых к критике подхода:

- субъективность: процесс ранжирования может быть субъективным и зависит от личных предпочтений и предубеждений, что может привести к некорректным выводам и неправильным стратегиям;
- отсутствие информации: ранжирование может скрывать важную информацию о корреляции и взаимодействии между различными элементами, в результате могут быть упущены важные взаимосвязи и взаимодействия, способные повлиять на стратегию;
- нестабильность: ранжированные данные могут быстро меняться и стать неактуальными, что может привести к неэффективным стратегическим решениям;
- ограниченность: ранжирование обычно фокусируется на одном аспекте или критерии и может не учитывать другие важные факторы, которые могут иметь решающее значение для стратегии;
- избыточность: ранжирование часто приводит к избыточности данных, когда многие элементы имеют одинаковые или очень похожие

значения, что может усложнить процесс принятия решений и сделать его менее эффективным;

- отсутствие контекста: ранжированная информация может быть изолированной и не иметь контекста, что затрудняет понимание ее значения и применение к стратегическому планированию.

К. Чаплео и К. Симс указывают на возрастающую роль регионального университета в жизни местного сообщества даже на фоне общей ориентированности региональных британских университетов именно на закрытие потребностей ближайшей (локальной) социально-экономической системы, запрос выражается именно в наращивании активности взаимодействия [1, с. 7]. Вопрос трансфера знания и технологий перетекает из утилитарного поля в общественное, от заказа к диалогу – неисключительно коммерческому или академическому. Э. Вагнер-Мейнард, Х. Альвес и М. Рапосо отмечают динамичность этого диалога и связей между различными группами, поэтому предлагают учитывать временные и контекстуальные факторы [2, с. 1874–1875], которые также позволяют отсеять «не-стейкхолдеров» – ложных либо не имеющих участия в конкретных проектах либо программах, несмотря на сохранение общего влияния в отношении организации, что может иметь особую актуальность в отношении университетской деятельности. На контекст и ориентацию конкретного образовательного учреждения обращают внимание, раскрывают на практических примерах А. Файоль и Д. Т. Редфорд [3]. К. Миллер, М. Макадам и Р. Макадам в своем исследовании предлагают как обращать внимание на эволюцию бизнес-модели университета (в т. ч. конкретного) [4, с. 271–273], так и учитывать силу взаимосвязей и взаимозависимости стейкхолдеров организации [3, с. 280]. Более того, Л. Маккан, Н. Хатчисон и А. Адэйр динамизм раскрывают через представление механизма калибровки, т.е. переоценки стейкхолдеров по влиянию, независимости и взаимозависимости, т.е. пересмотра статусов и возможностей, причем именно в поле университетской активности [5]. В. Херт, И. С. Стьюарт принципиально целеполагание университета рассматривают в свете взаимодействия с заинтересованными сторонами в процессе и для достижения общественно значимых результатов [6]. Сама деятельность по информированию, просвещению и вовлечению стейкхолдеров, логика формирования и реализации

соответствующих мероприятий становится одной из основ модели целеориентированной образовательной организации в том смысле, что при постановке стратегической цели учреждения учитывают задачи общественного развития и формируют «общественное назначение» организации – и конкретно-актуальное, и концептуальное, при этом университет может стать драйвером общественного развития [6, с. 11]. А. Пакуаль-Касерес и соавторы вносят вклад в развитие стейкхолдер-менеджмента в университетской среде, предлагая при постановке стратегических целей образовательной организации в региональном контексте применять методологию гибких систем (*soft systems methodology*) [7] – организованный способ мышления, применимый к проблемным социальным ситуациям и управлению изменениями; методология включает семь шагов, начиная с анализа проблемной ситуации и заканчивая принятием мер для ее изменения и улучшения с составлением карты архитектуры системы. На подобную карту может быть наложена и карта стейкхолдеров организации (отдельного проекта, процесса, продукта), и, таким образом, карта взаимосвязей и взаимовлияния стейкхолдеров. Н. Ф. Нгуен и Э. Могаджи как предмет стейкхолдер-менеджмента рассматривают эндаумент образовательной организации, притом в кризисное время и для развивающихся стран [8], однако в российской практике подобный механизм имеет крайне ограниченные возможности реализации (в т. ч. с позиции законодательства), поэтому на мотивацию взаимодействия и ожидания также накладываются ограничения. Н. Радко, М. Белитски и Е. Калюжнова, также в отношении практики развивающихся стран, отмечают стейкхолдерские отношения в образовательной среде по знаниевому ориентиру, раскрывают стейкхолдеров по ролям: активаторов, «поставщиков», систематизаторов и фасилитаторов знаний, показывая, что этот ориентир шире обучения или чистой науки и может быть применен для построения стратегических программ развития вузов различного профиля [9]. Э. Жэрмен, М. Клофтсен, Х. Лофтсен, С. Миан развитие стратегического взаимодействия с заинтересованными сторонами видят в формировании экосистемы научного парка, агрегирующего возможности коммерциализации знания и материально-технической базы университета,

развития академического предпринимательства и иного, порождаемого уникальной конфигурацией связей стейкхолдеров [10]. Симбиотические стейкхолдерские системы с выходом на тематику устойчивого развития раскрываются также и в исследовании В. Л. Фило с соавторами [11]. Вместе с этим Д. Б. Одритш и упомянутый ранее М. Белитски ввиду интеграции по процессам и знаниям дополнительно обращают внимание на необходимость осевого распределения стейкхолдеров организации и предлагают модель, основанную на кросс-доменной перспективе зон влияния и раскрытия возможностей [12, с. 11–15]. Наконец, А. Кола и К. Леха фокусируются на донесении до микросреды важности и возможностей инструментального характера стейкхолдер-менеджмента в отношении университетов, предлагают закладывать подобный управленческий инструментарий не только в систему управления, но и в организационную культуру образовательного учреждения [13]. В стейкхолдерский инструментарий входит и направленный на ранжирование заинтересованных сторон.

Большой вклад в развитие и адаптацию стейкхолдер-менеджмента в приложении к университету, изучение вуза с позиции стейкхолдер-организации в отечественной науке внесли труды К. С. Солодухина [14], развитые в последующие годы и другими учеными. Прямая связь деятельности ООВО, системы ее взаимодействия с заинтересованными сторонами и регионального развития с описанием потенциального вклада раскрывается, например, в работах В. А. Нагорнова и О. В. Перфильевой, отмечающих не абстрактные, а вполне конкретные векторы и формы воздействия, функциональные характеристики взаимодействия с выходом на формирование «третьей миссии» – комплексного социального влияния на окружение [15; 16]. В. Н. Стрекаловский и В. М. Саввинов рассматривают стейкхолдерское взаимодействие в ключе международных стандартов социальной ответственности, что оказывается совместимым с восприятием университета в роли института развития региона, института развития предпринимательств, института сохранения языкового и культурного разнообразия и, наконец, «фабрики мысли» через реализацию фундаментальных исследований, промышленных проектов и совместных исследовательских программ [17, с. 95]. Е. С. Попова при раскрытии механиз-

ма взаимовлияния направлений регионального развития и стратегий вузов и оценке вклада вуза в региональное развитие указывает целью согласование приоритетов и обращает внимание на важность детекции т.н. стержневых и инновационных компетенций, т.е. конкурентных преимуществ – ориентиров развития, имеющихся у региональных органов управления, предприятий и организаций различного масштаба, институтов гражданского общества, рынка труда и самих образовательных учреждений [18, с. 50]. В такой оптике значимости взаимодействия одним из ключевых условий успешного функционирования образовательного учреждения в долгосрочной перспективе является умение налаживать и сохранять прочные – стратегические – отношения с заинтересованными сторонами [14]. Показана взаимосвязь «третьей миссии» и стейкхолдерского подхода: с одной стороны, отмечается постоянная актуализация содержания «третьей миссии» ввиду непроработанности модели трансформации вузов и необходимости учета нюансов региональной специфики [16, с. 21–22], с другой стороны, имеются примеры опыта построения стейкхолдерских систем и реализации программ и проектов с отдельными группами [19, с. 126–128].

В свете изложенного целью данной статьи является исследование возможностей и применимости ранжирования стейкхолдеров ООВО на основе параметров их связей с последующим распределением по портфелям стратегий, направленных на удовлетворение и поддержку доминирующих ценностей взаимодействия, что представляется потенциально значимой компонентой ввиду возможности выявления с ее помощью нематериальных, нефинансовых интересов.

Получение первичных данных для анализа

Процедура получения первичных данных для анализа заинтересованных сторон, которые могут влиять или находиться под влиянием университета, – важный инструмент сбора информации, необходимой для принятия решений и улучшения качества деятельности образовательного учреждения.

Авторский подход опирается на возможность получения информации в отношении определенного вектора взаимодействия либо общей системы связей и влияния по следующим линиям:

- анализ официальных и нормативных документов (в особенности – локальных нормативных актов, определяющих общую конфигурацию взаимодействия, например: Устав, положения о структурных подразделениях и объединениях, регламенты процессов и пр.) на предмет фиксации номинальных направлений влияния и сети связей между группами сторон;

- анализ публичных практик взаимодействия заинтересованных сторон (в особенности входящих и исходящих запросов, например, по подразделениям в части отдельных комплексных программ, проектов, задач);

- опрос представителей групп заинтересованных сторон в соответствии с требованиями выборки, в частности опрос внутренних стейкхолдеров по вовлеченности, готовности и проблемам взаимодействия (находится за рамками фокуса настоящего материала);

- экспертный опрос по лидерам и наиболее квалифицированным представителям групп заинтересованных сторон, экспертным группам, экспертам системы образования.

В целях настоящего материала проанализирован ряд локальных нормативных актов ООВО, а также документы стратегического развития региона, задающего конструктивный контекст (в частности, запросы на подготовку специалистов и трудоустройство выпускников) деятельности образовательных организаций.

Опросы могут проводиться в целях фактического подтверждения (уточнения, опровержения) положений, изложенных в документах и публичных материалах. Автором применено построение большей части вопросов по принципам:

- «согласны ли вы с утверждением...» (да/нет);
- «определите степень своего влияния на...»;
- «определите степень воздействия на вас...» (по группам стейкхолдеров).

Для опросов групп стейкхолдеров рекомендуется формирование онлайн-анкет и проведение анкетирования с фиксацией сроков сбора материала. Рекомендуется сроком подачи анкет установить период не более одного месяца. Для проведения экспертного опроса возможно проведение и онлайн-анкетирования, и личного опроса (глубинного интервью). Автором применен личный опрос, содержащий как открытые, так и закрытые вопросы; получено мнение руководителей основных структурных подразделений ООВО, экспертов образовательной системы.

Методика ранжирования

Этапу ранжирования стейкхолдеров предшествует этап их классификации, выявления и присвоения атрибутов, позволяющих определить классические управленческие свойства. Могут применяться инструменты картирования, модель Митчелла-Эгла-Вуда по атрибутам власти, легитимности и актуальности (срочности) [20, с. 865–868], их вариации и развития (например, предложенная Гаэтэ — с объединением в единую матрицу категорий стейкхолдеров и изменений по локализации, участию и потенциалу [21, с. 304]), иные принятые в бизнес-практиках методики и модели, ориентированные на определение степени обладания стейкхолдеров атрибутами власти, интересов, полномочий, потенциала и пр. С. Д. Фурта и Т. Б. Соломатина при рассмотрении принципов работы с инструментами анализа окружения отмечают роль лидера, вместе с этим корректное картирование стейкхолдеров полагается на понимание окружения лидером проекта (продукта, программы) [22, с. 24], т.е. сформированная классификация (идентификация и картирование) заинтересованных сторон в любом случае носит субъективный, экспертный характер, при этом может не быть сглажена коллективным мнением. Также при анализе подходов заметно, что сила воздействия стейкхолдера на проект или организацию находится в более выраженном фокусе внимания, нежели сила и возможности воздействия на другие заинтересованные стороны в процессе взаимодействия по данному проекту (продукту, программе) или организации, хотя присутствуют и учитывающие это модели (например, в руководстве *PMBoK Guide*)¹.

По нашему предложению, ввиду сложности взаимодействия с априорной асимметрией влияния, коммуникации и вовлеченности в процессы, необходимо разработать дополнительный инструмент – матрицу структурного влияния, матрицу связей. Матрица представляет собой простое перечисление наличия либо отсутствия взаимосвязей стейкхолдеров, при наличии – общую характеристику связи, является она прямой или опосредованной. Таблицу предлагается заполнять построчно в следующем ключе

¹ A Guide to the Project Management Body of Knowledge (PMBoK Guide) / Project Management Institute. 2017. Pennsylvania: Sixth Edition. PMI Publications. 2017. URL: https://www.booksfree.org/wp-content/uploads/2022/03/a-guide-to-the-project-management-body-of-knowledge-6e_compressed.pdf.

Таблица 1 — Матрица структурного влияния (связей) стейкхолдеров университета
Table 1 — Matrix of structural influence (connections) of university stakeholders

№ п/п	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1	-	П	П	П	О	О	О	О	П	П	О	О	О	О	О	П	О	О	П
2	П	-	П	П	П	О	О	-	П	П	О	-	О	О	О	О	О	О	О
3	О	О	-	П	П	О	О	-	П	П	О	-	О	О	О	-	-	О	О
4	-	О	О	-	О	П	П	О	П	П	О	П	О	П	О	-	О	О	О
5	О	О	О	О	-	-	О	П	П	О	-	-	О	-	-	О	О	-	О
6	-	-	-	О	-	-	-	-	О	П	О	-	-	-	О	О	-	-	-
7	-	О	О	П	О	П	-	О	О	П	П	О	-	-	О	О	П	О	П
8	О	О	О	О	О	-	О	-	О	О	П	П	-	О	О	-	О	О	О
9	О	О	О	П	П	О	О	О	-	П	О	О	О	П	П	О	О	П	П
10	О	П	П	П	П	П	О	П	П	-	П	П	О	П	П	О	О	П	П
11	-	-	-	О	-	-	О	П	О	П	-	П	П	О	П	О	О	П	П
12	-	О	О	О	О	-	О	П	О	О	П	-	П	О	П	-	-	О	О
13	-	О	О	О	О	-	-	-	О	П	П	П	-	-	-	О	-	-	-
14	-	-	-	П	-	-	О	-	О	О	О	-	-	-	-	О	-	П	О
15	-	-	-	О	О	О	О	-	О	О	П	П	-	О	-	П	О	П	П
16	-	О	О	-	П	О	О	О	П	П	О	О	О	О	П	-	О	О	О
17	О	О	О	О	О	-	П	О	О	О	О	О	-	О	О	-	-	О	О
18	-	О	О	П	О	-	-	-	П	П	П	О	-	П	П	-	О	-	О
19	О	О	О	П	О	-	П	О	О	П	П	-	-	О	П	-	П	П	-

Примечание: П — прямое влияние, О — опосредованное влияние.

че: влияет ли данный стейкхолдер в строке *t* на стейкхолдера в столбце *n* и какова характеристика данного влияния. Приведенная в таблице 1 матрица заполнена для конкретного университета на основе экспертного опроса и анализа ряда документов, стейкхолдерам присвоены номера, раскрываемые далее.

При условном присвоении прямому влиянию (при максимизации степени влияния) полного балла, а опосредованному – половины балла формируется распределение оказываемого и испытываемого структурного влияния стейкхолдера, которое необходимо для дальнейшей спецификации стейкхолдерского воздействия.

Следующим шагом является определение основных характеристик связей стейкхолдера:

- разницу баллов между оказываемым на других стейкхолдеров влиянием и испытываемым от других стейкхолдеров предлагаем считать выражением баланса влияния; положительный баланс указывает на склонного диктовать свою волю стейкхолдера и (или) ограниченность каналов обратной связи, отрицательный баланс указывает на восприимчивость к окружению и (или) избыточность каналов обратной связи;
- сумму баллов оказываемого и испытываемого влияния предлагаем считать отражением

интенсивности связей, которые при равном количестве баллов, но в зависимости от контекста по матрице структурного влияния могут быть глубокими и сильными (прямыми) или широкими, полагающимися на коммуникацию с наибольшим количеством окружающих заинтересованных сторон.

По разнице баллов и сумме баллов стейкхолдеру присваиваются соответствующие ранги от 1 до *p*, где *p* равно номеру последнего принятого во внимание стейкхолдера, при этом 1 – минимальная, *p* – максимально возможная проявленность характеристики.

Ранги могут быть использованы и в линейном их прочтении, однако по предлагаемой методике их роль – стать координатами точек для формирования сетки с квадрантами, отчасти аналогичной распространенным моделям группировки стейкхолдеров Менделоу [21], Джонсона² или Гарднера³ в целях выбора групповых стратегий (основ) взаимодействия. К. Крчак отмечает, что распределение (картирование) и визуализация являются срезом, а не итоговой картиной,

² Johnson G., Scholes K., Whittington R. (2008). *Exploring Corporate Strategy*. Harlow: Pearson Education Limited. 622 p.

³ Gardner J., Rachlin R., Sweeney H. (1986). *Handbook of Strategic Planning*. John Wiley & Sons Inc., Hoboken, NJ. Conference on Information Systems. Cambridge, MA, 1991. 752 p.

должны быть адаптивны к будущим изменениям, учитывать динамику бизнес-процессов в организации и потенциальную будущую практику [23]. В связи с этим при дальнейшем развитии высказываемое нами предложение по ранжированию может рассматриваться в качестве дополнительного измерения – приращения к пространственным устойчивым моделям, в течение предшествующих лет зарекомендовавшим себя с позиции адаптивности, и, таким образом, способно привести к формированию трехмерной модели классификации и определения стратегических портфелей взаимодействия.

Ценности взаимодействия

В ряде исследований показано, что мотив денежного вознаграждения и престижности важен молодежи, она проявляет прагматичность в осознанном выборе будущей профессиональной деятельности, что, например, было показано В. А. Елисеевой [24], И. В. Цыганковой и соавторами [25], но не меньшую роль начинает играть и ощущение значимости труда как такового, причастности к какому-то важному проекту или социально значимому процессу, что в частности отмечают А. А. Манукян [26], А. А. Токарева и С. Г. Баронене [27]. Сфере образования и науки определенно нужно разрабатывать программы, во-первых, под различные комбинации мотивов привлечения ввиду стремления молодежи к свободе выбора при убежденности в сознательном контроле [26, с. 38], во-вторых, для сохранения и омоложения кадров если не для замещения, то по крайней мере для подкрепления основного коллектива. Вместе с тем помимо внутренней среды образовательная организация окружена средой, которая также может в своих действиях и предложениях исходить как из материальных, так и нематериальных мотивов, предлагать как материальные, так и нематериальные формы, преследовать материальные и нематериальные цели, при этом оставаясь весьма избирательной и требовательной при решении о направлении инвестиций в образовательную организацию и при оценке результативности ее работы.

Для получения перечня мотивов взаимодействия мы предлагаем обратить более пристальное внимание на концепцию Л. Тевено и Л. Болтански и разработанную ими «теорию градов». Градом, или также миром, авторы именуют опре-

деленный режим и составляющие его меритократическую основу ценности вовлеченности в капиталистические отношения, принимаемые субъектом (реализовать себя субъект может в нескольких градах). Приведем основные характеристики системы градов по Тевено и Болтански⁴:

- вдохновенный – меритократические критерии выражаются во вдохновении и творчестве, в определенном ключе – инновациях;
- патриархальный – выражаются в исполнении принципов иерархии, наследственности, преемственности, уважения, полагаются на уклад, доверие к сохранению информации;
- репутационный – схож с предшествующим, но «степень величия» внутри града определяется не столько уважением, сколько известностью, медийностью, важнее доверия оказывается признание и узнавание.
- гражданский – опирается на способность выразить общую волю, солидарность, коллективный интерес, имеющий формальное выражение в рамках текущей правовой системы или в самом ее создании;
- индустриальный – определяется производственной эффективностью, выражаемой метриками функциональных связей в рамках конкретной техники или способа производства;
- рыночный – определяется рыночным результатом, финансовой информацией об отношениях обмена благами и услугами;
- проектный (введен авторами позже) – является комбинацией индустриального и рыночного. Выражается в свободе целенаправленного преодоления рамок и ограничений в капиталистическом взаимодействии, поиске и внедрении акселерационных путей и методов.

«Грады» Тевено и Болтански находят свое подтверждение в исследовании мотивации участников сообществ. В предшествующем авторском исследовании прослеживаются признаки основ «градов» на примере высокопотенциальной в плане возможностей для научно-образовательной среды, но малопроработанной в научной литературе группы – профессиональных экспертных сообществ (далее — ПЭС). С. Б. Долженко и Р. А. Долженко определяют профессиональное экспертное сообщество как самоорганизующееся добровольное объединение лю-

⁴ Болтански Л., Тевено Л.. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Пер. с фр. О. В. Ковеневой, под ред. Н.Е. Копосова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с. ISBN 978-5-4448-0079-9.

дей на основе интересов и экспертности (сочетания знаний и опыта) в какой-либо конкретной области профессиональной деятельности, осуществляющих регулярные коммуникации с целью саморазвития и поиска более эффективных подходов к решению профессиональных задач на локальном уровне [28, с. 79]. Такое определение является не априорным, оно полагается на исследование мотивов деятельности и условий вовлеченности участников и лидеров профессиональных экспертных сообществ, в т.ч. в отношении некоммерческих проектов, что представляется ценным по отношению к региональным ООВО. В проведенном исследовании несмотря на то, что большинство информантов отметили активное участие в экспертной деятельности некоммерческого характера [28, с. 84], прослеживается потенциал для усиления взаимодействия ПЭС с институтами системы образования. Отмечено, что и при вступлении в ПЭС, и в отношении критериев успешности деятельности, и в отношении мотивации участия в деятельности сообществ наиболее явно выражены профессиональная, социальная и развивающая мотивации [28, с. 83]. В последующем авторском исследовании выявлено, что наибольшей долей упоминаний отмечены такие варианты, как обмен опытом и лучшими практиками, идеи групповой солидарности и сопричастности, признания, потребность в развитии профессиональных навыков и сети контактов, стремление к самореализации, заинтересованность в развитии профессии, решении актуальных вопросов профессии; кроме того, начинают проявляться и другие цели ПЭС, такие как внедрение инноваций и увеличение скорости их создания, а также создание пула экспертов [29, с. 361–362]. В качестве целей деятельности ПЭС более половины респондентов выбирали обмен опытом и лучшими практиками, распространение и внедрение лучших практик, развитие профессии и ее представителей. При этом опрошенные члены ПЭС высоко лояльны своим сообществам – индекс NPS составил +75 п.п. [29, с. 365], что может не только сообщать о личной приверженности участников деятельности сообщества, но и говорит об устойчивости существования ПЭС. С одной стороны, мы здесь видим наиболее расположенную к взаимодействию с заинтересованными сторонами группу, с другой – проявляются репутационный, индустриальный, граж-

данский, проектный «грады». Впрочем, отметим, что у лидеров ПЭС, при признании в целом волонтерского характера деятельности, преобладают ответы, характерные для экономического типа мотивации, что может быть следствием роли лидера, наделенного ответственностью за результативность сообщества и его рыночную успешность. Здесь мы видим указание на то, что достижения в «нефинансовых» «градах» и ориентир на содействие развитию могут способствовать и последующему «рыночному успеху», что возвращает нас к концепции социальной ответственности и возможности ее реализации в университетском поле влияния.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Объектом исследования выбраны группы заинтересованных сторон регионального опорного университета, в 2023 г. входящего в интервал 1501–1750 в мировом рейтинге и в интервал 86–127 в российском рейтинге Московского международного рейтинга вузов «Три миссии университета»⁵. Данный университет осуществляет подготовку специалистов преимущественно по экономико-управленческим образовательным программам.

Отметим, что по результатам исследования ценностных оснований взаимодействия групп стейкхолдеров конкретной ООВО (сам анализ остается за рамками фокуса настоящей статьи, по сути является подсчетом «градов» по группам стейкхолдеров, исходя из потенциальных конструктивных эффектов их взаимодействия с ООВО) получено распределение, представленное на рисунке 1. Исключительно рыночные основания присутствуют не у всех стейкхолдеров, наиболее частым основанием можно обнаружить

⁵ Московский международный рейтинг вузов «Три миссии университета». 2023. URL: <https://mosiur.org/ranking/>.

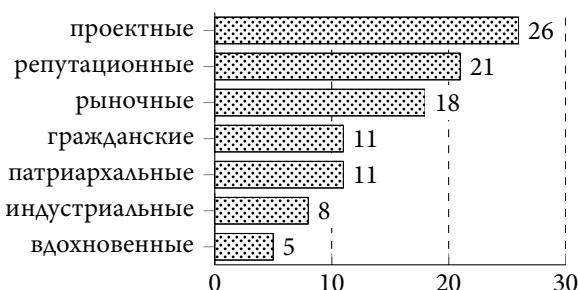

Рис. 1. Предпочтительные аксиологические основы взаимодействия стейкхолдеров университета, ед. упоминаний

Fig. 1. Preferred axiological foundations for interaction between university stakeholders, times of mention

проектные и репутационные. Таким образом, в отношении конкретного стейкхолдера в дополнение к заявляемым им интересам и целям появляется возможность корректировки предложений по удовлетворению запросов в ключе, более приемлемом ценностно.

При дальнейшей комплектации в группы заинтересованных сторон появляется возможность учета доминирующих в группе аксиологических основ, способных оказать влияние на формирование стратегии взаимодействия и конструирование стратегических программ, а также форм и метрик эффективности реализации программ взаимодействия.

Группы заинтересованных сторон при сведении результатов по баллам влияния на основе матрицы из табл. 1 и раскрытой выше методики ранжирования демонстрируют балансы и интенсивности связей, представленные в таблице 2. Отметим, что оказываемое и испытываемое влияние не являются обратнопропорциональными, в определенном смысле независимы.

В стейкхолдерских отношениях ООВО по оказываемому влиянию лидируют руководство образовательной организации, государство и средства массовой информации. Наименьшие возможности имеют профсоюз работников, абитуриенты и поставщики. Наибольшее влияние других стейкхолдеров испытывают руководство вуза, средства массовой информации и другие вузы региона. Наименее восприимчивы к влиянию государство, поставщики, профсоюзы работников и студентов. Выраженный «положительный» баланс влияния имеют государство, органы власти субъекта, профсоюз студентов, предприятия и организации региона — работодатели. Выраженный «отрицательный» баланс имеют абитуриенты, общественные организации и поставщики, институты и кафедры, учебно-вспомогательный персонал. Однако в целом всех стейкхолдеров с «отрицательным» балансом можно рассматривать в качестве склонных к внушению и избранию для них стратегии защиты или информирования. Наибольшей интенсивностью связей обладают руководство вуза, средства массовой информации и другие вузы региона. Наименьшую интенсивность связей демонстрируют поставщики, профсоюз работников и абитуриенты.

Для проработки стратегии взаимодействия со стейкхолдерами целесообразно преобразо-

вать информацию из таблицы 2 в диаграмму влияния с распределением по квадрантам (рисунком 2).

Визуализация позволяет при беглом осмотре определить плотность квадрантов и понять, какое количество групп будет охватывать портфель предложений. Раскрытие информации по матрице портфельных стратегий в отношении групп стейкхолдеров, таким образом, возможно следующее (на примере отдельной ООВО, для других организаций возможно появление иной конфигурации). Распределение стейкхолдеров по квадрантам применяется в упомянутых ранее моделях Менделоу [21], Джонсона⁶ или Гарднера⁷ в целях выбора групповых стратегий (основ) взаимодействия. Принципиальным содержательным отличием от данных моделей с делением по квадрантам в данном случае является положенная в основу структура взаимодействия заинтересованных сторон, а не иные параметры. Накладываемое поверх них знание о ценностях взаимодействия же способно сформировать содержание проектов, программ и процессов, реализуемых по данной стратегии.

⁶ Johnson G., Scholes K., Whittington R. (2008). *Exploring Corporate Strategy*. Harlow: Pearson Education Limited. 622 p.
⁷ Gardner J., Rachlin R., Sweeny H. (1986). *Handbook of Strategic Planning*. John Wiley & Sons Inc., Hoboken, NJ. Conference on Information Systems. Cambridge, MA, 1991. 752 p.

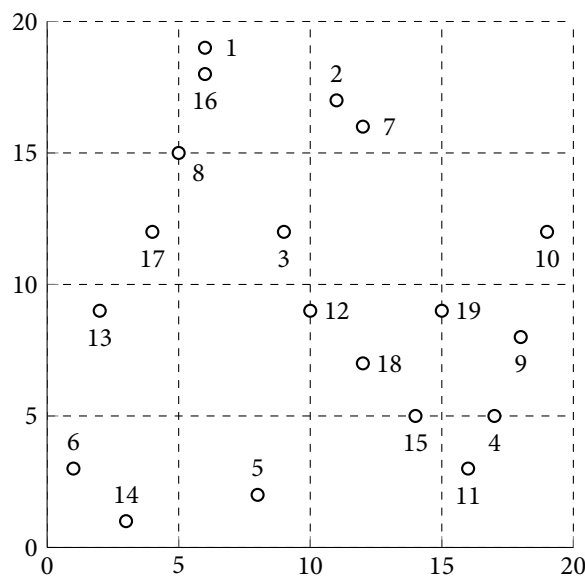

Рис. 2. Распределение влияния стейкхолдеров вуза по рангам
 Fig. 2. Distribution of influence of university stakeholders by rank

Таблица 2 — Распределение структурного влияния (связей) для стейкхолдеров университета
Table 2 — Distribution of structural influence (connections) for university stakeholders

№ п/п	Стейкхолдер	Совокупное оказываемое влияние, балл	Совокупное испытываемое влияние, балл	Баланс	Интенсивность
1	Государство	12,5	4	8,5	16,5
2	Органы власти субъекта	10,5	8	2,5	18,5
3	Органы муниципальной власти	9	8,5	0,5	17,5
4	Другие ООВО региона	11	13	-2	24
5	Общественные организации	7	10	-3	17
6	Организации и предприятия – поставщики	3,5	6	-2,5	9,5
7	Организации и предприятия – работодатели	10,5	9	1,5	19,5
8	Профессиональные экспертные сообщества	8,5	7,5	1	16
9	Средства массовой информации	12,5	13	-0,5	25,5
10	Руководство ООВО	15,5	15	0,5	30,5
11	Институты и кафедры, учебно-вспомогательный персонал	10	12,5	-2,5	22,5
12	Научно-педагогические работники	9	9	0	18
13	Профсоюз работников	6	6	0	12
14	Абитуриенты	5	9	-4	14
15	Обучающиеся (объединенный совет, активы)	9	11	-2	20
16	Профсоюз студентов	10	6,5	3,5	16,5
17	Выпускники	8	7,5	0,5	15,5
18	Заказчики обучения – родители абитуриентов и обучающихся	9	10,5	-1,5	19,5
19	Заказчики обучения – предприятия и организации	10,5	10,5	0	21

Квадрант 1: $0 \leq m < \frac{1}{2}$ знач. рангов; $0 \leq n < \frac{1}{2}$ знач. рангов.

Стейкхолдеры в квадранте и выявленные ценностные основания взаимодействия:

- общественные организации – репутационные, гражданские, проектные;
- организации и предприятия, являющиеся поставщиками, – рыночные;
- профсоюз работников – гражданские;
- Абитуриенты – рыночные, проектные.

Стратегия: наблюдать (минимальные усилия), исполнение обязательств и общая коммуникация в установленных рамках, в т.ч. для поддержания статуса надежного предсказуемого партнера для постепенного вовлечения в выстраиваемое инфополе.

Лидирующая ценность, возможные реализации: лидирующей ценности нет, интегрально подходят дайджесты, материалы в социальных медиа, юридические документы. Например, в отношении общественных организаций возможно информирование об образовательных программах и семинарах по развитию лидерских качеств и гражданского участия; поддержка и продвижение социальных проектов, в частности регионально значимых; участие в благотворительных и волонтерских акциях. Организациям и предприятиям-поставщикам возможно предложить

обучение и консультации по улучшению качества продукции и оптимизации производственных процессов. Абитуриентам можно предложить профориентационные мероприятия и консультации по выбору профессии; летние и зимние школы для подготовки к поступлению и адаптации к студенческой жизни.

Квадрант 2: $\frac{1}{2}$ знач. рангов $\leq m \leq$ макс. ранг; $0 \leq n < \frac{1}{2}$ знач. рангов.

Стейкхолдеры в квадранте и выявленные ценностные основания взаимодействия:

- государство – патриархальные, проектные, репутационные;
- органы муниципальной власти – патриархальные, проектные, репутационные;
- профессиональные экспертные сообщества – репутационные, индустриальные, вдохновенные;
- профсоюз студентов – гражданские, проектные;
- выпускники – рыночные, вдохновенные.

Стратегия: поддерживать удовлетворенность. Представители – сильные, но предсказуемые. Информирование адресное, периодическое, исполнение запросов приоритетное, показатели взаимодействия измеримые, доказательные. Коммуникация корректная, официальная. Возможно адресное обращение для актуализации текущих и будущих запросов.

Лидирующая ценность, возможные реализации: лидируют проектные и репутационные, в резерве патриархальные. Поэтому ценны действия с доказательной базой, имеющие измеримый эффект; отчеты, документы и аналитика емкие. Ценно предложение и организация совместных проектов и исследований, обращение к экспертизе стейкхолдеров квадранта. Например, укрепление сети контактов кафедр с выпускниками и последующее повторное вовлечение выпускников на позиции преподавателей-практиков.

Квадрант 3: $0 \leq m < \frac{1}{2}$ знач. рангов; $\frac{1}{2}$ знач. рангов $\leq n \leq$ макс. ранг.

Стейкхолдеры в квадранте и выявленные ценностные основания взаимодействия:

- другие ООВО региона – репутационные, гражданские;
- средства массовой информации – репутационные;
- институты и кафедры, учебно-вспомогательный персонал – гражданские, проектные;
- научно-педагогические работники, профессорско-преподавательский состав – вдохновенные, проектные;
- обучающиеся (объединенный совет, активы) – проектные, рыночные, репутационные;
- заказчики обучения – родители абитуриентов и обучающихся – рыночные;
- заказчики обучения – предприятия и организации – рыночные, индустриальные.

Стратегия: держать в курсе дел. Необходимо решить проблемы этих стейкхолдеров и определить их проблемные места. Могут формировать непредсказуемые запросы и ожидания, но в целом управляемые при использовании корректных каналов коммуникации и доказательной базы.

Лидирующая ценность, возможные реализации: лидирует смесь рыночных, репутационных и проектных ценностей. Необходима разработка продуктов (программ, проектов), базово направленных под каждую конкретную группу с позиции фасилитации и поиска решений. Однако возможна и интеграция для достижения эффекта новизны, исключительности и удержания внимания в русле коммуникации по приоритетам вуза.

Для других ООВО региона можно предложить совместные научно-образовательные проекты, что поможет укрепить репутацию обоих учреждений и развить гражданское взаимодей-

ствие. СМИ можно привлечь к сотрудничеству через предоставление эксклюзивных материалов о достижениях и мероприятиях университета. Для обучающихся – организовать проектное бюро, кейс-лабораторию, сформировать варианты по вовлечению в коммуникацию с отдельными структурными подразделениями, в частности с ориентацией на программируемое продуктивное, направленное на развитие установленных компетенций и навыков, взаимодействие с внешними заинтересованными сторонами (в частности, проект амбассадоров карьеры от центра карьеры ООВО).

Квадрант 4: $\frac{1}{2}$ знач. рангов $\leq m <$ макс. ранг; $\frac{1}{2}$ знач. рангов $\leq n \leq$ макс. ранг.

Стейкхолдеры в квадранте и выявленные ценностные основания взаимодействия:

- органы власти субъекта – патриархальные, проектные, репутационные;
- руководство ООВО – патриархальные;
- организации и предприятия (преимущественно ведущие деятельность в регионе), являющиеся работодателями – индустриальные, проектные, рыночные.

Стратегия: активно управлять развитием отношений. Самые важные стейкхолдеры, которые всегда активно участвуют в проекте. Могут представлять опасность, но также и открывать новые возможности. Всегда находятся ближе причастных лиц из предыдущей группы, поэтому коммуникация не только адресная, но и проективная.

Лидирующая ценность, возможные реализации: лидируют патриархальные и проектные. Ценно обращение к авторитетности и экспертизе, предложение мероприятий (проектов, программ) с измеримым эффектом для стейкхолдера с коммуникацией по личным контактам, установление доверительных, но признающих разницу статусов и значимости отношений коммуникации. Например, для органов власти субъекта важно не только исполнение нисходящих запросов, но и могут быть интересны проекты по разработке и внедрению новых образовательных программ и стандартов, направленных на развитие человеческого капитала региона. Предприятиям и организациям в таком случае можно предложить вариант реализации сетевых договоров для вовлечения в среду и процессы формирования компетенций обучающихся по образовательным программам, а также

позиции кейс-мейкеров, формирующих через актуальные бизнес-задания адресные запросы к конкретным группам обучающихся – будущих специалистов. Однако в их отношении первичным может быть снятие запроса на актуальные и перспективные темы исследований, в том числе по курсовым и дипломным проектам, и корректировка примерного перечня тем на основе результатов.

Портфельный подход к взаимодействию со стейкхолдерами позволяет достичь баланса между долгосрочной конкурентоспособностью ООВО и решением текущих проблем. Учет при его формировании не только целей, но и ценностных основ может позволить организации минимизировать необходимые финансовые затраты и запросы, завоевать доверие и затем по результатам эффективности первых реализованных программ подготавливать предложения к расширению инвестиций в образовательную организацию.

Проведенное ранжирование легло в основу разработки стратегической программы стейкхолдерского взаимодействия с ценностно-целевым (аксиологическим) подходом с раскрытием по параметрам, наполняющим интегральные блоки взаимодействия:

- развитие устойчивых долгосрочных партнерских связей с работодателями регионального и федерального уровней;
- содействие трудоустройству выпускников в соответствии с профилем подготовки и содействие развитию культуры взаимодействия участников карьерной коммуникации.

Программа развития взаимодействия ориентируется на региональные социально-экономические параметры и запросы и исходит из стратегических позиций общей стратегической программы развития ООВО.

■ ВЫВОДЫ И ДИСКУССИЯ

Учет ценностных оснований взаимодействия предоставляет ориентир для избрания способа реализации запросов и ожиданий заинтересованных сторон, что в отношении образовательных организаций в условиях ограниченного доверия и бюджетов может трансформироваться в конкурентное преимущество и поддерживать стратегические решения организации. На это накладывается в настоящее время и вход в положение, что новые приоритеты в условиях санкционного давления невозможно будет реализовать без снятия внутренних ограничений, которые не создают ценности для экономики, поддержки субъектов экономических отношений и инвестиций в развитие человеческого капитала [30, с. 16], которые могут принимать различные формы и форматы, вспомоществование чему возможно и на уровне ООВО, координирующих и развивающих стейкхолдерское взаимодействие.

Представленный ценностно-целевой подход, учет аксиологических основ взаимодействия стейкхолдеров, не исключаем, может нести риски экспертной переоценки и априорных суждений, однако позволяет установить рамки, форматы и программу взаимодействия, сформировать структурно-управленческие нарративы коммуникации с заинтересованными сторонами.

Вместе с тем, открыты перспективы ограничения рисков за счет дополнения исследованием ценностей, имеющих большее распространение и признанность инструментов анализа и стратегического определения, возможно, построение трехмерных визуальных моделей, объединяющих несколько параметров, более полно определяющих координаты стейкхолдера в системе взаимоотношений. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. SHARPLEY, C., & SIMMS, C. (2010). Stakeholder analysis in higher education: A case study of the University of Portsmouth. *Perspectives: Policy and Practice in Higher Education*, 14(1), 12–20. <https://doi.org/10.1080/13603100903458034>.
2. WAGNER MAINARDES, E., ALVES, H., & RAPOSO, M. (2012). A model for stakeholder classification and stakeholder relationships. *Management Decision*, 50(10), 1861–1879. <https://doi.org/10.1108/00251741211279648>.
3. TEMPLE, P. (2014). Handbook on the Entrepreneurial University. *London Review of Education*, (12), Article 10. <https://doi.org/10.18546/lre.12.2.10>.
4. MILLER, K., McADAM, M., & McADAM, R. (2014). The changing university business model: A stakeholder perspective. *R&D Management*, 44(3), 265–287. <https://doi.org/10.1111/radm.12064>.
5. McCANN, L., HUTCHISON, N., & ADAIR, A. (2021). Calibration of stakeholder influence in the UK higher education sector. *Studies in Higher Education*, 47(7),

1502–1523. <https://doi.org/10.1080/03075079.2021.1916908>.

6. HURTH, V., & STEWART, IA. S. (2022). Re-purposing Universities: The path to purpose. *Frontiers in Sustainability*, 2, Article 762271. <https://doi.org/10.3389/frsus.2021.762271>.

7. PAUCAR-CACERES, A., CAVALCANTI-BANDOS, M. F., QUISPE-PRieto, S. C., HUERTA-TANTALEAN, L. N., & WERNER-MASTERS, K. (2021). Using soft systems methodology to align community projects with sustainability development in higher education stakeholders' networks in a Brazilian university. *Systems Research and Behavioral Science*, 39(4), 750–764. <https://doi.org/10.1002/sres.2818>.

8. NGUYEN, N. P., & MOGAJI, E. (2022). Universities' Endowments in Developing Countries: The Perspectives, Stakeholders and Practical Implications. In *Re-imagining Educational Futures in Developing Countries* (pp. 261–282). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-88234-1_14.

9. RADKO, N., BELITSKI, M., & KALYUZHNOVA, Y. (2022). Conceptualising the entrepreneurial university: The stakeholder approach. *The Journal of Technology Transfer*. <https://doi.org/10.1007/s10961-022-09926-0>.

10. GERMAIN, E., KLOFSTEN, M., LÖFSTEN, H., & MIAN, S. (2023). Science parks as key players in entrepreneurial ecosystems. *R&D Management*, 53(4), 603–619. <https://doi.org/10.1111/radm.12536>.

11. LEAL FILHO, W., CAUGHMAN, L., PIMENTA DINIS, M. A., FRANKENBERGER, F., AZUL, A. M., & SALVIA, A. L. (2022). Towards symbiotic approaches between universities, sustainable development, and cities. *Scientific Reports*, (12), Article 011433. <https://doi.org/10.1038/s41598-022-15717-2>.

12. AUDRETSCH, D. B., & BELITSKI, M. (2021). A strategic alignment framework for the entrepreneurial university. *Industry and Innovation*, 29(2), 285–309. <https://doi.org/10.1080/13662716.2021.1941799>.

13. KOLA, A. M., & LEJA, K. (2017). The Third Sector in the Universities' Third Mission. In (Ed.) Management and Culture of the University. In Ł. Sulkowski (Ed.) *Management and Culture of the University* (vol. 6, pp. 99–125). <https://doi.org/10.3726/b10970>.

14. СОЛОДУХИН К. С. Стратегическое управление вузом как стейкхолдер-компанией : Монография. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2009. 289 с. EDN QXУВTV.

15. НАГОРНОВ В. А., ПЕРФИЛЬЕВА О. В. Оценка

роли вузов в региональном развитии: формирование устойчивых партнерств для взаимодействия // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2010. Т. 5, № 4. С. 60–86. EDN NDAHXS.

16. МЕДУШЕВСКИЙ Н. А., ПЕРФИЛЬЕВА О. В. Интерпретация третьей роли университетов на современном этапе // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. 2016. № 3 (5). С. 19–31. EDN УНСНАН.

17. САВИНОВ В. М., СТРЕКАЛОВСКИЙ В. Н. Учет интересов стейкхолдеров в управлении развитием образования // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2013. Т. 8, № 1. С. 87–99. EDN PXFLPZ.

18. ПОПОВА Е. С. Механизм взаимовлияния направлений регионального развития и стратегий вузов // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2012. № 2. С. 47–54. EDN PGGBZV.

19. КЛЕМШЕВ А. П., КУДРЯШОВА Е. В., СОРОКИН С. Э. Стейкхолдерский подход в реализации “третьей миссии” университетов // *Балтийский регион*. 2019. Т. 11, № 4. С. 114–135. DOI 10.592/2/2079-8555-2019-4-7. EDN KGBСAХ.

20. MITCHELL, R. K., AGLE, B. R., & WOOD, D. J. (1997). Toward a theory of stakeholder identification and salience: Defining the principle of who and what really counts. *The Academy of Management Review*, 22(4), 853. <https://doi.org/10.2307/259247>.

21. GAETE QUEZADA, R. (2012). Pluralist university government: An analysis proposal based on stakeholder theory. *RUSC. Revista de Universidad y Sociedad del Conocimiento*, (9), Article 1412. <https://doi.org/10.7238/rusc.v9i2.1412>.

22. ФУРТА С. Д., СОЛОМАТИНА Т. Б. Карта заинтересованных сторон – инструмент анализа окружения бизнеса // *Инициативы XXI века*. 2010. № 1. С. 22–27. EDN MCLHBL.

23. КРКАЌ, К. (2021). Stakeholder Mapping. In S. Idowu, R. Schmidpeter, N. Capaldi, L. Zu, M. del Baldo, & R. Abreu (Eds.) *Encyclopedia of Sustainable Management* (pp. 1–7). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-02006-4_353-1.

24. ЕЛИСЕЕВА В. А. Трудовая мотивация молодежи в современных российских условиях // *Master's Journal*. 2022. № 2. С. 100–113. EDN GIZTXS.

25. ЦЫГАНКОВА И. В., ПОТУДАНСКАЯ В. Ф., ЦЫВЭЙ Я. Факторы мотивации молодежи при выборе профессии // *Экономика труда*. 2019. Т. 6,

№ 4. С. 1545–1554. DOI [10.18334/et.6.4.41349](https://doi.org/10.18334/et.6.4.41349). EDN EНАНII.

26. МАНУКЯН А. А. Профессиональная мотивация у студенческой молодежи // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*. 2022. Т. 24, № 85. С. 35–40. DOI [10.37313/2413-9645-2022-24-85-35-40](https://doi.org/10.37313/2413-9645-2022-24-85-35-40). EDN IQАНСА.

27. ТОКАРЕВА А. А., БАРОНЕНЕ С. Г. Методика исследования вовлеченности сотрудников университета // *Университетское управление: практика и анализ*. 2019. Т. 23, № 1-2. С. 11–32. DOI [10.15826/umpra.2019.01-2.001](https://doi.org/10.15826/umpra.2019.01-2.001). EDN HPWLET.

28. ДОЛЖЕНКО Р. А., ДОЛЖЕНКО С. Б. Профессиональные экспертные сообщества и их роль в решении социально-экономических задач // *Вест-*

ник Омского университета. Серия: Экономика. 2019. Т. 17, № 3. С. 78–87. DOI [10.25513/1812-3988.2019.17\(3\).77-87](https://doi.org/10.25513/1812-3988.2019.17(3).77-87). EDN EFOIHУ.

29. ДОЛЖЕНКО С. Б., ДОЛЖЕНКО Р. А., ХАРЧЕНКО В. С., НАЗАРОВ А. В. Деятельность профессиональных экспертных сообществ: особенности мотивации участников и оценка их вовлеченности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 5 (165). С. 345–373. DOI [10.14515/monitoring.2021.5.1834](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1834). EDN URZZDL.

30. ДОЛЖЕНКО Р. А., НАЗАРОВ А. В. Социально-экономическое развитие страны в контексте санкционного давления // *Экономическое развитие России*. 2023. Т. 30, № 5. С. 8–18. EDN ТМВРНW.

REFERENCES

1. CHAPLEO, C., & SIMMS, C. (2010). Stakeholder analysis in higher education: A case study of the University of Portsmouth. *Perspectives: Policy and Practice in Higher Education*, 14(1), 12–20. <https://doi.org/10.1080/13603100903458034>.

2. WAGNER MAINARDES, E., ALVES, H., & RAPOSO, M. (2012). A model for stakeholder classification and stakeholder relationships. *Management Decision*, 50(10), 1861–1879. <https://doi.org/10.1108/00251741211279648>.

3. TEMPLE, P. (2014). Handbook on the Entrepreneurial University. *London Review of Education*, (12), Article 10. <https://doi.org/10.18546/lre.12.2.10>.

4. MILLER, K., McADAM, M., & McADAM, R. (2014). The changing university business model: A stakeholder perspective. *R&D Management*, 44(3), 265–287. <https://doi.org/10.1111/radm.12064>.

5. McCANN, L., HUTCHISON, N., & ADAIR, A. (2021). Calibration of stakeholder influence in the UK higher education sector. *Studies in Higher Education*, 47(7), 1502–1523. <https://doi.org/10.1080/03075079.2021.1916908>.

6. HURTH, V., & STEWART, IA. S. (2022). Re-purposing Universities: The path to purpose. *Frontiers in Sustainability*, 2, Article 762271. <https://doi.org/10.3389/frsus.2021.762271>.

7. PAUCAR-CACERES, A., CAVALCANTI-BANDOS, M. F., QUISPE-PRieto, S. C., HUERTA-TANTALEAN, L. N., & WERNER-MASTERS, K. (2021). Using soft systems methodology to align community projects with sustainability development in higher education stakeholders' networks in a Brazilian university. *Systems Research*

and Behavioral Science, 39(4), 750–764. <https://doi.org/10.1002/sres.2818>.

8. NGUYEN, N. P., & MOGAJI, E. (2022). Universities' Endowments in Developing Countries: The Perspectives, Stakeholders and Practical Implications. In *Re-imagining Educational Futures in Developing Countries* (pp. 261–282). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-88234-1_14.

9. RADKO, N., BELITSKI, M., & KALYUZHNOVA, Y. (2022). Conceptualising the entrepreneurial university: The stakeholder approach. *The Journal of Technology Transfer*. <https://doi.org/10.1007/s10961-022-09926-0>.

10. GERMAIN, E., KLOFSTEN, M., LÖFSTEN, H., & MIAN, S. (2023). Science parks as key players in entrepreneurial ecosystems. *R&D Management*, 53(4), 603–619. <https://doi.org/10.1111/radm.12536>.

11. LEAL FILHO, W., CAUGHMAN, L., PIMENTA DINIS, M. A., FRANKENBERGER, F., AZUL, A. M., & SALVIA, A. L. (2022). Towards symbiotic approaches between universities, sustainable development, and cities. *Scientific Reports*, (12), Article 011433. <https://doi.org/10.1038/s41598-022-15717-2>.

12. AUDRETSCH, D. B., & BELITSKI, M. (2021). A strategic alignment framework for the entrepreneurial university. *Industry and Innovation*, 29(2), 285–309. <https://doi.org/10.1080/13662716.2021.1941799>.

13. KOLA, A. M., & LEJA, K. (2017). The Third Sector in the Universities' Third Mission. In (Ed.) Management and Culture of the University. In Ł. Sułkowski (Ed.) *Management and Culture of the University* (vol. 6, pp. 99–125). <https://doi.org/10.3>

726/b10970.

14. SOLODUKHIN, K. S. (2009). *Strategic management of a university as a stakeholder company*. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. <https://elibrary.ru/qxybtv>.

15. NAGORNOV, V. A., & PERFIlyeva, O. V. (2010). Assessing the role of higher education institutions in regional development for sustainable partnership for cooperation. *International Organisations Research Journal*, 5(4), 60–86. <https://elibrary.ru/ndahsx>.

16. MEDUSHEVSKY, N. A., & PERFIlyeva, O. V. (2016). A contemporary interpretation of the universities' third role at present. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political science. History. International relationships. Foreign Regional Studies. Oriental Studies*, (3), 19–31. <https://elibrary.ru/yhcnan>.

17. SAVVINOV, V. M., & STREKALOVSKY, V. N. (2013). Meeting stakeholders' needs through effective university management. *International Organisations Research Journal*, 8(1), 87–99. <https://elibrary.ru/pxflpz>.

18. POPOVA, E. S. (2012). The mechanism of mutual influence between the directions of regional development and the strategies of universities. *Ars Administrandi*, (2), 47–54. <https://elibrary.ru/pggbzb>.

19. KLEMESHEV, A. P., KUDRYASHOVA, E. V., & SOROKIN, S. E. (2019). Stakeholder approach to the implementation of the 'third mission' of universities. *Baltic Region*, 11(4), 114–135. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-4-7>.

20. MITCHELL, R. K., AGLE, B. R., & WOOD, D. J. (1997). Toward a theory of stakeholder identification and salience: Defining the principle of who and what really counts. *The Academy of Management Review*, 22(4), 853. <https://doi.org/10.2307/259247>.

21. GAETE QUEZADA, R. (2012). Pluralist university government: An analysis proposal based on stakeholder theory. *RUSC. Revista de Universidad y Sociedad del Conocimiento*, (9), Article 1412. <https://doi.org/10.7238/rusc.v9i2.1412>.

22. FURTA, S. D., & SOLOMATINA, T. B. (2010). Stakeholder map as instrument for business environment analysis. *XXI Century Initiatives*, (1), 22–27. <https://elibrary.ru/mclhbl>.

elibrary.ru/mclhbl.

23. KRKAČ, K. (2021). Stakeholder Mapping. In S. Idowu, R. Schmidpeter, N. Capaldi, L. Zu, M. del Baldo, & R. Abreu (Eds.) *Encyclopedia of Sustainable Management* (pp. 1–7). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-02006-4_353-1.

24. ELISEEVA, V. A. (2022). Labor motivation of young people in modern Russian conditions. *Master's Journal*, (2), 100–113. <https://elibrary.ru/giztxs>.

25. TSYGANKOVA, I. V., POTUDANSKAYA, V. F., & ZIWEL, YA. (2019). Motivational factors for young people when choosing a profession. *Russian Journal of Labor Economics*, 6(4), 1545–1554. <https://doi.org/10.18334/et.6.4.41349>.

26. MANUKYAN, A. A. (2022). Professional motivation of students. *Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences Scientific Center. Social, Humanitarian, Medicobiological Sciences*, 24(85), 35–40. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2022-24-85-35-40>.

27. TOKAREVA, A. A., & BARONENE, S. G. (2019). University employee engagement study methodology. *Journal University Management: Practice and Analysis*, 23(1-2), 11–32. <https://doi.org/10.15826/umpa.2019.01-2.001>.

28. DOLZHENKO, R. A., & DOLZHENKO, S. B. (2019). Professional expert communities and their role in solving socio-economic problems. *Herald of Omsk University. Series: Economics*, 17(3), 78–87. [https://doi.org/10.25513/1812-3988.2019.17\(3\).77-87](https://doi.org/10.25513/1812-3988.2019.17(3).77-87).

29. DOLZHENKO, S. B., DOLZHENKO, R. A., KHARCHENKO, V. S., & NAZAROV, A. V. (2021). Activities of professional expert communities: Features of participants' motivation and assessment of their engagement. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5), 345–373. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1834>.

30. DOLZHENKO, R. A., & NAZAROV, A. V. (2023). Socio-economic development of the country in the context of sanctions pressure. *Russian Economic Developments*, 30(5), 8–18. <https://elibrary.ru/tmbphw>.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

О. В. Власова^а

^а Сургутский государственный педагогический университет
(Сургут, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Актуальность проблемы обусловлена необходимостью развития инновационного потенциала научно-педагогических работников (НПР), выступающих в качестве главного драйвера развития современного высшего образования в условиях реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». С учетом этого обстоятельства в статье раскрываются: понятие инновационного потенциала НПР; необходимость его создания и реализации; методологические подходы к его исследованию. Цель исследования – рассмотреть методологические подходы для исследования инновационного потенциала НПР.

Материалы и методы. В исследовании применен метод анализа научной литературы по вопросу изучения инновационного потенциала НПР вузов.

Результаты. Основные результаты, полученные в ходе исследования: 1. На фоне рассмотренных трактовок понятия инновационного потенциала НПР предложено его авторское понимание. 2. Сформулированы и раскрыты четыре основных методологических подхода к изучению инновационного потенциала НПР – системный, институциональный, ресурсный, общностный. Показано, что системный подход позволяет выделить структурные элементы и функции инновационного потенциала НПР как открытой и динамичной социальной системы, взаимодействующей с системой высшего образования. Выявлено, что институциональный подход дает возможность проанализировать нормативные рамки существования и реализации инновационного потенциала НПР. Определено, что с позиций ресурсного подхода возникает возможность проанализировать имеющиеся у НПР виды ресурсов, являющихся структурным компонентом инновационного потенциала. Установлено, что общностный подход позволяет рассмотреть НПР как социальную общность, реализующую свой инновационный потенциал на разных уровнях.

Обсуждение. В статье обсуждаются возможности применения методологических подходов к исследованию инновационного потенциала социальной общности НПР; на основе представленных подходов обсуждается необходимость разработки стратегии управления процессом становления и развития инновационного потенциала НПР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инновационный потенциал, потенциал, научно-педагогические работники, социальная общность, высшее учебное заведение

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Власова О. В. Инновационный потенциал научно-педагогических работников: методологические подходы к исследованию // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 2. С. 81-91. EDN KRFNBVT. DOI 10.22394/2304-3369-2024-2-81-91.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Власова Ольга Владимировна – кандидат социологических наук, доцент; Сургутский государственный педагогический университет (628400, Россия, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2) — *проректор по научной работе*; surgut_vlasov@mail.ru. SPIN-код: 2495-4271.

Статья поступила 25.12.2023; рецензия получена 31.01.2024; принята к публикации 07.04.2024.

INNOVATION POTENTIAL OF ACADEMIC TEACHING STAFF: METHODOLOGICAL APPROACHES TO RESEARCH

O. V. Vlasova^a

^a Surgut State Pedagogical University
(Surgut, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. The problem relevance is conditioned by the need to develop the innovative potential of academic teaching staff (ATS), who act as the main driver of the modern higher education development in the context of “Priority 2030” strategic academic leadership program implementation. Having this in mind, the article reveals the concept of ATS innovation potential; the need for its creation and implementation; methodological approaches to researching it. The research purpose is to consider methodological approaches for studying the ATS innovative potential.

Materials and methods. The work uses the method of analyzing scientific literature on the issue of studying the innovation potential of university ATS.

Results. The main results obtained in the course of the research are: 1. The author’s understanding of the concept of ATS innovation potential is proposed against the background of the considered interpretations. 2. Four main methodological approaches to researching the ATS innovation potential – systemic, institutional, resource-based, and community-based – are formulated and revealed. The systematic approach is shown as being able to highlight the structural elements and functions of the innovation potential of scientific and professional development as an open and dynamic social system interacting with the higher education system. The institutional approach makes it possible to analyze the regulatory framework for the existence and implementation of the ATS innovation potential. The resource approach provides for analyzing the types of resources, which are a structural component of innovation potential. In addition, the community approach allows us to consider ATS as a social community implementing its innovation potential at different levels.

Discussion. The article discusses the use of methodological approaches to researching the innovative potential of the ATS social community; based on the approaches given, the need to develop a strategy to manage the process of the ATS innovation potential development is considered.

KEYWORDS: innovation potential, potential, academic teaching staff, social community, higher education facility

FOR CITATION: Vlasova, O. V. (2024). Innovation potential of academic teaching staff: methodological approaches to research. *Management Issues*, 18(2), 81–91. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-2-81-91>

AUTHORS’ INFORMATION:

Olga V. Vlasova – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Surgut State Pedagogical University (10/2, VLKSM 50 years St., Surgut, 628400, Russia) — *vice-rector for research*; surgut_vlasov@mail.ru. RSCI SPIN: 2495-4271.

The article was submitted 11/03/2023; reviewed 12/22/2023; accepted for publication 01/25/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время одним из возможных путей развития высшего образования являются инновации – новшества, направленные на обновление содержания образования, организацию и управление учебным процессом, повышение его качества, внедрение инновационных технологий обучения, воспитания и оценки. Реализация приоритетных направлений государственной политики, внедрение инноваций определяется как грамотной инновационной стратегией университетов, так и профессиональной, и жизненной позицией научно-педагогических работников (далее – НПП). Эта социальная общность обладает способностью генерировать, внедрять и реализовывать инновационный потенциал в различных сферах вузовской жизни.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать возможности использования методологических подходов для разработки проблемы изучения инновационного потенциала НПП.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Статья написана на основе анализа научной литературы по вопросу изучения инновационного потенциала НПП вузов.

Исходя из общепризнанного тезиса, что инновации являются двигателем роста и важной компетенцией XXI века, S. Morad, N. Ragonis, M. Вагак анализируют множество определений инноваций и инновационного мышления, большинство из которых, по мнению авторов, носят весьма общий характер. Произведя анализ и синтез выборки из 100 определений инноваций из различных дисциплин, авторы представляют «концептуальную модель, состоящую из пяти когнитивных компетенций: определить потребность/проблему, генерировать новые/измененные идеи, разработать результат в соответствии с новыми/измененными идеями, реализовать новый/улучшенный результат и принять новый/улучшенный результат» [1, с. 100824].

S. Danks, J. Rao, J. M. Allen подчеркивают значимость способности организаций к инновациям, которая является определяющей в экономике знаний. Культура инноваций организации предсказывает организационную инновационность во многих отраслях. Исследователи ставят проблему измерения культуры инноваций, считая необходимым использовать методы факторного анализа [2].

Активно изучается специфика инноваций в образовании. G. Halász, исследуя концептуальные и аналитические основы изучения инновационных процессов в сфере образования, представляет результаты исследовательского проекта «Исследование инноваций» (в секторе образования Венгрии). Сопоставляя комплексные показатели инновационной активности в образовательных организациях с результатами национального опроса успеваемости учащихся, автор фиксирует взаимосвязь между инновационной активностью и успеваемостью [3].

Инновационные инициативы в образовании часто имеют проблемы с устойчивостью. G. M. Fix, M. Rikkerink, H. T. M. Ritzen, J. M. Pieters и др. в рамках интегрированной модели устойчивых инноваций и теории самоопределения выявляют основные особенности устойчивых образовательных инноваций [4].

Журнал «Innovative Higher Education» («Инновационное высшее образование») исследует различные векторы инноваций в высшей школе. Для целей нашего исследования обратим внимание на серию публикаций, в которых поднимаются вопросы поиска новых форм взаимодействия преподавательского сообщества с другими участниками образовательного процесса, формирования командного взаимодействия при внедрении инноваций в высшей школе. K. Jaskyte, A. Hunter и A. C. Mell обосновывают, что в современном обществе наиболее действенным является командный формат внедрения инноваций в университете. Авторы разработали комплексную модель междисциплинарных командных инноваций и пришли к выводу, «что члены команд, которые имели общее видение, были ориентированы на выполнение задач и любили дебаты, воспринимали свои команды как инновационные. С другой стороны, команды с когнитивным разнообразием, ориентированные на выполнение задач, имели более высокие инновационные показатели» [5]. K. N. Pryor, L. J. Steinberg представляют инновационный опыт организации успешного междисциплинарного сотрудничества в университете. «Междисциплинарное сотрудничество одновременно является и институциональным приоритетом, грандиозной организационной и культурной задачей. Авторы выявляет организационные, когнитивные, эмоциональные маркеры, которые способствуют налаживанию связей между преподавателями

в кампус для создания и укрепления междисциплинарного кампусного сообщества» [6]. J. Sun, H. Turner обращаются к поиску новых инновационных форм взаимодействия университетов и промышленности. Результаты показывают, как университеты и промышленность могут получить взаимную выгоду от сотрудничества, если они придерживаются того, что авторы называют структурой взаимодополняемости инвестиций: 1) стороны определяют и уточняют свои роли, действия и вклад в управление ожиданиями; 2) стороны участвуют в обмене обучением; 3) стороны открыты для опыта, включая непредвиденные, но позитивные результаты; 4) стороны извлекают выгоду из профессионального развития, направляя и наставляя студентов в качестве учеников [7].

Внимание к анализу процесса создания и внедрения инноваций в образовании побуждает исследователей более пристально анализировать специфику инновационного потенциала основного участника образовательного процесса – научно-педагогических работников (далее – НПР).

По мнению Т. Д. Ким, Е. С. Первухина, Е. А. Шмелевой, И. В. Шляхто, П. Сердюкова и др., инновационный потенциал НПР – это «способность и готовность общности осуществлять инновационную деятельность. При этом под способностью понимается наличие и сбалансированность структуры компонентов потенциала, а под готовностью – достаточность уровня развития потенциала» [8]. Инновационный потенциал – это «не только возможность создания новшеств, осуществления инноваций, но и готовность воспринять эти нововведения для последующего эффективного использования на различных уровнях» [8]. Инновационный потенциал НПР рассматривается как готовность НПР к созданию, освоению и распространению инновационных технологий в образовании [9]. А. В. Павлова трактует инновационный потенциал НПР как совокупность различных видов ресурсов, необходимых для осуществления инновационной деятельности [10].

Проведенный нами анализ позволяет зафиксировать следующее определение инновационного потенциала НПР: «Особое качество социальной общности, которое может быть представлено через совокупность ресурсов, определяющих объемы ее участия в образовательной, научно-исследовательской, учебно-методиче-

ской, управленческой и воспитательной деятельности, необходимых для достижения инновационных целей и задач вуза» [см. подробнее: 11].

Результаты исследования. Можно выделить ряд общеметодологических подходов к исследованию инновационного потенциала НПР вузов: системный, институциональный, общностный и ресурсный подходы.

Прежде всего, обратимся к самому термину «подход». Он означает совокупность универсальных категорий и принципов исследования социальных явлений, процессов и систем [12]. Анализ перечисленных выше общеметодологических подходов к проблеме изучения инновационного потенциала НПР вуза позволил определить конкретизирующие их универсальные принципы, среди которых мы выделяем: системность, структурность, функциональность, связь с окружающей средой.

Одним из основополагающих методологических подходов для нас выступает системный [13]. Эвристическая ценность использования системного подхода в образовании подтверждена многими исследованиями: П. З. Бостонова, И. С. Клименко используют его для оценки качества высшего образования [14; 15]; Е. Н. Ивахненко, С. А. Лаптенок через призму системного подхода анализируют отечественное образование как объект управления [16; 17]. С позиций системного подхода инновационный потенциал НПР анализируется, с одной стороны, в качестве самостоятельной системы по отношению к элементам, составляющим в своей взаимосвязи его структуру и выполняющим определенные функции, а с другой – как подсистемы систем более высокого уровня – высшего образования и общества в целом [18].

В рамках системного подхода анализируются следующие ключевые роли НПР: организация учебного процесса, учебно-методическое обеспечение образовательного процесса, научно-исследовательская деятельность научных коллективов и обучающихся, реализация программ воспитания, в целом управления процессами, в которые включены НПР, и др.

Инновационный потенциал НПР предопределяет их возможности и готовность к инновационным практикам, поэтому мы рассматриваем его как интегративное качество членов научно-образовательной общности НПР, реализуемое в различных видах их профессиональной

деятельности. Системный подход к исследованию инновационного потенциала НПП, стремление выявить его социальную сущность и направленность, структуру и функции, значение для системы образования и общества позволяют рассматривать его во взаимосвязи и взаимодействии видов профессиональной деятельности НПП [18, с. 110]. Например, в образовательной деятельности инновационный потенциал проявляется через проектирование новых актуальных образовательных программ, реализацию дополнительных профессиональных образовательных программ, разработку индивидуальных маршрутов (траекторий) образования и др.

В научно-исследовательской деятельности инновационный потенциал НПП реализуется через: инновационные прикладные и фундаментальные исследования; отражение результатов инновационных научных исследований в научных изданиях I и II квартилей, а также научных изданиях, индексируемых в базе данных RSCI, *Web of Science Core Collection*, *Scopus*; распоряжение исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности; представление результатов инновационной научной деятельности на высокостатусных международных и всероссийских конференциях, а также участие в конкурсах грантов, учрежденных международными, федеральными и региональными научными фондами и органами власти и др.

В учебно-методической деятельности инновационный потенциал НПП представлен следующими инновациями: обновление содержания учебных дисциплин; использование инновационных образовательных технологий, методов, приемов обучения; разработка инновационных форм контроля компетенций обучающихся; написание новых учебных и учебно-методических пособий; внедрение в учебный процесс инновационных информационных технологий [19].

На наш взгляд, особенно важно исследовать инновационный потенциал современных образовательных технологий. В настоящее время от качества инновационных технологий (в том числе цифровых), реализуемых в учебном процессе, зависит качественный результат обучения в вузе.

В управленческой деятельности инновационный потенциал НПП реализуется через использование стратегий менеджмента и маркетинга в профессиональной деятельности, например, при разработке и продвижении новой образователь-

ной программы, наборе обучающихся на направление подготовки, проектировании бюджета.

В воспитательной деятельности инновационный потенциал НПП представлен актуальными воспитательными технологиями, в том числе цифровыми (технологии геймификации, компьютерные тренажеры и симуляторы, технологии компьютерного моделирования); новыми формами просветительской деятельности; проектной деятельностью с обучающимися; методиками внедрения воспитательных практик развития креативного мышления студентов; созданием креативных продуктов воспитательной деятельности.

Таким образом, инновационный потенциал НПП представлен во всех основных видах их профессиональной деятельности. Благодаря взаимосвязи и взаимодействию между ними формируется целостность и системность инновационного потенциала НПП в вузе.

Исходя из перечисленных характеристик инновационного потенциала НПП как подсистемы высшего образования, можно выделить различные уровни его реализации. Высший уровень – уровень реализации инновационного потенциала НПП и их коллективов (научные школы, научные коллективы, коллективы кафедр), характеризующихся творческими возможностями достижения поставленных стратегических целей профессиональной деятельности в полном объеме. Средний уровень – уровень реализации инновационного потенциала НПП и их коллективов, характеризующихся воспроизводимыми возможностями достижения тактических целей профессиональной деятельности (хотя и не всегда в полном объеме). Низший уровень – уровень реализации инновационного потенциала НПП и их коллективов, деятельность которых характеризуется выборочным обобщением инновационных практик в их профессиональной сфере.

Инновационный потенциал НПП, с позиций системного подхода, обладает рядом специфических свойств, такими как динамизм, открытость и самоорганизация.

Таким образом, системный подход к изучению инновационного потенциала НПП означает его анализ в единстве, комплексности и целостности, в тесной взаимосвязи его элементов как друг с другом, так и с окружающей средой, включая основные сферы и структуры образования и общественной жизни.

Исследование системы высшего образования с позиций институционального подхода широко представлено в современных работах. Ю. А. Бурдельная, С. М. Панчишин фиксируют внимание на корректности использования понятийного аппарата [20; 21]; Молокова Е. А. изучает теоретико-методологические основы анализа институциональной среды высшей школы [22]; О. В. Опрятова, А. В. Рачипа с позиций институционального подхода рассматривают процесс внедрения инноваций в образовании, обращая особое внимание на институционализацию цифрового образования [23; 24]. Применительно к целям нашего исследования институциональный подход позволяет изучить влияние различных социальных институтов и их трансформаций на возникновение и изменение институциональных норм реализации инновационного потенциала НПП в вузах. Насколько существующие и изменяющиеся регламенты, формальные и неформальные правила и нормы способствуют раскрытию инновационного потенциала НПП.

Использование институционального подхода в разработке концепции инновационного потенциала НПП позволяет проанализировать один из векторов такой трансформации – встраивание инновационного потенциала НПП в современный институт высшего образования и реализация его функций. Так, например, внедрение программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» остро обозначило вопрос о готовности научно-педагогических работников вузов страны реализовывать новые цели и траектории академического развития. В связи с этой ситуацией актуальной исследовательской проблемой становится анализ инновационного потенциала НПП российских университетов, а также поиск возможностей его развития и более эффективной реализации.

Таким образом, институт высшего образования должен способствовать усилению социальных связей как внутри научно-образовательной общности НПП вуза, так и с другими вузовскими социальными общностями. Тем самым создаются условия для реализации желательного, с точки зрения современных требований общества, поведения социальных общностей. В границах внутринституциональной деятельности образовательных учреждений должны быть созданы условия развития инновационного потенциала НПП.

Следующим методологическим подходом, рассматриваемым нами в качестве методологической базы концепции инновационного потенциала НПП, выступает общностный подход, традиции которого были заложены в классической социологии [25]. Эвристическая ценность данного подхода обоснована в исследованиях классиков современной российской социологии [26; 27].

В разрабатываемой концепции инновационного потенциала данный подход дает возможность анализировать НПП как тип социальной общности, включенной в структуру как системы, так и института высшего образования. Социальная общность НПП является, с одной стороны, элементом системы высшего образования, будучи включенной в ее образовательные организации и учреждения, с другой стороны, она выступает элементом института высшего образования на правах ключевой общности в структуре вуза, выступая субъектом реализации ее инновационного потенциала.

Основные принципы общностного подхода, такие как функциональность, системность, структурность, связь с окружающей средой, а также принцип парности (тесно связанные между собой вузовские общности НПП и студентов), позволяют: рассматривать НПП в качестве субъекта не только общественных связей и взаимодействий, но и инновационных отношений различных элементов общества; структурировать и типологизировать общность НПП по степени их включенности в практики инновационной деятельности.

Мы можем рассматривать НПП как социальную общность в силу наличия у них соответствующих признаков, таких как ценностные ориентации на инновационную деятельность, нормы, правила и образцы инновационного поведения, идентичность, характер социальных связей участников общности, схожесть условий жизни и деятельности в определенном пространственно-временном континууме. Базовые характеристики общностного подхода подробно изложены в авторском исследовании, посвященном инновационному потенциалу научно-педагогических работников вуза.

Ранее автором были выделены базовые характеристики инновационного потенциала НПП вузов: «во-первых, это доминанта научно-образовательных функций (педагогической, науч-

ной, воспитательной) в профессиональной деятельности НПП; во-вторых, взаимодействие с другими образовательными и иными вузовскими общностями в процессе профессиональной деятельности; в-третьих, использование социальных, интеллектуальных, научных, темпоральных ресурсов (как видов капитала) в тесной связи с требованиями научно-образовательной деятельности; в-четвертых, идентификация себя с главным (одним из главных) субъектом высшего образования; в-пятых, профессиональная деятельность на основе осознания принципа парности (неразрывной связи преподавателя и студента) как одного из ведущих в высшем образовании»¹.

Таким образом, общностный подход к изучению инновационного потенциала НПП позволяет говорить об особом типе социальности, который образуют НПП со схожими целями, задачами, интересами в рамках инновационной деятельности.

Для осуществления инновационной деятельности у общности НПП должны быть ресурсы – «средства и способы, посредством которых в процессе производства и воспроизводства социальных практик включаются отношения преобразования» [28]. Доступ к уникальным ресурсам и их способность удовлетворять актуальные потребности НПП способствуют повышению привлекательности членства в этой общности.

Следовательно, еще одним методологическим подходом, необходимым для исследования инновационного потенциала НПП, выступает ресурсный подход. Его суть заключается в анализе ресурсности общности НПП. Это необходимо для формирования адекватного представления о потенциале НПП. Полученная информация может быть использована руководителями вузов для прогнозирования результатов реализации стратегий и программ развития университетов в современных условиях.

В научной литературе существует большое количество теорий и классификаций ресурсов [29]². Ресурсный подход, основанный на поня-

тиях экономического и неэкономического капитала, связанных с именами К. Маркса, П. Бурдьё, Э. Соренсена, М. Кастельса, У. Бека и ряда других социологов, является для нас и других исследователей одним из основополагающих. Мы подчеркиваем значение ресурсов для реализации инновационного потенциала НПП.

Отметим, что понятие инновационного потенциала включает в себя различные виды капитала (как одного из основных ресурсов): человеческий капитал – квалификация, образование, компетенции НПП, являющихся членами социальной общности, реализующей инновационную деятельность; культурный капитал – знание, навыки, ценности, владение достижениями культуры, представления НПП и т. п., позволяющие реализовывать инновации в профессиональной деятельности; экономический капитал – совокупность всех материальных средств НПП и др.; социальный капитал – социальные связи за счет вхождения в социальную общность НПП, обеспечивающие доступ к ресурсам, способствующим реализации инновационного потенциала.

Социальный капитал представляет собой один из ключевых ресурсов социальной общности. Под социальным капиталом научно-педагогических работников (НПП) мы понимаем социальные связи и взаимоотношения, которые формируются в процессе их совместной инновационной деятельности. Эти связи и отношения обеспечивают НПП возможность удовлетворения их профессиональных потребностей и интересов через участие в существующих и создание новых инновационных практик.

стия в грантовых и инициативных проектах, хозяйственных работах, стремление и способность получать значимые инновационные научные результаты и др.); публикационный ресурс (публикационная активность, её качество и др.); ресурс научно-педагогической квалификации (реальный уровень научно-педагогической квалификации, активность НПП в области академического развития); символический ресурс («продуктивность» званий, учёных степеней, наград, экспертных статусов и др.); морально-идеологический ресурс (уровень знания, понимания, принятия целей стратегии развития вуза, а также готовности НПП к участию в её реализации в новых условиях общества травмы); ресурс научных коллективов (наличие научных коллективов, школ и групп, их традиции и социальный капитал); коммуникативный ресурс (качество и плотность научных коммуникаций и др.); темпоральный ресурс (ресурсы социального времени НПП, возраст и др.); ресурс наставничества (ресурсы НПП, необходимые для воспроизводства научно-педагогических кадров, в том числе мотивация, компетенции наставничества и др.); образовательно-педагогический ресурс (ресурсы НПП, необходимые для формирования кадров для новой экономики, включая профессиональную и академическую мобильность, взаимодействие с практиками, современное знание отрасли) и др.»

¹ Власова О. В. Инновационный потенциал научно-педагогических работников вуза // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29, № 3. С. 183-195.

² Среди различных типологий ресурсов выделим следующие: «социально-демографический ресурс (общая характеристика НПП вуза, их численность, динамика, гендерная, возрастная, стажевая, должностная структура); исследовательский ресурс (активность и/или готовность участия

Ресурсный подход позволяет объединить институциональный и общностный подходы путем анализа институциональных и внеинституциональных ресурсов как самого института высшего образования, так и общности научно-педагогических работников (НПР) в качестве его составной части.

Институциональные ресурсы научно-педагогических работников (НПР) включают их права, свободы и обязанности, а также материальную и нематериальную государственную поддержку для обеспечения жизнедеятельности НПР. Кроме того, к таким ресурсам можно отнести возможности обращения в СМИ, общественные организации и использование различных организационно-правовых форм для решения проблем. Эти ресурсы могут быть как внутренними, так и внешними.

Внеинституциональные ресурсы общности НПР представляют собой ресурсы, которые они приобретают через неформальные связи и отношения с коллегами, членами неформальных объединений, созданных для удовлетворения их потребностей и интересов.

Эти внеинституциональные ресурсы включают «сильные» и «слабые» связи. «Сильные связи», возникающие в локальных постоянно взаимодействующих группах (например, временные научно-исследовательские коллективы), создают основу для органической солидарности, доверия НПР друг к другу, а также возможности получения информации и контроля за соблюдением социальных норм. «Слабые связи» соединяют НПР, вовлеченные в различные структуры и сферы общества, что расширяет их информационное пространство и позволяет консолидировать ресурсы локальных подобщностей НПР. Таким образом, институциональные и внеинституциональные ресурсы являются важными для общности НПР, обеспечивая как формальную, так и неформальную поддержку и возможности для их научно-педагогической деятельности.

Институциональные ресурсы рассматриваются исследователями как актуальные или потенциальные ресурсы, к которым НПР имеют доступ в силу их статуса и который дает им возможность использовать эти ресурсы. Институциональный подход определяет границы между институциональными и внеинституциональными ресурсами НПР, демонстрирует специ-

фику неформальных структур как источника накопления ресурсов и компенсации дефицита институциональной поддержки для их инновационной деятельности.

В свою очередь, общностный подход рассматривает ресурсы как общностнообразующий признак. Один из основных аспектов объединения НПР заключается в их схожих ресурсах, а также в необходимости дополнения ресурсов и компенсации дефицита у одних НПР за счет ресурсов других.

Обсуждение и заключение. В статье представлены возможности использования методологических подходов для исследования инновационного потенциала научно-педагогических работников (НПР). В результате вторичного анализа научной литературы было установлено, что системный, институциональный, общностный и ресурсный подходы являются ключевыми для разработки концепции инновационного потенциала НПР вузов. Эти подходы позволяют рассматривать инновационный потенциал НПР как сложный социальный феномен – социальную систему, социальный институт, социальную общность и важный ресурс, а также изучать процессы и механизмы его формирования.

1. Системный подход позволяет выделить структурные элементы и функции инновационного потенциала НПР как открытой и динамичной социальной системы, взаимодействующей с другими системами общества, такими как высшее образование и государство.

2. Институциональный подход анализирует нормативные рамки существования и реализации инновационного потенциала НПР, систем высшего образования и государства, а также их структурные элементы.

3. Ресурсный подход, основанный на принципах устойчивости, развития, гибкости и адаптивности, позволяет изучить ресурсность НПР, выявить традиционные и инновационные источники формирования ресурсов НПР, а также проанализировать структуру и взаимосвязь различных видов ресурсов.

4. Общностный подход позволяет рассматривать НПР не только как совокупность индивидов, но и как социальную общность, реализующую свой инновационный потенциал на разных уровнях.

Таким образом, на основе представленных подходов возможно предложить ряд условий

становления и развития инновационного потенциала НПП – как в системе высшего образования в целом, так и в отдельных вузах. Среди этих условий можно назвать следующие: изменение соотношения объема учебной и научно-исследовательской деятельности (от соотношения 70/30 к 50/50), что создаст дополнительные условия для развития и реализации инновационного потенциала НПП; содействие становлению и развитию научных школ и научных коллективов; финансовое обеспечение актуальных

научно-исследовательских проектов; поддержка и стимулирование инновационных практик в профессиональной деятельности НПП и др. Внедрение стратегий управления благодаря использованию инновационного потенциала НПП создаст условия, способствующие преодолению имитационности в образовании, а также даст возможность научно-педагогическим работникам творчески достигать поставленных стратегических целей их профессиональной деятельности в полном объеме. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- MORAD, S., RAGONIS, N., & BARAK, M. (2021). An integrative conceptual model of innovation and innovative thinking based on a synthesis of a literature review. *Thinking Skills and Creativity*, (40), Article 100824. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2021.100824>.
- DANKS, S., RAO, J., & ALLEN, J. M. (2017). Measuring culture of innovation: A validation study of the innovation quotient instrument (Part one): Culture of innovation. *Performance Improvement Quarterly*, 29(4), 427–454. <https://doi.org/10.1002/piq.21236>.
- HALÁSZ, G. (2018). Measuring innovation in education: The outcomes of a national education sector innovation survey. *European Journal of Education*, 53(4), 557–573. <https://doi.org/10.1111/ejed.12299>.
- FIX, G. M., RIKKERINK, M., RITZEN, H. T. M., PIETERS, J. M., & KUIPER, W. A. (2020). Learning within sustainable educational innovation: An analysis of teachers' perceptions and leadership practice. *Journal of Educational Change*, 22(1), 131–145. <https://doi.org/10.1007/s10833-020-09410-2>.
- JASKYTE, K., HUNTER, A., & MELL, A. C. (2023). Predictors of interdisciplinary team innovation in higher education institutions. *Innovative Higher Education*, 49(1), 113–132. <https://doi.org/10.1007/s10755-023-09676-3>.
- PRYOR, K. N., & STEINBERG, L. J. (2023). Fostering an interdisciplinary campus community: Faculty hiring committee-work as successful interdisciplinary collaboration. *Innovative Higher Education*, 48(5), 813–835. <https://doi.org/10.1007/s10755-023-09655-8>.
- SUN, J. C., & TURNER, H. A. (2022). The complementarity investment in university-industry collaboration. *Innovative Higher Education*, 48(3), 539–556. <https://doi.org/10.1007/s10755-022-09641-6>.
- ШЛЯХТО И. В. Методика и результаты исследования факторов, отражающих инновационный потенциал региона // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2007. Т. 1, № 1. С. 149–156. EDN MUMNMP.
- SERDYUKOV, P. (2017). Innovation in education: What works, what doesn't, and what to do about it. *Journal of Research in Innovative Teaching & Learning*, 10(1), 4–33. <https://doi.org/10.1108/jrit-10-2016-0007>.
- ПАВЛОВА А. В., ПАРФИЛОВА Р. Р. К вопросу о сущности и структуре регионального инновационного потенциала // *Европейский журнал социальных наук*. 2014. № 3-1 (42). С. 435–444. EDN SHNHCR.
- ВЛАСОВА О. В. Инновационный потенциал НПП вуза: понятие, структура, функции // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2023. № 5 (86). С. 21–29. DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.002. EDN AUNYDH.
- ПОЧЕСТНЕВ А. А. Социология управления. Теоретико-прикладной словарь // *Социологические исследования*. 2015. № 10 (378). С. 164–166. EDN UYLXDN.
- ЛУМАН Н. Социальные системы. Очерк общей теории : Монография. Санкт-Петербург : Наука, 2007. EDN QOHQND.
- БОСТОНОВА П. З., АЗИМОВА А. А., ТОРОВЕКОВ Б. Т. Системный анализ компонентов оценки качества высшего образования // *Известия Кыргызского государственного технического университета им. И. Раззакова*. 2022. № 3 (63). С. 55–64. DOI 10.56634/16948335_2022_3_55. EDN YCNLVM.
- КЛИМЕНКО И. С. Управление качеством образования: опыт системного анализа и институционализации : Монография. Москва : «КДУ», «Добросвет», 2021. 253 с. DOI 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1193-1-2021-253. EDN SISSMG.

16. **Ивахненко Е. Н.** Отечественное образование как система и объект управления // *Высшее образование в России*. 2018. Т. 27, № 8-9. С. 9–23. DOI 10.31992/0869-3617-2018-27-8-9-9-23. EDN УУХКНА.

17. **Лаптенок С. А.** Системный подход и системный анализ в структуре современного высшего образования // *Вопросы организации и информатизации здравоохранения*. 2017. № 1 (90). С. 46–48. EDN YRJHTD.

18. **Зборовский Г. Е., Амбарова П. А.** Социология высшего образования : Монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. 539 с. EDN XRTKJM.

19. **Бордовская Н. В., Кошкина Е. А., Бочкина Н. А.** Образовательные технологии в современной высшей школе (анализ отечественных и зарубежных исследований и практик) // *Образование и наука*. 2020. Т. 22, № 6. С. 137–175. DOI 10.17853/1994-5639-2020-6-137-175. EDN YBGQYZ.

20. **Бурдельная Ю. А.** Институциональное многообразие высшего образования: концептуализация понятий // *Современные исследования социальных проблем*. 2015. № 12. С. 154–161. DOI 10.12731/2218-7405-2015-12-15. EDN VOATHN.

21. **Панчишин С. М., Гринькевич О. С.** Понятийный аппарат институционального анализа конкурентоспособности системы высшего образования // *Экономика развития*. 2017. № 1 (81). С. 50–58. EDN Y1VQNH.

22. **Молокова Е. А.** Теоретические подходы к понятию институциональной среды высшего образования в условиях интернациональных трансформаций // *Европейский журнал социальных*

наук. 2016. № 3. С. 137–144. EDN XALHNZ.

23. **Опрятова О. В.** Институциональные механизмы осуществления инноваций на региональном рынке образовательных услуг // *Экономические и гуманитарные науки*. 2021. № 9 (356). С. 3–12. DOI 10.33979/2073-7424-2021-356-9-3-12. EDN VWXAPR.

24. **Рачипа А. В., Латышева А. Т., Самыгин С. И.** Институционализация цифрового образования высшей школы: социологический анализ проблемы социализации молодежи // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. 2021. Т. 14, № 3. С. 52–60. DOI 10.17213/2075-2067-2021-3-52-60. EDN HEAFVZ.

25. **Теннис Ф.** Общность и общество // *Социологический журнал*. 1998. № 3-4. С. 206–229. EDN PZQJXL.

26. **Зборовский Г. Е.** Теория социальной общности : Монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. 300 с. EDN QOKBWW.

27. **Ядов В. А.** Размышления о предмете социологии // *Социологические исследования*. 1990. № 2. С. 3–16. EDN YJCRST.

28. **Гидденс Э.** Устроение общества. Очерк теории структуризации : Монография. Москва : Академический Проект, 2005. 528 с. EDN TNIRKP.

29. **Зборовский Г. Е., Амбарова П. А., Каташинских В. С., Кеммет Е. В.** Ресурсность научно-педагогического сообщества университетов УрФО: опыт качественного исследования // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32, № 5. С. 71–88. DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88. EDN AJWHUY.

REFERENCES

1. MORAD, S., RAGONIS, N., & BARAK, M. (2021). An integrative conceptual model of innovation and innovative thinking based on a synthesis of a literature review. *Thinking Skills and Creativity*, (40), Article 100824. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2021.100824>.

2. DANKS, S., RAO, J., & ALLEN, J. M. (2017). Measuring culture of innovation: A validation study of the innovation quotient instrument (Part one): Culture of innovation. *Performance Improvement Quarterly*, 29(4), 427–454. <https://doi.org/10.1002/piq.21236>.

3. HALÁSZ, G. (2018). Measuring innovation in education: The outcomes of a national education sector innovation survey. *European Journal of Education*, 53(4), 557–573. <https://doi.org/10.1111/ejed.12299>.

4. FIX, G. M., RIKKERINK, M., RITZEN, H. T. M., PIETERS, J. M., & KUIPER, W. A. (2020). Learning with-in sustainable educational innovation: An analysis of teachers' perceptions and leadership practice. *Journal of Educational Change*, 22(1), 131–145. <https://doi.org/10.1007/s10833-020-09410-2>.

5. JASKYTE, K., HUNTER, A., & MELL, A. C. (2023). Predictors of interdisciplinary team innovation in higher education institutions. *Innovative Higher Education*, 49(1), 113–132. <https://doi.org/10.1007/s10755-023-09676-3>.

6. PRYOR, K. N., & STEINBERG, L. J. (2023). Fostering an interdisciplinary campus community: Faculty hiring committee-work as successful interdis-

ciplinary collaboration. *Innovative Higher Education*, 48(5), 813–835. <https://doi.org/10.1007/s10755-023-09655-8>.

7. SUN, J. C., & TURNER, H. A. (2022). The complementarity investment in university-industry collaboration. *Innovative Higher Education*, 48(3), 539–556. <https://doi.org/10.1007/s10755-022-09641-6>.

8. SHLYAKHTO, I. V. (2007). Methodology and results of the study of factors reflecting the innovative potential of the region. *Scientific bulletins of Belgorod State University. Series: History. Political science. Economy. Computer science*, 1(1), 149–156. <https://elibrary.ru/mumnmmp>.

9. SERDYUKOV, P. (2017). Innovation in education: What works, what doesn't, and what to do about it. *Journal of Research in Innovative Teaching & Learning*, 10(1), 4–33. <https://doi.org/10.1108/jrit-10-2016-0007>.

10. PAVLOVA, A. V., & PARFILOVA, R. R. (2014). To the question of essence and structure of regional innovative potential. *European Journal of Social Sciences*, (3-1), 435–444. <https://elibrary.ru/shnhcr>.

11. VLASOVA, O. V. (2023). Innovative potential of scientific and pedagogical workers of the university: Concept, structure, functions. *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, (5), 21–29. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.86.5.002>.

12. POCHESNEV, A. A. (2015). Sociology of management and administration. Applied theoretical vocabulary. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (10), 164–166. <https://elibrary.ru/uylxdn>.

13. LUHMANN, N. (2007). *Social systems. Outline of general theory*. Nauka. <https://elibrary.ru/qohqnd>.

14. BOSTONOVA, P. Z., AZIMOVA, A. A., & TOROBEKOV, B. T. (2022). System analysis of the components higher education quality assessment. *Journal Kyrgyz State Technical University After Named I. Razzakov*, (3), 55–64. https://doi.org/10.56634/16948335_2022_3_55.

15. KLIMENKO, I. S. (2021). *Education quality management: Experience of system analysis and institutionalization*. “KDU”, “Dobrosvet”. <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1193-1-2021-253>.

16. IVAKHNENKO, E. N. (2018). Domestic education as a system and object of management. *Higher Education in Russia*, 27(8-9), 9–23. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-8-9-9-23>.

17. LAPTENOK, S. A. (2017). System approach and system analysis in modern higher education structure. *Issues of Organization and Informatization of Healthcare*, (1), 46–48. <https://elibrary.ru/yjrjhtd>.

18. ZBOROVSKY, G. E., & AMBAROVA, P. A. (2019).

Sociology of Higher Education. Humanitarian University. <https://elibrary.ru/xrtkjm>.

19. BORDOVSKAYA, N. V., KOSHKINA, E. A., & BOCHKINA, N. A. (2020). Educational technologies in modern higher education institutions (analysis of Russian and foreign research and practice). *Education and Science Journal*, 22(6), 137–175. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-6-137-175>.

20. BURDELNAYA, YU. A. (2015). Institutional diversity in higher education: Conceptualization of notions. *Modern Research of Social Problems*, (12), 154–161. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-12-15>.

21. PANCHISHIN, S. M., & GRINKEVICH, O. S. (2017). The conceptual apparatus for institutional analysis of the higher education system competitiveness. *Economics of Development*, (1), 50–58. <https://elibrary.ru/yibqhx>.

22. MOLOKOVA, E. L. (2016). Theoretical approaches to the concept of the institutional environment of higher education in the conditions of the international transformations. *European Journal of Social Sciences*, (3), 137–144. <https://elibrary.ru/xalhnz>.

23. OPRYATOVA, O. V. (2021). Institutional mechanisms for implementing innovations in the regional market of educational services. *Economic and Humanitarian Sciences*, (9), 3–12. <https://doi.org/10.33979/2073-7424-2021-356-9-3-12>.

24. RACHIPA, A. V., LATYSHEVA, A. T., & SAMYGIN, S. I. (2021). Institutionalization of digital education in higher education: A sociological analysis of the problems of socialization of youth. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 14(3), 52–60. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-3-52-60>.

25. TENNIS, F. (1998). Gemeinschaft und Gesellschaft. *Sociological Journal*, (3-4), 206–229. <https://elibrary.ru/pzqjxl>.

26. ZBOROVSKY, G. E. (2009). *Community theory*. Humanitarian University. <https://elibrary.ru/qokbwv>.

27. YADOV, V. A. (1990). Reflections on the subject of sociology. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (2), 3–16. <https://elibrary.ru/yjcrst>.

28. GIDDENS, A. (2005). *The Structure of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Academic Project. <https://elibrary.ru/tnrjpk>.

29. ZBOROVSKY, G. E., AMBAROVA, P. A., KATASHINSKIKH, V. S., & KEMMET, E. V. (2023). Resource capacity of academic staff of Ural federal district universities: Qualitative research. *Higher Education in Russia*, 32(5), 71–88. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-71-88>.

Информация для авторов

Статьи направляются на электронную почту редакции management-ui@ranepa.ru. Представляемая статья должна соответствовать структуре IMRAD и включать разделы:

- введение;
- материалы и методы;
- результаты;
- обсуждение.

В случае необходимости допустимо включать раздел «Обзор литературы».

Объем статьи должен составлять 30–40 тыс. знаков с пробелами. Тексты рукописей с заимствованием более 15 % и (или) уровнем оригинальности текста менее 70 % не могут быть опубликованы в журнале. Допускается не более 10 % самоцитирования.

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Должны иметь последовательную нумерацию и не превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название (на русском и английском языке).

Ссылки оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по списку и страниц, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Список источников должен содержать не менее 20 единиц, из которых не менее 10 должны быть датированы не менее чем 3 годами ранее момента публикации и из которых не менее 3 источников должны индексироваться международными базами цитирования (Web of Science или Scopus).

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников) и может включать в себя следующие типы источников: монография, статья в рецензируемом научном журнале, диссертация или автореферат к ней, статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции. Иные источники должны оформляться в виде постраничных сносок либо, по мере возможности, упоминаться непосредственно в тексте.

Обязательным требованием является наличие кодов DOI или EDN в каждом русскоязычном источнике. Для англоязычных источников обязательно наличие только кода DOI. Код EDN можно обнаружить на странице описания публикации в научной электронной библиотеке eLibrary. При отсутствии этих кодов источник следует указывать в виде постраничной сноски.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках:**

а) аннотация.

Порядок изложения информации должен соответствовать структуре статьи и включать разделы: введение; материалы и методы; результаты; обсуждение.

Объем аннотации должен составлять 2–2,5 тыс. знаков. Её текст не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

б) ключевые слова и словосочетания.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже. Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) пристатейный библиографический список.

г) сведения об авторах:

- ФИО (полностью);
- AuthorID РИНЦ; ORCID, ScopusID, ResearcherID;
- место работы (учебы) и его почтовый адрес;
- ученая степень, ученое звание;
- адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГРНТИ (<http://grnti.ru/>) и коды ВАК (1-2 кода).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

Не принимаются статьи, направленные в редакцию без выполнения требований настоящих условий публикации.

Научное издание

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
119571, Россия, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1

Издатель:

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес редакции:

620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
<https://journal-management.com/>

Компьютерная вёрстка: Д. И. Трушков
Корректурa: А. В. Ким
Перевод: Э. Э. Недоросткова

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-85748 от 25.08.2023

Дата выхода в свет: 27.04.2024. Формат 60×84/8.
Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 10,97. Уч.-изд. л. 9,76. Тираж 999.
Цена свободная

Отпечатано в ООО Издательство и Типография «Альфа Принт».
Адрес: 620049, г. Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. Заказ № _____

